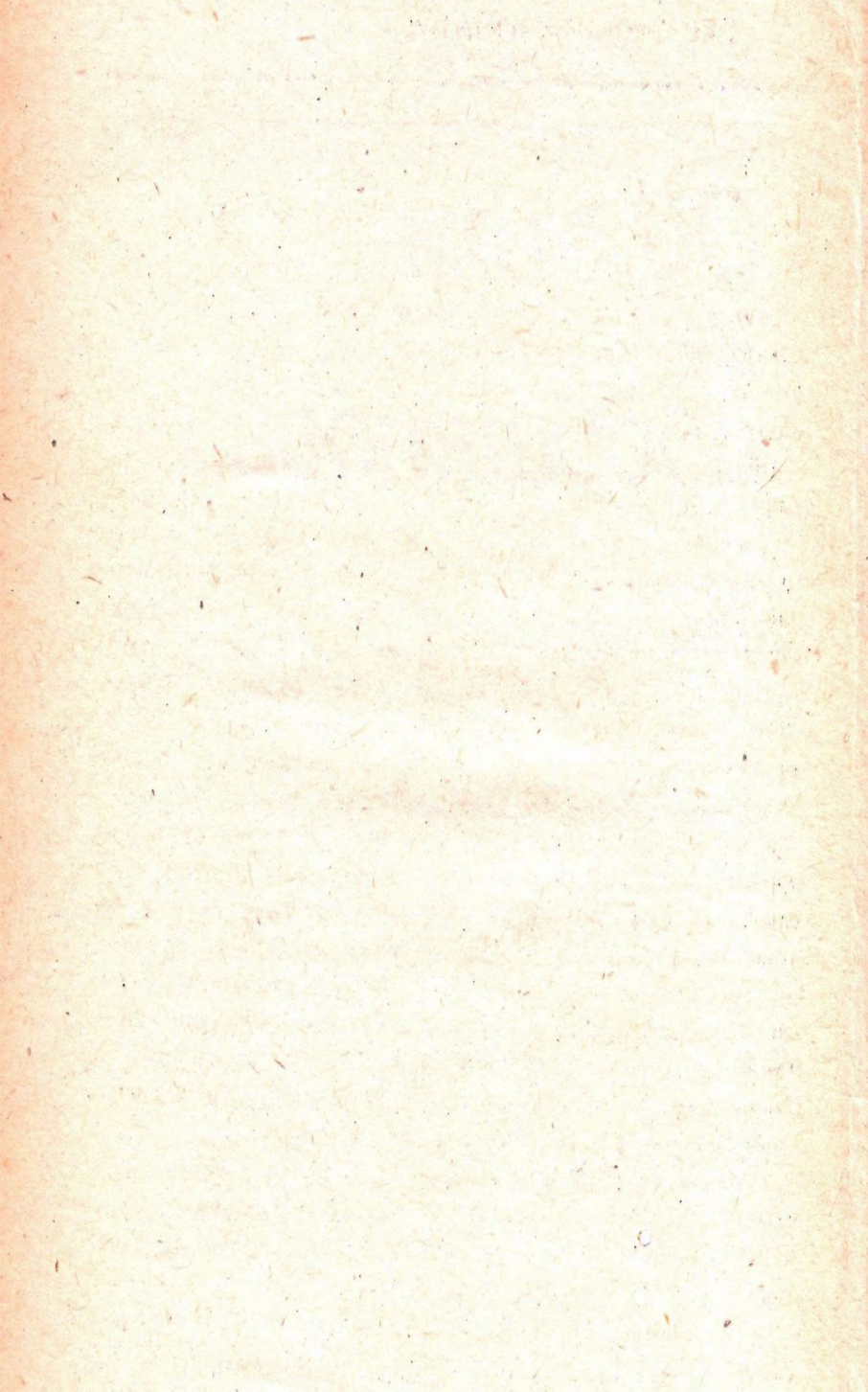
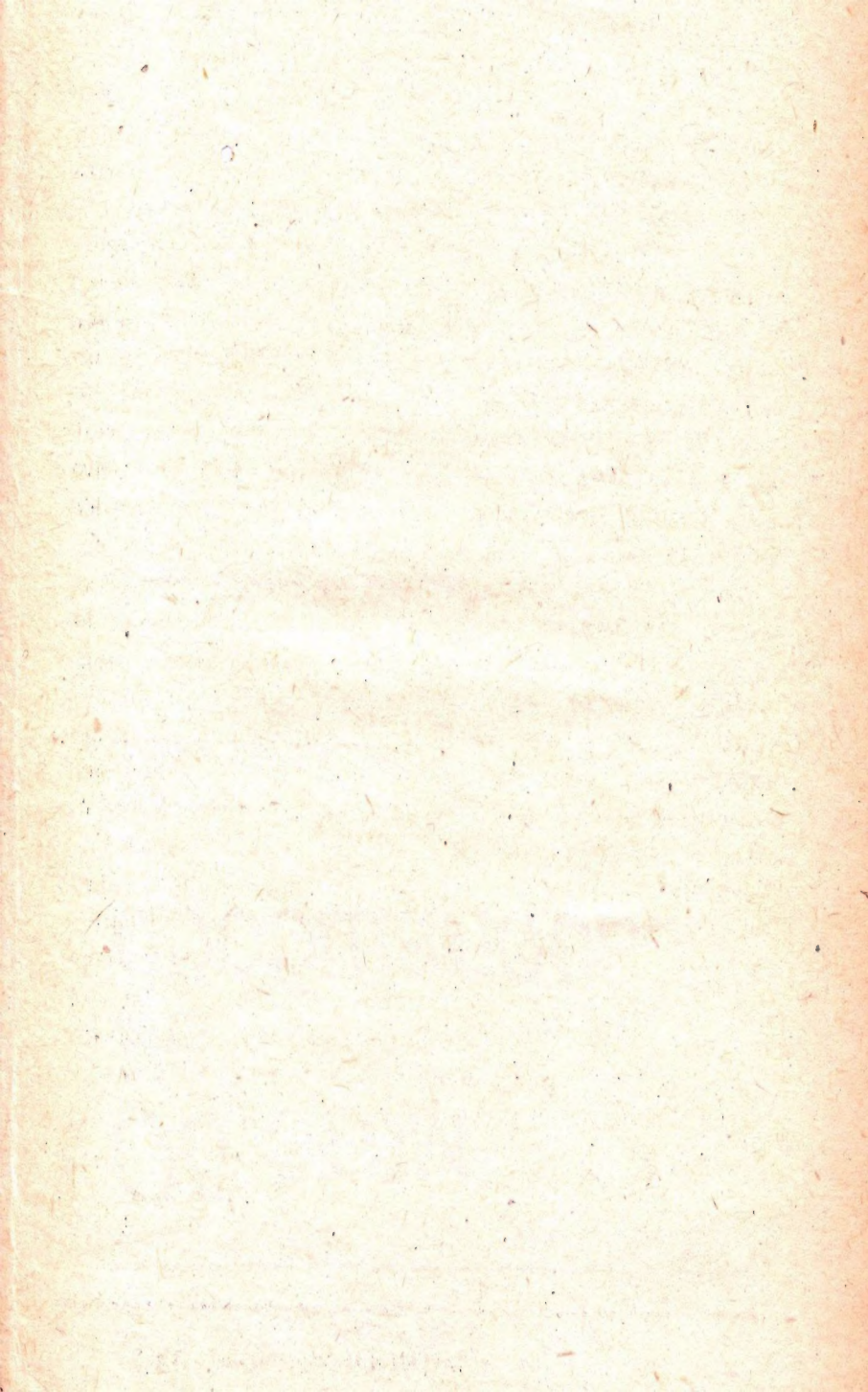

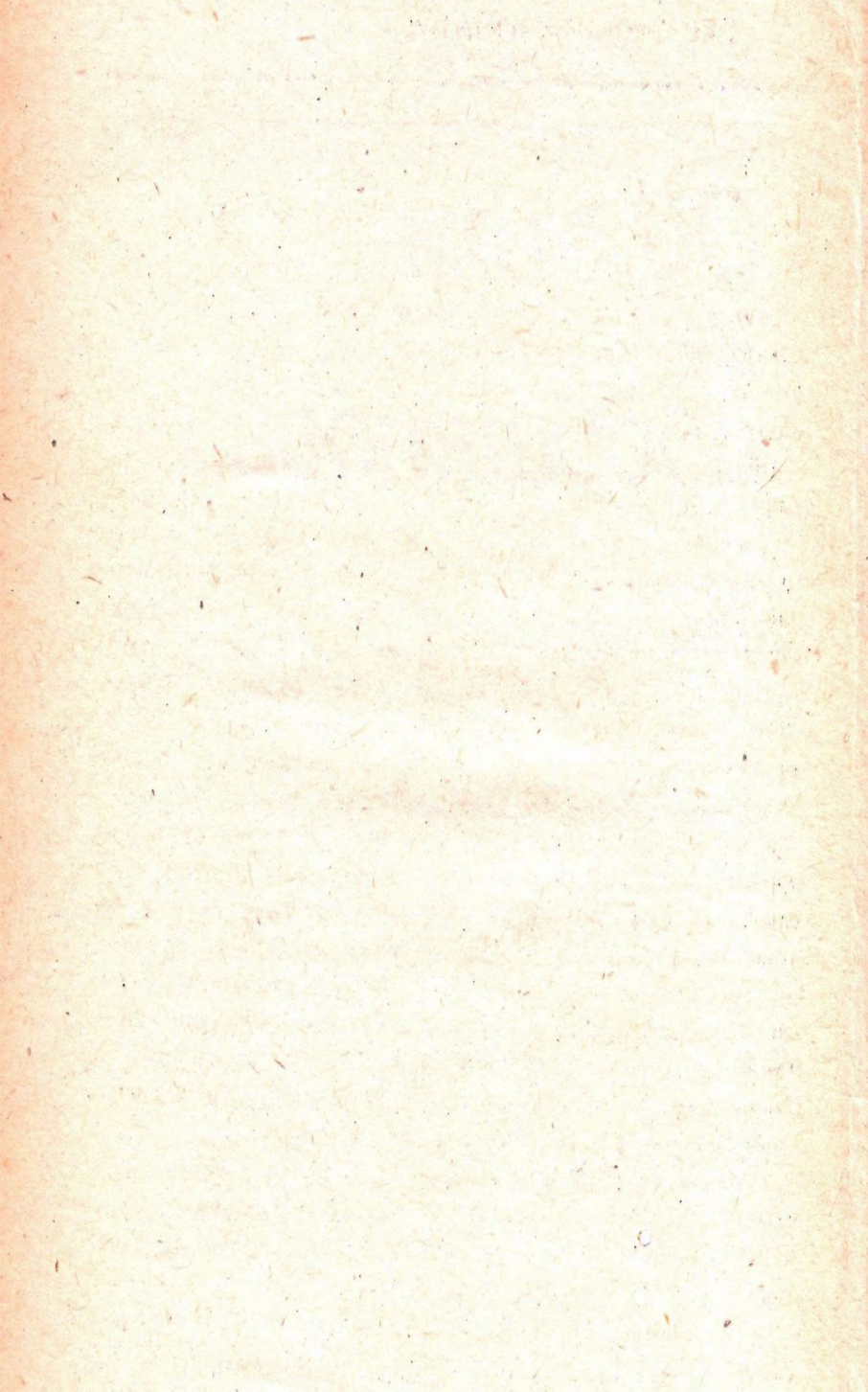
М. А. БЕЛОУСОВ

Об этом не сообщалось...

За нашу Советскую Родину!

М. А. БЕЛОУСОВ

Об этом не сообщалось...

**ЗАПИСКИ
АРМЕЙСКОГО ЧЕКИСТА**

Второе издание, дополненное

**МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1984**

ББК 63.3(2)722

Б 43

Б 1304010000-112 КБ-55-3-83
068(02)-84 БЗВ № 16-1983 г.-№ 2

© Воениздат, 1978

© Воениздат, 1984, с изменениями

ТАК ОНИ НАЧИНАЛИ

В ПЕРВЫЕ ДНИ

Батальонный комиссар Сенько в который уже раз перечитывал докладную. Сомнений быть не могло: и ксендз Фыд, и учитель Буцько, прикрываясь своей духовной и просветительской деятельностью, активно занимаются шпионажем.

Оперативные работники отдела контрразведки механизированного корпуса обратили внимание на этих лиц еще осенью 1939 г., когда соединения и части корпуса только что расквартировались в одной из новых областей Советской Украины. Местные патриоты установившейся здесь рабоче-крестьянской власти тогда сообщили нашим контрразведчикам, что Роман Буцько является украинским националистом. Свою принадлежность к ОУН¹ он не афиширует, но в прошлом был связан с ее руководителями, бежавшими в сентябрьские дни за кордон.

Буцько был взят под наблюдение. И через некоторое время стали поступать на него любопытные данные. Учитель, который демонстративно избегал контактов с нашими командирами и красноармейцами и, как говорится, десятой дорогой обходил расположения воинских частей, в разговорах с вездесущими мальчишками-школьниками проявлял повышенный интерес ко всему, что касалось «красного войска», и к тем местам, к которым «паны солдаты» не подпускают даже детей.

Словом, у отдела контрразведки корпуса были основания для ареста Романа Буцько. Но начальник отдела Сенько решил пока повременить с этим, чтобы выявить более существенные связи шпиона.

С ксендзом Иозефом Фыдом дело обстояло сложнее. Тихий, услужливый, если дело касалось властей, и по-отечески добрый к прихожанам, Фыд, хотя и вызывал подозрения, но в руки, как говорится, не шел.

¹ ОУН — организация украинских националистов.

Данные о том, что святой отец в 1939 г., находясь в гостях в Кракове, был завербован фашистской разведкой, пока проверить не удалось. В начале года был, правда, сигнал о том, что к ксендзу приезжал какой-то католик из-за границы, но взять его след опоздали. И Фыд снова вышел сухим из воды.

Был еще момент, не учитывать который контрразведчики не могли. Роман Буцько вынужден был действовать среди местного населения, в подавляющем своем большинстве с восторгом встретившего воссоединение западных областей с родной Советской Украиной. И любые враждебные действия по отношению к Советской власти люди воспринимали как заговор против себя. Фыд же все сведения получал от некоторых прихожан-фанатиков и служителей костелов тех местечек и сел, где стояли части корпуса. Чекистам найти подход к таким людям оказалось нелегко.

Свои соображения батальонный комиссар Сенько изложил в докладной отделу контрразведки Киевского особого военного округа. Но сейчас, когда он перечитывал (в который уже раз!) дела на Буцько и Фыда, его не покидало чувство беспокойства. Все ли учтено, оправдана ли в данных условиях его, Сенько, выжидательная позиция?

Кадровый чекист, Сенько не мог не ощущать назревающей угрозы. Он понимал, что столкновение с фашизмом неизбежно. Хотя пока молчат пушки, здесь, в недавно освобожденных пограничных районах, идет скрытая от людских глаз тайная война, и он на своем посту должен свято выполнять долг коммуниста: защищать свою страну, свой народ и его армию от происков врагов.

С тяжелыми думами батальонный комиссар закрыл папки с документами и аккуратно уложил их в сейф. На башне бывшей ратуши часы пробили полночь. До начала войны оставалось около четырех часов.

* * *

А в это время за сотни километров отсюда, в Германии, происходили события, имеющие самое непосредственное отношение и к ксендзу Фыду, и к учителю Буцько. Там завязывался узел, разрубить который предстояло советским чекистам, в том числе и батальонному комиссару Сенько.

...По тихим улочкам Дрездена на большой скорости промчались две машины: фургон военного образца и легковой «опель». Камуфляжная окраска их воспринималась редкими прохожими как нечто само собой разумеющееся — шла война. Но каково было бы изумление подгулявших дрезденских бюргеров, если бы им удалось заглянуть в зашторенные окна одной из автомашин. На заднем сиденье «опеля» дремал, откинувшись в угол кабины, советский капитан-танкист. А впереди оживленно болтали между собой на баварском диалекте шофер из гестапо и лейтенант Красной Армии.

Прикорнувший на заднем сиденье обер-лейтенант абвера Гейнц Лоссберг (а это был он в форме советского офицера) не спал, но ему так надоела хвастливая болтовня водителя, что он предпочел уйти таким образом от разговора. В принципе, Лоссберг ничего не имел против гестапо — эти парни неплохо поработали в фатерланде и в присоединенных к нему странах. Но сопровождать им его для работы во вражеском тылу — это уж увольте. Он прямо заявил об этом своему непосредственному начальнику несколько часов назад. Но майор Линц успокоил его, заявив, что все учтено, а конкретные задания группа зондерфюрера Вилли Шмундта получит перед самым вылетом.

Итак, война с Россией началась, размышлял обер-лейтенант. Ну что ж, этого давно следовало ждать. Он, Лоссберг, может только приветствовать очередное проявление мудрости и дальновидности фюрера. Наконец-то и он сможет показать себя в полной мере на практической работе, и перед ним раскрываются блестящие перспективы.

Сын мелкого торговца из Карлсруэ, он в 1935 г. поступил на русское отделение Мюнхенского университета, где всерьез занялся предметом. В перерывах между занятиями Гейнц регулярно участвовал и в нацистских сборищах, и в арестах коммунистов. Но, сняв коричневую форму, до рассвета, бывало, засиживался над учебниками: Он усердно грыз гранит науки, понимая подсознательно, что призывы фюрера покончить с «интеллигентской заразой» не более как лозунг, рассчитанный на толпу. И хочет того рейх или нет, ему не обойтись без настоящих специалистов своего дела.

Практическую пользу такой линии поведения Лоссберг ощутил довольно скоро. Когда с третьего курса многих студентов призвали на военную службу, он без

труда получил теплое местечко в иностранном отделе абвера¹. И в то время как его однокашники муштровались в эсэсовских казармах под Мюнхеном, он в Берлине в уютных кабинетах управления адмирала Канариса изучал секретные досье по Советской России и совершенствовался в языке.

Настоящая работа началась в 1939 г. И хотя Польша не была его амплуа, но именно здесь Лоссберга ожидал первый успех. Исполнительный, грамотный, главное, преданный идеям фюрера, молодой сотрудник абвера обратил на себя внимание старших начальников.

В боевых группах абвера Лоссберг с успехом применил навыки, приобретенные еще во время погромов немецких коммунистов и евреев, и заработал первый офицерский чин. А после создания в Кракове так называемого повстанческого штаба украинских националистов перед начинающим абверовцем открылись, как он считал, широкие просторы. Первая ступенька по заманчивой лестнице вверх, к высотам славы и могущества, — работа в учебных лагерях для украинцев. Эти диверсионные центры, направленные непосредственно на Советский Союз, были созданы абверштелле-Краков² в ряде городов Польши и Чехословакии. Нет, он, Лоссберг, ни на секунду не преувеличивал своей роли в большой игре. И такое положение его устраивало. Тем более что в Польше начальник отдела абвер-2 полковник Лахузен заметил Лоссберга и обещал проследить за его работой, а следовательно, и продвижением.

Дела Лоссбергу приходилось иметь в основном с отбросами общества — бежавшими за границу уголовниками и отпетыми националистами, но молодого лейтенанта это не смущало. В учебных лагерях для украинских националистов абвер и другие секретные службы готовили диверсантов-головорезов. Здесь закладывался костяк будущих частей из наемных убийц — батальона «Нахтигель» и полка «Бранденбург».

...Итак, двадцатитрехлетний обер-лейтенант абвера Гейнц Лоссберг имел все основания быть довольным жизнью, собой и своим будущим. Россия — трамплин на пути третьего рейха к мировому господству, считал он. И тут главное суметь распорядиться своей судьбой...

Обер-лейтенант сладко потянулся и открыл глаза. Ос-

¹ Абвер — орган военной разведки и контрразведки Германии в 1919—1944 гг.

² Абверштелле-Краков — периферийный отдел абвера.

тавив позади Дрезден, мчалась на предельной скорости машина. Вилли Шмундт взахлеб расписывал шоферу богатства России и красоту «руссиш фрейлейн» — он уже бывал в Советском Союзе в качестве переводчика на строительстве тракторного завода на Волге.

«Для таких скотов, — подумал Лоссберг, — предел мечтаний — даровой шнапс и смазливые женщины. Впрочем, так и должно быть: избранным — все, черни — объедки с господского стола. Этим типам хорошо придется потрудиться, прокладывая для элиты нации путь к богатству и могуществу».

Гейнц уселся поудобнее и с безразличной благосклонностью продолжал слушать болтовню попутчиков.

* * *

Батальонный комиссар Сенько не спеша запер сейф и, устало козырнув часовому, вышел в теплую июньскую ночь. И хотя усталость разлилась по всему телу и залегла тяжелым свинцовым пластом в затылке, домой идти не хотелось. Жена с дочками гостила у отца в Николаеве. И ему вдруг до боли остро захотелось хоть на сутки, хоть на час оказаться среди родных, на тихой заводской окраине, вдохнуть полной грудью степной пьянящий воздух, настоящий на полях и зреющих хлебах, но уже вобравший в себя запах металла и угля, краски и дерева, запах его первого жизненного университета — судостроительного завода. Сергей Михайлович видел себя в саду, под густым виноградным шатром. И рядом — отец. Сидят они, попивают терпкое домашнее вино и мирно беседуют обо всем. И нет этой тревожной ночи, нет щемящего чувства осознанного уже беспокойства и огромной ответственности, которая возложена на него, коммуниста ленинского призыва, армейского контрразведчика, за судьбу его двух дочурок и детей миллионов простых советских людей, за судьбу запорожского сталевара и сахалинского рыбака, за судьбу всей страны и за судьбу вот этого усатого дедка-галичанина, который, обхватив для храбрости берданку, мирно сидит на крыльце магазина. Поглощенный мыслями, Сенько не заметил, как подошел к дому. Уже достав ключи, Сергей Михайлович вдруг круто развернулся и быстро зашагал к небольшому особняку в конце улицы. Окно на втором этаже еще светилось — бригадный комиссар не спал.

...Начальник политотдела корпуса Иван Федорович Скобель любил эти тихие часы — на грани суматошно-

го дня и глубокой ночи. Уложив домочадцев, закрывался он наглухо у себя в рабочей комнате и устраивал, как он в шутку называл свои ночные бдения, разбор текущих событий дня. Обстановка в корпусе сложная. Близость к границе требовала предельной собранности и постоянной боевой готовности. И поддерживать ее приходилось в условиях переучивания, а зачастую и освоения заново всем личным составом новой техники, которая, хотя и с перебоями, но в корпус поступала. Смотря правде в глаза, Скобель ясно отдавал себе отчет, что в полном смысле слова механизированным корпусом их соединению только еще предстоит стать. Непонимание многими командирами тактики современной войны, «кавалерийские замашки», как любил говорить комкор — сам в недалеком прошлом кавалерист, не могли не беспокоить бригадного комиссара. В приказном порядке такие вопросы не решались. Необходима была кропотливая повседневная политико-воспитательная работа со всеми — от красноармейца-первогодка до командира с опытом гражданской войны, а времени для этого было крайне мало. Поэтому опасения, высказанные зашедшим к нему начальником отдела контрразведки о Фыде и Буцько, явились как бы продолжением его собственных тревожных раздумий.

...Часовой при штабе корпуса не мог скрыть удивления, когда через некоторое время в штабе снова появился Сенько и вместе с ним начальник политотдела. А еще через двадцать — тридцать минут сюда были вызваны и другие оперработники отдела Сенько. Ставя перед ними задачу, Сенько ловил недоумевающие взгляды: к чему такая спешка? Обоих этих субъектов контрразведчики знали, и взять их можно было в другое время. Ведь батальонный комиссар прекрасно знает, что Роман Буцько живет за высоченным забором, за семью запорами, а на ночь спускает с цепи злющего лохматого кобеля. Пока этого пса «уговоришь», он полгорода разбудит.

Но приказ есть приказ. И в два часа ночи, когда на востоке еще не прорезалась первая предрассветная полоска утреннего неба, к домам учителя Буцько и ксендза Фыда подошли чекисты.

* * *

На аэродроме Гроссенхайн творилось что-то невообразимое. Сквозь надрывный вой авиационных моторов прорывались дикие, исступленные выкрики самолетной

прислуги. Лоссберг увидел, как из только что подрулившего к стоянке «юнкерса» вывалились летчики и тут же попали в объятия обезумевших техников, а еще через секунду они взлетели вверх, подброшенные десятками рук. Даже болтливый Вилли прикусил язык и осоловело уставился в окно. Однако их машины продолжали движение в самый дальний конец аэродрома, где стояло несколько самолетов, предназначенных для них. Сердце обер-лейтенанта сжималось от радостного предчувствия, и едва только их автомобили остановились, он бросился к охране с расспросами. Но была подана команда «Ахтунг!», и все смолкло. Вытянулся в струнку и Лоссберг. К их стоянке шел начальник отдела абвер-2 полковник Лахузен.

— Господа! Офицеры и солдаты! — Голос его звенел на высшей ноте. — Вы являетесь свидетелями и участниками выдающегося исторического события — час назад фюрер начал войну против большевистской России! Летчики, которых вы сейчас видели, первые герои рейха, они уже показали большевикам силу германского духа и оружия, которое им дал великий фюрер!

— Хайль Гитлер! — завопил ошеломленный Лоссберг, ощущая в эту секунду трепетное желание отдать, если потребуется, и жизнь за «величайшего из великих», за вождя нации Адольфа Гитлера.

Обер-лейтенант внимательно слушал полковника Лахузена... Вилли Шмундту и его головорезам надлежало высадиться южнее местечка Яворов Львовской области. Их задача — взрыв железнодорожных мостов на участке Львов — Перемышль, вывод из строя линий связи и расправа с мирным населением. Последнее, судя по довольным лицам диверсантов, устраивало их больше всего. Взвод Вилли составляли эмигранты из Прибалтики, польские уголовники и шесть украинских националистов из организации Степана Бандеры¹. Все они жаждали поскорее оказаться на Востоке, отомстить Советам, побольше награть и получить отличия.

Работу Шмундта и его группы Лоссберг считал не совсем чистой. И дело тут было не в самом задании — пользоваться пистолетом и финкой обер-лейтенант умел не хуже любого из них. А дело — в сложности выполнения группового задания. Даже у команды, состоящей

¹ Степан Бандера — один из руководителей буржуазных украинских националистов.

из арийцев-диверсантов, и то мало шансов вырваться из тыла противника целой и невредимой. В этом смысле свою работу Гейнц считал и менее опасной, и более полезной. Он хорошо усвоил из рассказов опытных разведчиков абвера, что задания в тылу противника удобнее всего выполнять в одиночку. Никто тебе не нашептывает об опасности и никто тебя из коллег не предаст. Находчивый разведчик, если он один, всегда может рассчитывать даже на помощь населения, особенно в сельской местности. Достаточно оказать крестьянке какую-то маленькую услугу, и у нее легко найдешь сочувствие, приют, а то и укрытие.

...Пролетая над границей, где все было окутано дымом и пылью от взрывов снарядов и бомб, он почувствовал, что душа его переполнилась радостью. Его распирало высокомерие и гордость за свою принадлежность к третьему рейху. Правда, когда уже оставались считанные минуты до выброски, у обер-лейтенанта засосало под ложечкой. Только тут подумал он, что его могут убить после того, как он отделится от самолета, или задержать уже на земле. Но такая мысль появилась лишь на какие-то доли минуты. Он посмотрел на отлично сидевшую на нем новенькую форму капитана Красной Армии, нащупал в кармане документы на имя начальника штаба танкового батальона Елистратова и сразу успокоился — они обеспечат ему выполнение задания. Лоссберг считал, что после приземления первая же попавшаяся ему автомашина или подвода доставит его, как «командира Красной Армии, возвращающегося из отпуска», туда, куда он скажет. Ну а если возница или шофер окажется неуступчивым, он заставит его это сделать силой оружия. Началась война, и долг каждого советского гражданина — помочь «отпускнику-командиру» быстрее окантаться в своей части!

У абверовца все складывалось пока как нельзя лучше. Приземлился он благополучно. Выйдя затем на дорогу Стрый — Дрогобыч, остановил подводу, запряженную парой добрых коней, и попросил возницу подвезти его.

В городе, в который они приехали, грохотали разрывы, в некоторых местах возникли пожары. Женские крики, детский плач неслись отовсюду. Появились обезумевшие от горя люди, еще не понимавшие, что же произошло. Они тогда еще не знали, что немецкие летчики — истребители и штурмовики — проходили специаль-

ную подготовку — «охота за группами и отдельными объектами на открытом пространстве». А в Польше сдали экзамен по этой палаческой задаче.

Войск в городе почти не было видно — только изредка промчит полуторка с бойцами. Зенитчики вели по самолетам редкий и, как отметил Лоссберг, неприцельный огонь.

На одной из центральных улиц вой никировщика заставил обер-лейтенанта ничком упасть на мостовую. Взрыв оглушил его, а несколько крупных обломков камня упали совсем рядом. И тут леденящий ужас пригвоздил абверовца к земле. Не было сил даже отползти куда-нибудь в укрытие. С трудом переждав налет, на подгибающихся от страха ногах, с думой о том, что может погибнуть от своих бомб, он пошел по нужному ему адресу. Потрясение от пережитого было так велико, что у Лоссберга не хватило сил оказать сопротивление, когда в доме Фыда вместо знакомого ему по фотографиям святого отца его встретил запыленный, с окровавленной повязкой на голове сотрудник отдела контрразведки корпуса политрук Николаев.

* * *

Ксендз Фыд открыл дверь сразу после первого звонка, как будто всю ночь только и ждал визита контрразведчиков. Когда ему предъявили ордер на обыск, он не возражал и только отошел к распятию и начал вполголоса молиться. Обыск сначала не дал положительных результатов, и во взглядах, которые ксендз бросал на чекистов, проскальзывало злорадство. Но внимание Сенько привлек молитвенник, который Фыд не выпускал из рук. На предложение показать эту книгу пастор разразился проклятиями и, призывая громы небесные покарать чужаков и вероотступников, рисовал им муки в геенне огненной. А когда и это не подействовало, упал на колени и молил во имя всего святого не осквернять священного писания. Но и эти его устрашения и моления не были услышаны чекистами. Тогда он швырнул под ноги Сенько молитвенник и, поднявшись с пола, аккуратно почистил колени, бормоча про себя ругательства.

Святая книга, как и подозревал Сенько, оказалась со шпионскими записями. На ее полях бисерным почерком Фыд заносил данные, характеризующие высший и старший командный состав корпуса, с указанием фамилий, имен, домашних адресов, деловых и политических

качеств, наклонностей. В молитвеннике значились также наименования всех населенных пунктов и улиц, где располагались штабы соединений и частей корпуса, казармы, места укрытия боевой техники, складов с боеприпасами и горючим, даты поступления новых танков. Сергей Михайлович обратил внимание, что против более ранних сведений карандашом сделаны аккуратные пометки, а уже рядом с сообщением о прибытии в декабре прошлого года тридцати танков Т-34 и дальше — пометок нет. Значит, им сообщили правильно: с осени прошлого года Фыд связи с заграницей не имел и со дня на день мог ждать оттуда курьера.

Старый святоша строго вел бухгалтерию, подсчитывая на страницах жития святых и великомучеников свои подлые сребреники. Обыск продолжался. Ксендз как будто заостенел в кресле, устремив взгляд в одну точку. И вдруг он встрепенулся. Его обостренный слух уловил то, на что поначалу не обратили внимания занятые делом чекисты. Вначале мелко, на очень высокой ноте задребезжали стекла, потом, всё больше ширясь и усиливаясь, комнату заполнил непонятный гул. Еще минута — и ночную тишину на десятки километров окрест нарушили первые разрывы авиабомб.

...Ни Сенько, ни посыльные, поднимающие в городе военных по тревоге, ни жены, уже ставшие вдовами, ни дети, осиротевшие в течение этих страшных мгновений, еще не знали, что наша страна вступила этой предрасветной порой в полосу самых тяжелых в своей истории испытаний.

* * *

При задержании обер-лейтенант Лоссберг решительно отказался назвать себя и заявил, что никаких показаний он давать не будет, поскольку является офицером вермахта великой Германии и до последнего вздоха будет верен присяге, данной фюреру. Хозяина конспиративной квартиры он не знает, в дом к ксендзу постучал случайно, чтобы получить хотя бы какое-то укрытие от бомбежки, а рация и другое шпионское снаряжение, изъятые у него, принадлежит лично ему. Он даже издевательски, на чистом русском языке, спросил:

— Может быть, советские органы разведки, направляя своих агентов в расположение противника, снабжают их клетками с почтовыми голубями?

Чекисты Николаев и Сенько с трудом сдерживались,

глядя на самодовольную физиономию гитлеровца. Во время первой бомбежки Сенько послал из квартиры ксендза в штаб корпуса оперработника Николаева с задачей узнать, какие данные получены в штабе о случившемся. Возвращаясь оттуда, политрук по пути забежал домой и обнаружил, что половина его дома разрушена в результате этой бомбежки, погиб вместе с семьей его сосед и друг, командир батальона связи капитан Александр Николаевич Покатило. Вынося их тела из-под обломков здания, Николаев чудом увернулся от горящей балки. Но полученную большую ссадину на голове пришлось наскоро перевязать, она кровоточила.

Столько ненависти и боли было теперь в глазах этого постаревшего сразу человека, что гитлеровцу, находящемуся уже в отделе контрразведки, стало не по себе. И неизвестно, чем бы закончился с ним разговор, если бы не вмешался прибывший от комкора Сенько. Отправив задержанного в камеру, батальонный комиссар устало опустился на стул и обхватил голову руками. Казалось, бессонная ночь и все пережитое за эти несколько часов лишили сил этого мужественного человека. Николаев подошел к нему и тронул за плечо:

— Что, плохо, Сергей Михайлович?

— Ничего, Алексей, переживем...

— Как на границе?

— На границе бой, связи со штабом армии нет. Через два-три часа выступаем.

— Значит, война?

— Война, Николаев. И такая война, какой мы, кажется, с тобой не видали. Но мы их будем бить. Будем. Тебе ясно, товарищ политрук?

— Ясно, Сергей Михайлович...

— Поскольку задержанных нам придется брать с собой, давайте оформим их допросы здесь. Ты — Буцька, следователь Ковальчук — Фыда, а мне приведите этого немца. Предупредите задержанных, чтобы отвечали по существу. Времени у нас в обрез. Ясно?

* * *

Буцько и Фыд, видимо, на что-то надеялись, потому что показания давали обстоятельные. Бывший учитель имел даже наглость сделать замечание Николаеву, который делал торопливые записи, что, мол, пан офицер не очень подробно записывает его, Буцька, признания, а

они могут оказаться очень нужными для советского командования. Фьд отвечал тихо, заикался, путал слова, но говорил, судя по всему, правду.

Оба они начали работать на германскую разведку с первых дней вступления Красной Армии в западные области Украины. Буцько — по приказанию руководства организации украинских националистов, в которой он состоял с юношеских лет, а ксендз — после знакомства с майором абвера Линцем. С ним он встретился на рождественских праздниках в 1939 г. в Кракове, куда думал перебраться навсегда в связи с приходом в его город Советов. Линц убедил святого отца не покидать насиженных мест: большевикам жить осталось недолго и в новом, свободном мире и деньги и слава будут не у тех, кто бежал от ужасов большевизма, а у тех, кто активно боролся за «новый порядок» в Европе. Взвесив все «за» и «против», Фьд возвратился в свой город. За собранными данными к нему и Буцько дважды в году — осенью и весной — гитлеровская разведка присылала своего курьера. Очередное донесение было готово к середине мая, но связник оттуда почему-то пока не прибывал.

Записывая показания Лоссберга, Сенько выделил для себя два момента. Задержанный все время упирал на то, что он является сотрудником немецкой разведывательной службы — абвера. Об этой службе Сенько слышал, но еще не знал, какое она занимает место в системе разведывательных и контрразведывательных органов Германии, ведущих подрывную деятельность против СССР и его Красной Армии. Поэтому против слова «абвер» он вывел жирный вопросительный знак.

Обер-лейтенант утверждал, что вместе с ним в самолете находилась группа диверсантов, переодетых в форму военнослужащих Красной Армии. Все они из полка специального назначения «Бранденбург». Их задача — организация диверсий в районе, до которого отсюда лету 20—25 минут. А это добрых 80 километров. И это лишь одна из многих групп, подготовленных для таких целей абвером (опять абвер!).

«Неужели, — размышлял Сенько, — немцы рассчитывают в ближайшие дни проникнуть основными своими силами на такую глубину советской территории? Или же это смертники, призванные посеять панику в наших тылах? Нет, запугивает фашист». И батальонный комиссар строго посмотрел на задержанного.

Не знал Сергей Михайлович Сенько, что в эти часы

уже несколько сот агентов, сброшенных с вражеских самолетов в наш тыл, взрывали мосты и склады, нападали на военные транспорты и убивали мирных жителей.

А Лоссберг по-своему истолковал взгляд чекиста. И не жалел слов, чтобы убедить его в своей правдивости. Отнюдь не раскаяние толкнуло его на такой путь. Пережив еще одну бомбежку в камере, напоминавшей обыкновенный кирпичный амбар, воинственный обер-лейтенант понял, что третьего налета он не выдержит. Ему казалось, что каждая бомба летит именно на черепичную крышу его амбара. Поэтому на допросе он решил рассказать все, чтобы «мелкие сошки» из корпусной контрразведки немедленно отправили его в глубокий тыл. Его показаниями — в чем он был уверен — должны заинтересоваться в верхах.

Приблизительно так и понял его батальонный комиссар. Но сделал свой вывод: врет гитлеровец, цену себе набить хочет. Да и как можно было поверить в показания фашиста, который утверждал, что в его непосредственную задачу входила вербовка агентуры из числа местных жителей, подобранных для этого Фыдом и Буцько, и засылка ее с отступающими советскими войсками вплоть до Киева. Такое не укладывалось в голове у Сенько. Поэтому к показаниям Лоссберга о разведывательно-диверсионной деятельности абвера Сенько и отнесся с недоверием.

* * *

Поздно вечером, уже на марше, батальонного комиссара разыскал оперуполномоченный отдела контрразведки соседней стрелковой дивизии политрук Прохоров. Он прибыл в отдел корпуса с просьбой своего начальника, старшего политрука Герасимова, передать от них в Киев в отдел контрразведки фронта¹ сообщение (из дивизии связи со штабами армии и фронта уже не было) о ликвидации взводом бойцов их артиллерийского полка группы фашистских диверсантов. В наскоро написанном карандашом сообщении лично Герасимовым говорилось, что в момент начала войны артиллерийский полк находился на стрельбах, в 100 километрах от постоянного места расквартирования. Утром командование получило

¹ Как только началась война, Киевский особый военный округ был реорганизован в Юго-Западный фронт.

приказ о немедленном возвращении в дивизию. Нужно было пройти своим ходом до железнодорожной станции Судовая Вишня и погрузиться здесь на платформы. Маршрут полка пролегал через Перемышль на Нижанковичи.

К полудню погрузка артиллерии была в разгаре, и в это время к командиру батареи капитану Еремееву подбежала запыхавшаяся женщина и спросила, в каком направлении военные собираются ехать. Вопрос показался Еремееву подозрительным, и он сразу же проводил женщину к оперуполномоченному, политруку Константинову. Выяснилось, что вчера вечером у нее пропала корова. Проискала ее всю ночь и не нашла. Минут двадцать назад бродила по камышам в пойме речушки Вишенка и увидела, как группа красноармейцев взобралась на железнодорожную насыпь у моста и стала раскручивать рельсы. О начале войны женщина знала, и действия красноармейцев ей показались подозрительными. Постояв несколько минут в камышах, понаблюдала за ними и затем незамеченной отошла от моста и прибежала на станцию, чтобы заявить об этом начальнику. Но здесь оказались военные, и она решила сказать об этом им.

Женщина была представлена командиру полка. По его распоряжению в подчинение оперработника срочно было выделено до взвода бойцов-артиллеристов, и Константинов, оседлав с ними лошадей, направился к мосту. От станции это не более двух километров. При приближении к мосту, метров за 500—600 от него, артиллеристы были обстреляны из автоматов. Сомнений не было — на мосту орудут враги. Наши бойцы залегли, и началась перестрелка. Константинов понимал, что с карабинами против автоматов многого не сделаешь. Поэтому он послал к командиру полка сержанта Горева с просьбой усилить группу ручными пулеметами, а шестерых верховых пустил наперерез бандитам, которые, отстреливаясь, начинали отходить с моста в западном направлении, прикрываясь железнодорожной насыпью. Заметив наш маневр, диверсанты усилили огонь. В группе Константинова появились убитые. Несли потери и диверсанты, точки их автоматного огня редели. Вскоре пришла подмога — два ручных пулемета, а верховые сумели зайти в тыл фашистам. Разгорелся бой. Он продолжался около часа. Гитлеровцы сопротивлялись остервенело, и к концу боя в живых остался лишь один. С нашей стороны также имелись потери: четверо убитых и пять раненых;

в числе раненых был и политрук Константинов, но он остался в строю.

Все диверсанты были в нашей форме, но лишь один с удостоверением личности на имя лейтенанта Фролова. Остальные никаких документов при себе не имели. Диверсантам удалось разобрать путь и два звена рельсов сбросить под мост. Для восстановления пути здесь теперь требовалось времени не менее двух часов. К тому же неясно было, каково состояние дороги на остальном участке — от станции Судовая Вишня до Мостиска — Перемышль и далее. Полк разгрузился и двинулся вперед своим ходом. Вечером он соединился со своими стрелковыми полками, уже основательно поредевшими за день боя и отходившими от границы на восток.

Захваченный у моста диверсант был доставлен в отдел контрразведки дивизии. Его допрашивали начальник отдела старший политрук Герасимов и начальник политотдела дивизии старший батальонный комиссар Колотушкин. Фашист наотрез отказался давать показания о немецких войсках и местах выброски других групп диверсантов. Он был молод, здоров, неплохо говорил по-русски, но своей фамилии не назвал. Лишь заявил, что в Германию выехал с родителями в 1940 г. из Прибалтики, где в районе Мемеля (ныне Клайпеда) они имели 180 гектаров земли. Как немец, он восторгался фюрером, нагло утверждая, что «он покончит с Красной Армией в самые ближайшие дни». И если им (его группе) не удалось полностью выполнить задания фюрера, то это сделают другие, такие же, как они. Их абвер-2 подготовил много. Они уже находятся в тылу советских войск. Германия все равно победит Россию. И его отец возвратится в свое имение, и русские у него будут рабами.

Задержанный сказал также, что старшим их группы был Вилли Шмундт. Он был одет в форму советского лейтенанта, и с ними в самолете летел еще один немецкий офицер, одетый в форму капитана Красной Армии, но куда он делся при их высадке — он якобы не знает. Диверсант, видимо, надеялся, что Лоссберга мы будем искать в районе станции Судовая Вишня.

О разгроме этой группы диверсантов и о результатах проведенной операции — арестах Буцько и Фыда, — в ходе которой был захвачен и кадровый гитлеровский разведчик, назвавшийся сотрудником абвера обер-лейтенантом

Лоссбергом, Сенько ночью кратко по радио донес в отдел контрразведки Юго-Западного фронта.

Но, к большому сожалению, данными о планах одного из периферийных органов абвера против войск фронта, которые можно было получить от Лоссберга, нам, фронтовым контрразведчикам, воспользоваться тогда не удалось. Указаний о доставке Лоссберга в отдел фронта Сенько уже не получил. Связь с корпусом была нарушена. Его части оказались в окружении превосходящих сил противника, и им с боями пришлось выходить из окружения. В этих условиях многим командирам, политработникам и чекистам корпуса пришлось воевать как рядовым бойцам. Трое арестованных (в том числе Лоссберг), находившиеся при Сенько в отряде, которым командовал бригадный комиссар Скобель, стали обузой. Неоднократно возникала опасность захвата их своими хозяевами. Пришлось срочно закончить следствие и шпионов предать суду. Наказание они получили по всей строгости законов военного времени.

* * *

Отдел контрразведки фронта в первый день войны получил несколько сигналов о выброске с воздуха в наши тылы немецких парашютистов. Надо было принимать срочные меры к организации специальных отрядов по ликвидации забрасываемых к нам диверсантов. С этой целью в подчиненные отделы соединений были направлены наиболее опытные оперативные работники. Батальонный комиссар Котовенко и политрук Горюшко получили приказание выехать в район станции Шепетовка. Сюда начинали прибывать из Забайкалья войска 16-й армии, и их контрразведчики очень нуждались в помощи местных товарищей.

На старенькой эмке, полученной только вчера «из народного хозяйства», Котовенко и Горюшко часов в шесть утра 23 июня уже находились на подъезде к Шепетовке. Их мысли и разговоры были крайне тревожными. На правом фланге фронта немецкие танковые полчища развивали наступление в направлении Луцк, Броды. Некоторые наши соединения попали в окружение. И говоря сейчас об этом горе, они слышали гул моторов. Шофер сбавил ход, но машину не остановил. Все трое приоткрыли дверцы и стали смотреть вверх. Их взо-

ру предстала необычайная картина: два транспортных фашистских самолета примерно с высоты тысячи метров стали сбрасывать на поляну у небольшого лесочка парашютистов. Их было много — несколько десятков. А наших товарищей — только трое, и вооружены они лишь пистолетами ТТ.

До опушки леса, которую пересекала дорога, ведущая в Шепетовку, оставалось метров четыреста, а до самой станции — километров семь. Решение приняли мгновенно. Котовенко прорвется на машине в Шепетовку за подкреплением, а Горюшко останется на опушке для наблюдения за действиями десанта.

Оставаясь в лесу, Горюшко знал, чем он рискует. Этой ночью мехкорпус, дислоцировавшийся в районе Шепетовки, убыл под Броды, а места расположения прибывающих частей 16-й армии им еще неизвестны. Но Горюшко повезло. Подмога ему подоспела вовремя. Как только Котовенко въехал в Шепетовку, он увидел красноармейца-пограничника. Остановив его, спросил, есть ли в городе какие-либо воинские подразделения. Пограничник этого не знал. Разговорились, и выяснилось, что он и еще несколько его товарищей из 90-го погранотряда, оставшихся в живых, ночью были выведены из боя и прибыли в Шепетовку.

Котовенко посадил пограничника в машину и немедленно направился с ним к дому, где расположились его боевые товарищи. Здесь он встретился со старшим лейтенантом Коровиным и рассказал ему о высадке гитлеровского десанта. Оказалось, что Коровин с тридцатью шестью красноармейцами и двумя сержантами на двух крытых полуторках прибыл в Шепетовку часа три назад и люди, находившиеся более суток в боях, сейчас отдыхали. Котовенко и Коровин подняли красноармейцев и, усадив на машины, направились к месту нахождения Горюшко. Все это заняло не более часа.

Оперуполномоченного Горюшко они нашли в условном месте. Он доложил обстановку, и только тут Котовенко обратил внимание, что за плечами у Горюшко висит немецкий автомат. Оказалось, что, когда он остался в лесу один, невдалеке от него приземлился фашистский диверсант и начал гасить стропы парашюта. В этот момент Горюшко прикончил его без выстрела, забрал автомат и боеприпасы. И если бы теперь Горюшко пришлось

встретиться с высадившимся десантом в одиночку, он бы дешево свою жизнь не отдал¹.

Оказалось, что десант приземлился некучно, поэтому сбор диверсантов еще не закончился. Собираются они на восточной опушке леса южнее села Плесна, недалеко от развилки железных дорог, идущих на Староконстантинов и Тарнополь. К такому заключению чекисты пришли потому, что оттуда были пущены в воздух две ракеты и парашютисты, приземлившись, двигались в том направлении.

Было принято решение: разделиться на две группы, скрытно окружить это место и, уточнив затем, что диверсанты находятся там, нанести по ним ошеломляющий удар. Сигналом должен послужить выстрел Котовенко. Пограничники были вооружены четырьмя ручными пулеметами, несколькими автоматами, винтовками и гранатами. Их ненависть к фашистам была неизмеримой. Они уже ощутили на себе всю тяжесть их разбойничьего нападения и потеряли в бою многих своих товарищей.

Разработанный чекистами план операции блестяще удался. На подготовку к бою ушло минут тридцать, а продолжался он не более десяти минут. Нападение было столь неожиданным, что из шестидесяти диверсантов, входивших в команду, в живых осталось двое. Наши потери — один раненый.

Пленные оказались разговорчивыми. Это были сыновья бакалейщика из Касселя и учителя-нациста из под Мюнхена. Оба — воспитанники молодежной нацистской организации «Гитлерюгенд». Удар пограничников пришелся по их команде в тот момент, когда зондерфюрер Лямке разделил команду на четыре группы и каждой из них ставил свою задачу. Задание команда получила еще в Германии за час до вылета, а в лесу оно лишь уточнялось на местности.

Каждая из четырех групп должна была оседлать одну из железнодорожных веток, ведущих к Шепетовке, и по сигналу зондерфюрера взорвать полотно дороги на всех четырех магистралях, пересекающих Шепетовку.

¹ Оперуполномоченный Г. Г. Горюшко до конца своей жизни не расставался с этим трофейным автоматом, участвуя неоднократно в боях с фашистами. Погиб Горюшко 20 сентября 1941 г. у хутора Дрюковщина, Сенчанского района, Полтавской области, во время отражения фашистских атак на группу бойцов и офицеров, находившихся здесь с командующим Юго-Западным фронтом М. П. Кирпоносом.

Немцы считали, что после этого советское командование долго не сможет пользоваться важнейшими коммуникациями, питавшими фронт. Делалась ставка и на то, что такая крупная диверсия вызовет одновременно и панику среди местного населения.

После этого зондеркоманда должна была сама выбирать себе объекты для диверсий: склады с горючим и боеприпасами, военные автоколонны, мосты, линии связи.

Захваченные парашютисты показали, что их команда была укомплектована выпускниками двух учебных центров — в Тегеле под Берлином и в Квинзее близ Бранденбурга. Один специализировался на подготовке диверсантов, а другой — диверсантов и террористов. Занятия продолжались шесть месяцев, и выпускники предназначались для действий на территории СССР, и прежде всего на Украине, в Белоруссии и Прибалтике.

Пленные утверждали, что их учебные заведения находятся в ведении абвера. Это был уже не первый (с начала войны) сигнал о немецком разведоргане — абвере. Но, к сожалению, в те дни осиные гнезда, готовящие разведчиков и диверсантов для третьего рейха, для нас были пока недосыгаемы.

Размах диверсионной деятельности гитлеровцев в советском тылу требовал немедленных и решительных ответных мер. И уже 24 июня, на третий день войны, Совет Народных Комиссаров СССР принимает специальное постановление «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе». Территориальные органы НКВД обязаны были создавать на местах истребительные батальоны для уничтожения диверсантов.

Мобилизация чекистов и населения на борьбу с гитлеровскими парашютистами, быстро дала результаты. Тысячи фашистских молодчиков нашли на нашей земле бесславный конец. В первых числах июля немецкие разведорганы были вынуждены прекратить массовую выброску своих агентов-диверсантов в тылы наших войск. Так была выиграна первая схватка с абвером.

Однако нашему народу необходимо было повышать бдительность, а сотрудникам контрразведывательных органов — совершенствовать методы своей работы: враг брал на вооружение новые формы подрывной деятельности, используя благоприятную для него обстановку на фронтах. И уже через неделю после описываемых событий

контрразведчики Юго-Западного фронта получили первую весточку от шефа незадачливого обер-лейтенанта Лоссберга — майора абвера Линца.

* * *

Майор Линц со своим аппаратом следовал за первым эшелонам наступающих дивизий. Верховному главнокомандованию рейха и командованию группы армий «Юг» нужны были самые свежие, как говорится из первых рук, данные о Советской стране и ее Вооруженных Силах. Нужны были документы, карты, сведения о степени готовности страны к отпору завоевателям.

Большое внимание руководство абвера уделяло изъятию и сортировке личных документов советских людей. Несмотря на то что адмирал Канарис был в числе первых, кто внушал фюреру успех блицкрига, сам он уже тогда, в июне 1941 г., был готов и готовил все службы своей разведки к возможной затяжной войне. Адмирал был хорошо осведомлен о состоянии Советских Вооруженных Сил и потенциале страны, но политическая ситуация складывалась так, что Гитлеру нужна была война. На нее работала вся поверженная Европа, на нее настойчиво ориентировали нацистскую верхушку истинные правители Германии — промышленные магнаты, для которых людские, сырьевые и продовольственные ресурсы России, Украины и Белоруссии были процентами за вклады в фонд фашистской партии.

Канарис знал все это и поэтому при составлении плана «Барбаросса» выдавал желаемое за реальность. Горячо поддерживая доктрину шестинедельной войны, он в то же время готовил и запасные варианты.

Вторжение на советскую территорию руководители рейха рассматривали как сигнал к активизации антисоветского подполья. Канарис же не очень надеялся на добровольных «мстителей». В первый же час войны вместе с бомбами на советскую землю по его приказу посылались головорезы из полка «Бранденбург», а специальные, строго засекреченные подразделения абвера получили инструкцию тщательно «просеивать» контингенты пленных, выявлять среди них убежденных врагов Советской власти, обеспечивать их надежными документами и засылать в советский тыл.

В то время когда Геббельс, захлебываясь, подсчитывал дни и часы, оставшиеся до полного краха Совет-

ского Союза, абвер начинал на восточном фронте свою игру, рассчитанную на долгие месяцы, а может быть, и годы.

...В доме ксендза Фыда майор Линц застал только перепуганную насмерть служанку. Из ее сбивчивого рассказа понял, что и хозяин дома, и Лоссберг арестованы, и это ставило майора в затруднительное положение. Ведь Лоссберг должен был с помощью Фыда и Буцько подобрать нужных людей и, пользуясь отсутствием сплошной линии фронта, заслать их вместе с частями отступающей Красной Армии в глубокий тыл. План этой «операции» теперь ломался, и Линцу нужно было восполнить пробел, возникший в связи с арестом Лоссберга.

* * *

Литовченко перевел дух, когда гул мотора машины его напарника сержанта Купко смолк за дальним поворотом. Все. Лично для него война окончилась. Теперь остается только ждать. Появятся немцы, и он в целости передаст им свою машину. Полуторка новенькая — только что с завода. А ящики со снарядами, тщательно прикрытые брезентом, лучшее подтверждение его, Дмитрия Литовченко, благонадежности. Немцы-то сумеют оценить, что бы значили эти боеприпасы, окажись они в распоряжении танкистов.

Отгнав полуторку в кусты, Литовченко присел на ступеньку и закурил. Если и жалел он о чем-то в эту минуту, так только о том, что нет сейчас с ним отца. Дед Павло, как звали его односельчане, наверняка лучше и быстрее сумел бы сговориться с немецким начальством. Ведь он ждал их (или кого другого — найдется ведь сила против большевиков) с того памятного зимнего дня 1929 г., когда к ним в хату пришли представители власти и зачитали бумагу, по которой Павел Литовченко со всем своим семейством должен был этой же ночью уехать на север, в какой-то неизвестный ему Котлас, а все его имущество и тягло переходило только что созданному колхозу «Новая жизнь». Отец цыкнул тогда на запричитавшую мать и, недобро глянув на пришельцев, процедил сквозь зубы: «Новая жизнь, выходит, и для вас и для нас. Ну что ж, посмотрим, чья верней окажется, чья вывезет».

Отец люто, но молча ненавидел Советскую власть. Там, на севере, работал до седьмого пота, содержал семью и иступленно верил в то, что большевикам рано или поздно будет крышка. Верил и внушал эту веру сыновьям.

В 1938 г. семье Литовченко, как «исправившейся трудом», разрешили возвратиться на Полтавщину. Когда приехали в родное село, оказалось, что дом их занят под детский сад, а надворные постройки перенесены на бригадные дворы колхоза. Постояли молча, погрустили и уехали в Конотоп, где отец с младшим сыном устроились на кирпичный завод, а Дмитрий — шофером в МТС. В доме поселился достаток, но Литовченко-старший затаился еще глубже — детские голоса и смех на его подворье терзали душу, жгли огнем незажившие раны былых обид.

В сыновьях он был уверен, как в самом себе. Поэтому, когда провожал Дмитрия на службу в Красную Армию, только и бросил, как бы невзначай: «Нам с тобой, сынку, защищать пока что нечего...»

...Литовченко достал из-за голенища листовку. Вот тут черным по белому, на хорошей бумаге разъяснено, что немецкие войска идут в нашу страну с освободительной миссией, что они непобедимы, поэтому военнослужащим Красной Армии нет смысла зря проливать свою кровь; не оказывать немцам сопротивление, а сдаваться в плен или уходить к своим семьям должны они. И самое главное — эти строчки Литовченко очеркнул ногтем, — «всем, кто пострадал материально от Советской власти, имущество и земля будут возвращены полностью»...

Майор Линц с ленивым любопытством рассматривал стоящего перед ним пленного красноармейца. Вид помятый, говорит жалобно, клянет на чем свет стоит Советскую власть и, загибая грязные пальцы, перечисляет обиды, нанесенные его семье и ему лично. По глазам его абверовец видел, что мужичок этот доволен поворотом в своей судьбе. Неужели эта свинья серьезно думает, что немецкие войска пришли сюда, чтобы таскать для них каштаны из огня? Нет, голубчик, вы сами положите к ногам Германии свою страну. И уже потом мы, немцы, сами решим, кому и какую кость бросить... Линц резко прервал «исповедь» Литовченко:

— Ты зачем сдался?

— Здесь написано...

— Кто тебя послал и какое ты получил задание?
— Я сам. Христом-богом клянусь, что сам. Мне отец...
— Твой отец коммунист?
— Из хозяев мы. Землю и усадьбу у нас отобрали...
— Где твои родственники?
— Призывался я в Кенотопе...
— Где и кто есть еще? Быстро!
— В Котласе брат отца на лесоразработках.
— Еще.
— В Киеве... Тетка по матери.
— Хорошо. Завтра поедешь в Киев. Что делать там — научим.

— Мне в Киев никак нельзя, господин офицер. НКВД на первой же улице заметет и, как дезертира, — к стенке. Я лучше тут, при вас. Могу по ремонту, и шоферить могу...

Стек коротко свистнул в воздухе, и Литовченко ощутил острую, слепящую боль, из рассеченной щеки брызнула кровь. Он не видел, как в комнату вбежали два здоровенных охранника. Сквозь боль еле разобрал короткий приказ: «Обработать и ко мне!»

Во время «обработки» Литовченко, не переставая, визжал на высокой ноте. А когда охрип и зашелся в крике, дюжие руки опять втолкнули его в знакомую комнату.

Линц был не один. В кресле, закинув ногу на ногу, сидел второй немец. Не офицер, но одетый в военную форму с фашистской свастикой на рукаве. Кивнув в сторону окровавленного и всхлипывающего Литовченко, Линц небрежно бросил:

— Очередная жертва большевизма. Хочет работать на вас. Но я решил прибегнуть к вашей помощи, Мильх, чтобы у нас с господином Литовченко осталась друг о друге хорошая память. Кстати, он утверждает, что хорошо знает в лицо весь командный и политический состав штаба той армии, где он служил.

...Машина въехала на территорию завода, просторный двор которого немцы временно переоборудовали под лагерь для советских военнопленных. Мильх отдал короткую команду начальнику охраны, и эсэсовцы прикладами начали поднимать с земли изможденных людей. Многие из них были тяжело ранены. Через несколько минут, поддерживая друг друга, они выстроились в неровную шеренгу.

— Коммунисты, евреи и чекисты, три шага вперед! Строй не шелохнулся. Прокопченные и усталые лица замерли в тревожном ожидании, словно окаменели.

Милых трижды повторил команду, но шеренга пленных сомкнулась еще плотнее. Тогда вперед вышел Линц. Говорил он, медленно подбирая русские слова, любуясь своим довольно хорошим произношением, и словно не замечал сотен горящих ненавистью глаз.

— Господа, мы ценим вашу скромность. Больше того, мы понимаем ее. Ведь для того, кто сделает три шага, останется всего один, четвертый, в могилу. Но мы не понимаем тех, над кем еще вчера издевались комиссары и евреи, кто непонятно почему хочет стать еврейским прихвостнем. Мы, немцы, принесли вам свободу, а вы не хотите ею пользоваться. Сейчас мы продемонстрируем вам пример, которому должен следовать каждый разумный человек. Прошу вас, господин Литовченко.

В сопровождении двух эсэсовцев, едва волоча подгибающиеся от страха ноги, предатель пошел вдоль шеренги. Если раньше, во время речи Линца, он видел в глазах этих людей ненависть, то на себе теперь он ловил взгляды, полные презрения и гадливости.

Семь человек, опознанных Литовченко, были расстреляны тут же, во дворе завода...

* * *

По мере того как гигантское колесо войны с каждым днем набирало обороты, дел у сотрудников контрразведки фронта становилось все больше.

Абвер уже перестал быть невидимкой. И о структуре этой секретной службы, и о ее шефе — адмирале Канарисе начальник отдела контрразведки фронта бригадный комиссар Якушин был информирован. Но формы и методы работы врага, тактика и планы подразделений абвера, действующих против армий фронта, были пока, за небольшим исключением, для наших контрразведчиков загадкой. А чтобы успешно бороться с врагом, его нужно знать...

...Отдел абвер, что в переводе означает «защита», был создан в военном министерстве Германии еще в 1919 г. И возлагались на него сугубо контрразведывательные функции внутри своих войск. Организация более чем скромная, если учесть, что по Версальскому договору Германии не разрешалось держать под ружьем бо-

лее ста тысяч человек. Но милитаристские круги Германии, как позже выяснилось, делали на абвер крупную ставку. После того как периферийные звенья этой службы — абверштелле — появились при штабах военных округов, два из них — в Кенигсберге и Бреславле — начали при соблюдении строжайшей конспирации разведывательную деятельность против Советской страны и ее Красной Армии.

После прихода к власти фашистов Гитлер довольно высоко оценил старания вермахтовской секретной службы в этом направлении и, несмотря на то что в его распоряжении был мощный, широко разветвленный аппарат службы безопасности министерства внутренних дел и нацистской партии, всячески содействовал дальнейшему расширению и совершенствованию абвера.

В 1938 г., уже после прихода туда опытного разведчика Вильгельма Канариса, отдел абвер был реорганизован в управление разведки и контрразведки — абверзаграница. Теперь уже Канарис непосредственно подчинялся верховному главнокомандованию вооруженных сил (ОКВ), и прежде всего главнокомандующему — Гитлеру.

Вся недолгая история этого управления (абвер утратил свою самостоятельность в 1944 г.) — это бесконечный перечень подлостей, грязи, темных махинаций и преступлений.

Абвер сыграл свою зловещую роль в подготовке захвата Германией Австрии, Чехословакии, Бельгии, Голландии, Норвегии, Польши, Франции, Болгарии, Греции, Югославии и Румынии. Подкуп, убийства, клевета, шантаж — вот далеко не полный перечень основных методов работы этой разведки.

По мере захвата европейских стран, как грибы после дождя, возникали все новые периферийные отделы и отделения абвера. Из пяти основных его отделов первый специализировался на чистом шпионаже. Абвер-2 занимался организацией диверсий, террористических актов, саботажа и провокаций; в круг обязанностей сотрудников третьего отдела входила контрразведывательная работа и фабрикация дезинформирующих данных. Абвер-4, или «Аусланд», изучал внутреннюю и внешнюю политику иностранных государств; и наконец, пятый отдел не только руководил четырьмя остальными, но и готовил для них заплечных дел мастеров. Как стало известно теперь чекистам Юго-Западного фронта, к началу войны подрывную и разведывательную деятельность на этом

направлении непосредственно вели штаб-квартира адмирала Канариса в Берлине и абверштелле в Бреслау, Вене, Бухаресте и Кракове.

Опыт первых дней войны и первые «визитные карточки» абвера — диверсанты, переодетые в советскую форму, и миллионы провокационных листовок — все это говорило о том, что дело приходится иметь с опасным и коварным противником.

Прекрасно понимали чекисты и другое: после полного провала диверсионных групп и весьма сомнительных результатов своей провокационной и подстрекательской пропаганды от Канариса нужно ждать последующих шагов. Какие сюрпризы готовит им абвер в самом ближайшем будущем? — этот вопрос беспокоил советских контрразведчиков. К тому же выявилась еще одна, не предполагаемая ранее сложность.

Дело в том, что в предвоенные годы срочнослужащие Красной Армии никаких документов, удостоверяющих их личность, на руках не имели. В свои выходные дни красноармейцы и сержанты получали на руки увольнительные записки, а уезжающие в отпуск — отпускные билеты. Теперь же, когда началась война и на некоторых участках фронта создалась неразбериха, а у противника появились наши пленные, отсутствие на руках у срочнослужащих документа — единой красноармейской книжки с фотографией ее владельца, удостоверяющей личность и его принадлежность к определенной воинской части, — очень мешало в работе. Достаточно, скажем, было немецкому агенту, ничем пока себя не скомпрометировавшему, заявить в комендатуре, что он являлся красноармейцем или сержантом любой нашей части, как его тут же направляли на фронт. Нужда в людях была огромная. Поэтому каждого человека, поступающего на пополнение, командование встречало с радостью.

Вскоре красноармейские книжки были введены, но в первые месяцы войны контрразведчикам приходилось работать с учетом и этой трудности.

* * *

Дмитрия Литовченко задержали возле памятника Богдану Хмельницкому под вечер 6 июля. К патрулю подошла пожилая женщина, пенсионерка Мария Васильевна Яровенко, и посоветовала обратить внимание на красно-

армейца с вещевым мешком в руках. По ее словам, она трижды в течение дня выходила сегодня из дому, и каждый раз ей попадался на глаза этот человек. Над городом нависла опасность, все люди заняты полезным трудом, каждый хочет сделать как можно больше для фронта, а этот крутится по площади, как будто приехал на экскурсию, купола софийские рассматривает — нашел время!

На вопрос, какой он части и что здесь делает, задержанный без запинки ответил, что ранее служил в автобате 12-й армии, был ранен. (Судя по бинту на голове, кровоподтекам и ссадинам, помощники Лянца поработали на совесть.) Оказавшись в команде по сопровождению санитарного поезда, решил остановиться на денек в Киеве, навестить здесь тетку, а затем явиться в военную комендатуру и просить, чтобы его направили в какую-либо автомобильную часть. Вот теперь он и «ищет комендатуру».

Здание комендатуры находилось рядом с площадью Хмельницкого. Здесь кроме буханки хлеба и банки мясных консервов у Литовченко обнаружили ракетницу и 36 ракет разных цветов. На вопрос, почему у него находятся эти вещи, он заявил, что ему их выдали в комендатуре станции Тарнополь, чтобы в случае налета фашистской авиации на поезд давать ракетами сигналы машинисту.

Объяснение, прямо скажем, наивное. Учитывая к тому же сообщение патруля, дежурный доложил о задержанном коменданту гарнизона полковнику Черкасову. Полковник уже знал о том, что в городе орудуют диверсанты-ракетчики и что с их помощью прошлой ночью во время налета уничтожены два цеха на «Большевике». Поэтому он сразу же приказал отправить Литовченко в отдел контрразведки фронта. Здесь задержанный повторил показания, дополнив их подробностями своего «ранения». Видимо, он хотел произвести впечатление на оперработника.

Выходило так, что в ночь на 29 июня в районе села Долина попал в окружение и застрял из-за нехватки горючего наш танковый полк. Доставить танкистам все необходимое вызвались десять шоферов-добровольцев, и среди них он, Литовченко. Но еще при подходе к Калушу колонна напоролась на немецкие танки. Машины загорелись, часть водителей попала в плен, он со своим раненым командиром сержантом Купко успел добежать до леса. К своим добирались через Галич, Ходоров, Тар-

нополь. Там их посадили на санитарный поезд, и ему, как легко раненному, комендант поручил в случае необходимости исполнять роль сигнальщика.

Оперуполномоченный политрук Иванов все это записывал в протокол, но с каждой новой строкой все больше укреплялся в своих подозрениях. Под конец не выдержал:

— Неувязка, Литовченко, получается. С одной стороны, ты, жизнью рискуя, на полуторке против танков пошел, кольцо окружения самолично хотел прорвать, а с другой стороны, с поезда удрал, командира раненого одного бросил, да и тут, в Киеве, два дня комендатуру найти не можешь.

— Так ведь тетка, гражданин начальник. После отца-матери самый близкий человек...

Свои сомнения оперуполномоченный Иванов доложил начальнику отделения батальонному комиссару Коноплеву. Тот молча выслушал подчиненного, просмотрел протокол допроса и оставил его у себя.

В полночь молодого оперработника вызвали к начальнику отдела контрразведки фронта. Иванову пришлось изложить свои соображения здесь еще раз.

— Ну и к каким ты пришел выводам? — после короткой паузы спросил Якушин.

— Враг он, товарищ бригадный комиссар. Стопроцентный лазутчик. Чует мое сердце.

— А ты не на чувства нажимай, а на факты. Подозрительный он тип — это точно. Но ракетница-то в заводской смазке, нестреляная, не он сигналы подавал, и ранение налицо. Ты сумей его факты своими побить. Если засланный, то очень важно, чтобы он заговорил. Это же первая ласточка новой формации с той стороны. С пылу, что ни на есть, с жару. За ним другие обязательно пойдут. И нам позарез нужно знать, кто его вербовал, где, как, какое задание ему дали. Вот ты и соображай.

— Понимаю, товарищ бригадный комиссар. Так ведь он же, гад, в беспроегрышную играет — и Станислав, и Калуш, и Долина, и Ходоров, и Тарнополь у немцев уже. А штаб и отдел контрразведки армии в полуокружении — третий день связи нет.

— Знаю, Иванов. Но проверить все-таки нужно. Литовченко должен заговорить. Да, кстати, ты теткой его быстрее поинтересуйся, может, что дельное подскажет.

Но Варвару Кузьминичну Степанко разыскивать не пришлось. Она объявилась сама. Утром пришла в ко-

мендатуру и рассказала дежурному обстоятельно и многословно: появился к ней третьего дня племянник по сестриной линии, сказался раненым, а сам целыми днями по городу шастает, да еще с мешком тяжеленным. Говорил, что поедет к себе в Конотоп на излечение — пока припадки от головного ранения не прекратятся. А по ее мнению, никакой он не раненый и не припадочный, а самый настоящий дезертир. И дезертир вредный — и ей и соседям уши прожужжал про немцев и про силу их непобедимую. Эту ночь дома не ночевал — не иначе как в Конотоп свой удрал. «Вы его, товарищ командир, обязательно разыщите да всыпьте как следует. Пусть не юлит, когда люди кровь проливают».

Через полчаса Варвара Кузьминична была уже у Иванова, и тут выяснились интересные подробности биографии Литовченко.

Тепло проводив старушку, Иванов доложил о новых обстоятельствах начальникам. Проверку решено было вести по всем направлениям: по Лохвице, где родился Литовченко, Конотопу и Котласу. Сам же Иванов на У-2 вылетел в распоряжение 12-й армии.

Командование автобата, к которому обратился оперуполномоченный, в целом характеризовало Литовченко положительно: трудолюбивый, дисциплинированный, знающий, — но действительные обстоятельства его исчезновения в корне расходились с показаниями самого задержанного. Сержант Купко привез боеприпасы в танковый полк, а его напарник отстал по дороге.

Был ли Купко тогда ранен? Нет, он погиб три дня спустя, когда вывозил под бомбежкой семьи военнослужащих. Иванову оставалось уточнить, чем занимался Литовченко с 29 июня по 6 июля, когда был задержан. Но на этот вопрос ответ мог дать лишь сам задержанный.

* * *

На следующий день Литовченко начал давать показания. Иванов участия не принимал. Уже под самым Киевом их У-2 был обстрелян «мессершмиттом». Он и летчик получили ранения. Но чекист категорически отказался ехать в госпиталь и не сел в санитарную машину до тех пор, пока на аэродром не прибыл батальонный комиссар Коноплев. Данные, которые собрал Иванов, оказались очень ценными. Их предъявили Литовченко,

когда он пытался развить легенду в выгодном для себя свете, и теперь он сдался.

У страха, как говорится, глаза велики. С ужасом обнаружив, что контрразведчики знают о нем все, он, как всякий трус и предатель, видел лишь один путь для спасения собственной шкуры — предательство новых своих хозяев.

...После кровавой расправы в лагере для военнопленных он, уже без дополнительной «обработки», подписал обязательство о своем согласии работать на немецкую разведку. Обедал он в обществе пяти хмурых красноармейцев. Ели молча. Ни фамилий их, ни имен не знает. Описать тоже не может — слишком много волнений было в тот день. Всех их снова привели к немецкому майору, где предатели получили общий инструктаж. «Из достоверных источников, — говорил фашистский офицер, — нам хорошо известно, что ваше бывшее командование надеется не столько на свои картонные танки и винтовки образца прошлого века, сколько на фанатизм, или, как у вас говорят, на морально-политическую стойкость бойцов. Вы уже сами убедились, что никакой героизм не устоит против немецкой брони, против немецких самолетов, против немецкого солдата. Советская Россия обречена. Поэтому вы, попав за линию фронта, должны помочь своим соотечественникам избежать бесполезного кровопролития. Объясняйте всем и каждому, что борьба бессмысленна, что величие Германии — в ее непобедимости. Пусть солдаты идут по домам, к своим женам и детям. Фюрер позаботится о том, чтобы все имели хорошую и сытую жизнь. А вы, наши верные помощники, получите назад свои земли, мельницы, усадьбы, магазины. Мы вам щедро заплатим, и рейхскомиссар пожелает всем «почетные должности...»

Задания получали поодиночке. Ему вручили две ракетницы и сотню ракет. С ними он должен был прибыть в Киев, поселиться у тетки, вдовы рабочего завода «Арсенал», разыскать по паролю «Время действовать» закройщика Верпаховского и уже вместе с ним подобрать объекты для бомбардировки. В первую очередь обращать внимание на места расположения штабов, других оборонных объектов, партийных и советских учреждений. После этого с Верпаховским в контакт не вступать, действовать самостоятельно. Когда же фронт переместится к Киеву, ему подлежало отходить с советскими войсками до Полтавы — задания оставались прежние. В случае если за-

держат, уверенно рассказать на скорую руку составленную легенду, а если не хватит ракет — добывать их на месте. «Красная Армия отступает и все бросает на своем пути, — говорил майор. — Трудностей для приобретения ракет у тебя не возникнет».

В Полтаве Литовченко должен был дожидаться прихода немецких войск, явиться в их военную комендатуру и заявить, что он есть дойчагент. Его оттуда передадут в разведку, и там он уже получит заслуженное вознаграждение.

...Верпаховского арестовали той же ночью в сосновом лесочке неподалёку от Дарницкого железнодорожного узла. В хозяйственной сумке были обнаружены ракетница и комплект разноцветных ракет. На следствии под уликами он сознался, что на военную немецкую разведку работает с февраля 1940 г. Завербовали его во Львове и сразу же направили на оседание в Киев. Ожидая со дня на день войны, семью свою сюда не перевозил. Человека с той стороны ждал с нетерпением. В первую же ночь после встречи с ним осветил ракетами советскую танковую колонну, потом навел «юнкеры» на завод «Большевик». Сегодня хотел сигнализировать немцам из Дарницы: видел, что там скопилось большое количество эшелонов с горючим и боевой техникой.

...Оба предателя получили по заслугам. Военный трибунал приговорил их к расстрелу.

* * *

В особом отделе Юго-Западного фронта¹ показания Литовченко и аналогичные сведения, поступающие из подчиненных отделов соединений, тщательно анализируют.

¹ В середине июля 1941 г. органы военной контрразведки НКО были преобразованы в особые отделы НКВД. Воинские звания оперсостава были изменены на спецзвания. Так, спецзвание «младший лейтенант госбезопасности» было равнозначно воинскому званию старшего лейтенанта или политрука. Звание «лейтенант госбезопасности» — капитана; «старший лейтенант госбезопасности» — майора; «капитан госбезопасности» — полковника; «майор госбезопасности» — генерал-майора; «старший майор госбезопасности» — генерал-лейтенанта; «комиссар госбезопасности» — генерал-полковника. Начальником особого отдела Юго-Западного фронта был назначен комиссар госбезопасности А. Н. Михеев.

вались. Картина получалась более или менее ясная. Несмотря на некоторое изменение в тактике действий в советском тылу, немецкое верховное главнокомандование и его абвер по-прежнему пока главную ставку делали на разложение нашей армии, на бредовую идею «пятой колонны», якобы существующей в Советском Союзе. Это был большой просчет руководителей третьего рейха при разработке стратегии войны против нашего государства. Опираясь на социально чуждые советскому строю элементы — националистов, бывших хозяйчиков, уголовников, морально и политически разложившихся людей, руководство немецкой разведки, как говорится, за деревьями не увидело леса. С первых дней нападения гитлеровцев на Советский Союз война для нас стала всенародной, в полном смысле слова Отечественной войной.

Головорезы из «Бранденбурга» и «Нахтигалья» годами проходили специальную подготовку, совершенствуясь в искусстве убивать и грабить. Они были вооружены до зубов, но оказались бессильными против истребительных батальонов, которые состояли из вчерашних школьников и пенсионеров, пожилых колхозников и колхозниц. Большинство диверсантов-ракетчиков было выловлено с помощью населения. Показателен в этом отношении и случай с Литовченко — родная тетка не пожелала покрывать дезертира и паникера. А ведь Варвара Кузьминична не предполагала, в каком обличье явился в Киев ее племянник.

Из показаний Литовченко руководство особого отдела фронта сделало еще один важный вывод. Несомненно, он убежденный враг Советской власти. Видимо, поняли это и немцы — иначе не доверили бы они ему своего хорошо законспирированного агента. Ведь до появления Литовченко Верпаховский был вне подозрений. А с другой стороны, абвер забрасывает его на нашу сторону без предварительной подготовки и с очень узкого характера заданием. Ведь стоило бы подучить этого кулацкого сынка хотя бы на краткосрочных шпионских курсах, и он мог бы принести гитлеровцам большую пользу. Случай с Литовченко еще и еще раз подтверждал: опьяненный первыми успехами, абвер настраивает свою разведывательно-диверсионную машину на «крупный помол». Это в значительной степени облегчало задачу нашей контрразведки. Если известен яд, легче найти противоядие.

Сегодня, оглядываясь с дистанции прожитых лет на события далекого и такого близкого всем нам, фронтовикам, 1941 г., в который раз перебираешь в памяти неподвластные времени подробности тех дней и пытаешься сформулировать для себя, что же тогда произошло. Не беру на себя роли первооткрывателя — воспоминаний на эту тему написано достаточно. И все же попробую со своей точки зрения, точки зрения армейского чекиста, разбраться не столько в причинах наших временных неудач, сколько в причинах нашего главного успеха. Да, я не оговорился, именно успеха.

Действительно, к июню 1941 г. у нас было мало танков, самолетов, автоматов. Военная промышленность только начала осваивать выпуск необходимого количества оружия. Армия не имела должного боевого опыта. Но Советская страна была готова к войне, к решительному отпору империализму, который избрал своим орудием фашистскую Германию. Готова была морально, идейно, политически. Был народ с богатыми патриотическими традициями, а костяком, цементирующим и объединяющим его, являлась наша партия, коммунистическая идеология, беззаветная верность высоким идеалам и любовь к социалистической Отчизне.

В первые дни войны мне лично не раз приходилось видеть, как в единоборство с бронированными чудовищами Гудериана и Клейста смело вступали советские танкисты на своих далеко не отвечавших тому времени БТ. Гибли, но в схватках зачастую и выходили победителями. Я хочу напомнить нашей молодежи, что крылатая фраза: «Считайте меня коммунистом» — родилась не в дни нашего победоносного движения на запад, а в дни самых суровых испытаний, в обороне, в окружении. Люди уже знали, что попавших в плен только за принадлежность к партии Ленина гитлеровцы расстреливали на месте.

Ступив на нашу землю, гитлеровцы, естественно, начали искать опору своему «новому порядку» среди местного населения и военнопленных. Бесчеловечный и извращенный в своей сути, фашизм стремился развить все вокруг себя. От истории никуда не уйдешь — были у Советской власти враги явные и тайные, всплыли на поверхность недобитые махновцы и петлюровцы, воспрянули духом затаившиеся бывшие эппманы и кулаки, польстились на щедрые посулы люди, не имеющие твердых моральных

устоев и принципов. Одни рядились в форму полицейских, других захватила жажда наживы, третьи с парабеллумом и взрывчаткой за пазухой забрасывались в советский тыл. Но опять-таки история неопровержимо доказала: не они делали погоду. И даже в период самых «блистательных» побед вермахта их предательские душонки холодил страх неотвратимого возмездия.

И сейчас, перебирая в памяти основные операции, которые проводил в то время (да и потом) особый отдел фронта, я не могу вспомнить ни одной, где бы чекисты действовали обособленно, только своими силами. Всегда и везде у нас были десятки, сотни добровольных помощников. Я уже рассказывал о полном провале плана запугивания и террора, который осуществляли отборнейшие диверсанты абвера, о разоблачении агентов-ракетчиков и уничтожении групп Шмундта и Лямке.

Осенью 1941 г., когда размеры угрозы, нависшей над нашей страной, осознал каждый советский человек, мы, чекисты, в полной мере оценили, каких замечательных людей воспитали наш строй, наша Коммунистическая партия. Рабочие и колхозники, школьники и домохозяйки всегда и во всем старались помочь нам. И это не было, как кое-кто сейчас на Западе пытается изобразить, тотальной подозрительностью, всеобщей слежкой. Каждый советский человек чувствовал свою личную ответственность за судьбу Родины, каждый хотел по мере сил помочь общему делу, а отсюда — и высокая, в полном смысле слова революционная бдительность.

Вспоминается мне такой характерный эпизод. В первую военную осень в прифронтовой полосе скопилось огромное количество мирного населения — беженцев и эвакуированных. В Воронеже, например, где располагался в то время штаб Юго-Западного фронта, до войны население не превышало трехсот пятидесяти тысяч человек. В конце же октября 1941 г. здесь находилось не менее полутора миллионов жителей. Вместе с честными, пострадавшими от войны людьми здесь скрывались дезертиры, спекулянты, уголовники, и самое главное, среди такого количества беженцев легко могла затеряться агентура врага.

Когда, по опыту гражданской войны, было решено впервые провести внезапную проверку документов у всего населения городов прифронтовой полосы, некоторые наши товарищи засомневались: на людей, мол, свалилось громадное горе, многие лишились крова, потеряли близ-

ких, и такая акция может вызвать обиду, раздражение, что при таком скоплении людей нежелательно.

Однако результаты первой же проверки наглядно показали, что народ нас понял правильно. Больше того, в ходе таких проверок мы приобрели много новых надежных помощников.

— Ты не только в документ смотри, ты людям в душу смотри, на человека опирайся, — поучал меня в Купянской комендатуре самолично явившийся туда дедок лет семидесяти. — За справным документом ты сволочь можешь и не приметить. А народ, что вокруг, он в тысячу глаз смотрит — ему все видно. Всем миром гадов надо давить.

Старик, что называется, в воду глядел.

Наш еще неопытный оперработник не нашел ничего подозрительного в документах двух молодых людей, которые ожидали поезда на Купянском вокзале. А пассажирам, которые находились в зале ожидания вместе с ними несколько суток, подозрительными показались и их постоянное перешептывание, и обильная (не по времени) еда, и главное, в добротном чемодане парней вездесущий дедов внук Вася углядел толстенные пачки денег. Мы тепло поблагодарили деда, звали его Иваном Калистратовичем, и конечно же сразу «исправили ошибку». Через полчаса подозрительные молодые люди были доставлены к капитану госбезопасности Павлу Никифоровичу Белоглазову.

* * *

Матерн и Молль своего неудовольствия по поводу задержания вслух не выражали. Держались разве что с чувством слегка задетого самолюбия. Они спокойно говорили, что все прекрасно понимают: время военное, фронт близко, а тут два парня призывного возраста торчат на вокзале, да еще и немцы по национальности.

Белоглазов внимательно осмотрел документы задержанных. Если «липа», то сделана очень толково — не придерешься. Его сомнения на этот счет окончательно рассеял младший лейтенант госбезопасности Наливайко, который до войны работал в паспортном столе киевской милиции. Паспорта были настоящие. По ним следовало, что Матерн и Молль, уроженцы Днепропетровской области, из немецких колонистов, оба постоянные жители Киева. Матерн — актер, служил в одном из киевских театров, а Молль — студент выпускного курса техникума фи-

зической культуры. 40 тысяч рублей, найденные при обыске, Матерн получил незадолго до начала войны от родителей, которые собирались переезжать к сыну и просили его присмотреть где-нибудь на окраине домик с садом. Артисты труппы, в которой находился Матерн, уезжали из Киева в конце августа чуть ли не по тревоге («Вы-то знаете, что там творилось!»), и он не успел эвакуироваться с коллективом по той простой причине, что его никто в известность о дне отъезда не поставил. Он прожил в Киеве еще три недели, работал на строительстве укреплений и только накануне прихода немцев решил уходить в глубь страны и искать свой театр. По независящим от него обстоятельствам получилось так, что за три месяца ему удалось добраться только до Купянска и переходить линию фронта не с красноармейцами, выходящими из окружения, а с Моллем.

Молль рассказал, что все студенты техникума были призваны в Красную Армию на второй день войны. Он же не явился в военкомат по той причине, что сосед сказал ему, будто немцев в армию не берут. Он пошел работать на оборонительные сооружения, где и познакомился с Матерном. В канун прихода гитлеровцев решили вместе пробираться на восток. Матерн обещал устроить его на какую-нибудь работу в театр, как только они разыщут его на Урале.

Белоглазову стало все ясно. Он подошел к шкафу, вынул оттуда папку и, найдя нужную страницу, положил перед Моллем. Прочитав, тот покрылся крупной испариной. Молль и его хозяева не учли одной существенной детали. Никаких распоряжений в дни, когда Моллю и Матерну надлежало явиться на призывной пункт, не было.

В этом сказывался один из весьма характерных просчетов гитлеровской разведки в начальный период войны. Опьяненные первыми успехами, они сами для себя создали иллюзию «широкого выбора». Из темных подворотен к ним хлынула нечисть всех мастей, и абвер наивно полагал, что источники эти неиссякаемы. Поэтому гитлеровские разведчики не очень-то заботились об отработке прочных легенд своим новоиспеченным агентам. Видимо, они считали, что если два-три шпиона провалятся за линией фронта, то в этом большой беды не будет: аналогичное задание выполнят другие.

Пауза затягивалась, и Молль разволновался.

— Нас расстреляют как дезертиров?

— Это дело трибунала. Но судить вас будут как немецких агентов.

— Но мы не сделали ничего плохого. Мы действительно не знали о том, что такого распоряжения тогда еще не было. С первого дня все были так настроены против немцев.

— А как относились к вам люди, с которыми вы работали на укреплениях?

— Мы скрывали свою национальность...

— А друг другу все-таки открылись? Ведь до этого вы знакомы не были.

— Это произошло совершенно случайно. Матерн сказал мне...

— Послушайте, Молль, неужели вы думаете убедить кого-нибудь, что в прифронтовую зону вас, немцев, пропустили без предварительной проверки документов? Через два часа я вас вызову снова. Хорошенько подумайте. И мой вам совет: не пытайтесь давать нам запасную легенду. Говорите только правду. Это в ваших же интересах...

История падения двух этих молодчиков особой оригинальностью не блещет. Дети зажиточных родителей, они были воспитаны в частнособственническом духе. И когда разразилась война, всенародное горе было воспринято ими как досадная помеха на пути к сытой и беззаботной жизни. Кроме того, не давала покоя боязнь за свою шкуру. Оба воспрянули духом, когда прочитали листовки, где говорилось, что фольксдойче получают от немецкого командования особые привилегии. Будущее уже не рисовалось столь мрачным.

При подходе немцев к городу они не эвакуировались со своими коллективами, а затаились по норам. И лишь спустя несколько дней после установления в Киеве «нового порядка» Матерн и Молль явились к немецким властям и предложили собратьям свои услуги. Да, ни актеры, ни физруки в тот момент фатерлянду нужны не были. Но их, как фольксдойче, отлично знающих русский и украинский языки, обычаи, порядки и законы в Советской стране, наметили использовать в другом направлении — на агентурной работе в советском тылу. За нее они и их родители после окончания войны получают крупные земельные владения на Днепропетровщине и смогут тогда в неограниченном количестве использовать дармовую рабочую силу местного населения.

Офицер-вербовщик всячески старался польстить их самолюбию, взывал к величию германского духа, говорил, что не к лицу двум таким бравым молодым немцам просиживать штаны в канцеляриях или состоять переводчиками при городской управе. Рейх велик и непобедим, а разведка — глаза и уши рейха. Разве может быть более почетное задание для каждого настоящего немца? Ощущая легкий холодок в груди, Матерн и Молль тут же подписали обязательство работать на абвер. И уже на следующий день они выехали в Полтаву для обучения в разведывательной школе, организованной здесь абвером.

Курс «наук» был сжат до предела. И уже через месяц Матерн и Молль получили первое задание: пробраться в Сталинград, установить, какие заводы работают на оборону и какую выпускают продукцию, обозначить на карте расположение воинских частей и складов, выяснить, вывозятся ли из города запасы хлеба и где именно они хранятся, и главное, постараться уточнить, готовится ли Сталинград к эвакуации. Прочно обосновавшись на месте, агенты должны были также организовать на оборонных заводах и складах ряд диверсий.

На выполнение задания им дали три месяца. По приезде в Сталинград они должны были устроиться на работу и постепенно заводить знакомства среди заслуживающих, с их точки зрения, доверия лиц. В разведке им советовали основную ставку делать на выходцев из немцев с Поволжья. Крайний срок возвращения в Полтаву — апрель 1942 г.

Оставив на руках у них подлинные документы и положив в основу легенды настоящие их биографии, абверовцы преследовали определенную цель. И Матерн и Молль были призывного возраста. Человека любой другой национальности, задержанного в прифронтовой зоне, сразу же заподозрили бы в уклонении от призыва. Немецкое же происхождение двух агентов, «не призванных в армию», по мнению абверовцев, обеспечивало им свободное продвижение в глубь страны. Но у немецкой разведки и здесь получился просчет.

Анализируя показания Матерна и Молля, сотрудники особого отдела Юго-Западного фронта выделили для себя четыре основных момента. Само по себе важным было уже то, что два опасных преступника не смогли выполнить задания, их подрывная деятельность в крупном промышленном центре, снабжавшем фронт боевой техникой, боеприпасами и людскими резервами, была пресече-

на в самом зародыше. Кроме того, от них особый отдел фронта получил первые сведения о создании немцами разведывательных школ на оккупированной территории. Особый интерес вызывала школа в Полтаве — осиное гнездо в непосредственной близости от фронта. Сведения о месте ее нахождения, профиле, преподаваемых дисциплинах, режиме, сроках обучения, руководстве школы, о преподавателях, вербовщиках и обучающихся в ней были очень важными козырями в разгоревшейся борьбе с абвером.

Матерн и Молль сообщили также, что на окраине Киева, в Дарнице, немцы создали большой лагерь для советских пленных командиров и что при этом лагере работает группа офицеров гестапо и абвера, которая подбирает «курсантов» для Варшавской школы абвера, где готовятся агенты-разведчики и агенты-диверсанты. Таким образом, чекисты получили возможность в самое ближайшее время предпринять контрмеры, в результате которых эффективность действия двух главных на этом участке фронта центров абвера могла быть сведена до минимума.

Два других момента, выделенные сотрудниками особого отдела из показаний Матерна и Молля, носили стратегический характер. И о них немедленно было доложено советскому Главному Командованию. Агенты сообщили, что в Полтаву они должны были возвратиться не позже апреля 1942 г. Это давало основание считать, что штаб группы армий «Юг» и абверовский орган при нем предполагают находиться в Полтаве, по крайней мере, до апреля. Следовательно, немецкое командование в течение зимы и первых месяцев весны не намечало на Юго-Западном направлении крупного наступления. О предполагаемом же направлении главного удара гитлеровцев в весенне-летнюю кампанию можно было судить уже по тому повышенному интересу, который проявлял абвер к Сталинграду. Как показали дальнейшие события, предположения чекистов полностью оправдались.

Говоря о неоценимой помощи, которую постоянно оказывали нам, работникам органов госбезопасности, советские люди, я не могу не вспомнить о Степане Митрофановиче Челомбитко, начальнике цеха одного из запорожских заводов. Под непрерывными бомбежками он демонтировал и эвакуировал на Восток ценнейшее оборудование. Четыре транспорта отправил на Урал Степан Митрофанович, а с пятым, последним, застрял на одной из пригородных станций Воронежа.

Общее горе и общая судьба сближают людей. Поэтому, когда на станции Воронеж Челомбитко познакомился со своим донецким коллегой Петром Коломийцем, который вот уже вторую неделю мытарился с особо важным грузом под непрекращающимися бомбежками, он проникся к нему глубокой симпатией и сочувствием. Ночевали на вокзале, а по утрам расходились каждый по своему ведомству выбивать зеленую улицу на Восток. По вечерам встречались вновь, разжигались кипятком и, гоняя чай, сетовали на неразбериху и поругивали бюрократов. Настойчивость Степана Митрофановича в конце концов была вознаграждена. Пробившись к самому высокому железнодорожному начальству, он не только лучшим образом устроил свои дела, но и замолвил словечко за Коломийца, рассказав, что без оборудования, которое тот сопровождает, не может быть пущен завод. Начальник оказался человеком государственным и сказал, чтобы Коломиец явился к нему со всеми бумагами в семь часов утра.

Степан Митрофанович радовался как ребенок. Он даже удержался от соблазна немедленно отправиться к своему эшелону. Решил утром идти с Коломийцем, чтобы лично убедиться, что и у него все в порядке. Однако Коломиец особой радости не выражал, а ночью просто-напросто исчез с вокзала.

Поведение нового знакомого озадачило Степана Митрофановича, а когда он припомнил некоторые, как бы вскользь брошенные высказывания, то смекнул, что дело тут явно нечисто. Через час он уже беседовал со старшим лейтенантом госбезопасности К. И. Пальчиковым. Сведения, полученные от Степана Митрофановича Челомбитко, и точное описание его вокзального знакомого помогли изобличить и обезвредить опасного преступника. Коломиец был задержан в тот же день при попытке выехать в Тамбов.

В штат абвера Коломиец был зачислен еще в 1940 г. Работая главным инженером на одном из львовских предприятий, он совершил большое должностное преступление и, опасаясь заслуженного возмездия, бежал в Польшу, захватив с собой крупную сумму денег. Перебежчиком сразу же заинтересовалась немецкая разведка. Коломийцу вначале предоставили возможность покутить по значным местам Варшавы. Потом он был арестован и доставлен в Краков в здание бывшего воеводства, где размещался один из центров разведки абверштелле-Краков.

Здесь в основном проходили выучку агенты из эмигрантских кругов и украинских буржуазных националистов. Хорошо воспитанному Коломийцу это общество не слишком импонировало, однако он прекрасно понимал, что другого выхода в тот момент у него нет. Нужно было приспособиться, и предатель добросовестно совершенствовался в «искусстве» наемного агента-диверсанта. Он настолько преуспел, что способным курсантом заинтересовался сам начальник абверштелле полковник Визер. Побеседовав с Коломийцем, проверив глубину его технических познаний и знаний тонкостей советского уклада жизни, полковник решил, что использовать такого агента в роли рядового диверсанта непозволительная роскошь. Вскоре Коломиец был передан в штаб «Валли» в предместье Варшавы и после тщательной подготовки на вживание в глазоком советском тылу оказался в Полтаве, где окончательно отработал свою легенду и обзавелся документами «уполномоченного по продвижению на Восток демонтированного оборудования одного из оборонных заводов Донбасса».

Используя обстановку, которая сложилась в то время на железной дороге, и обладая вполне надежными бумагами, Коломиец должен был в течение двух-трех недель находиться в прифронтовой полосе: разведать группировку советских войск на воронежском направлении и, передав собранные сведения человеку, к которому должен был явиться по паролю: «Привет вам от Франца Генриховича», — выехать из Воронежа по маршруту Мичуринск—Тамбов—Саратов. В этих городах необходимо было установить количество войск и выяснить, готовятся ли они к отправке на фронт или просто несут гарнизонную службу и обеспечивают противовоздушную оборону. Интересовалась немецкая разведка настроениями местного населения: что говорит оно о войне, о победах, одержанных немцами, думают ли русские продолжать войну или собираются заставить свое правительство капитулировать и признать победу за Германией.

Все это нужно было зашифровать и переслать по почте в Воронеж по знакомому уже Коломийцу адресу.

На этом первая часть задания заканчивалась. Сообщив воронежскому коллеге адрес в Саратове, Коломиец по своим документам должен был устроиться на один из оборонных заводов, желательно авиационный, работать не за страх, а за совесть, войти в доверие к руководству

и до прибытия связного не предпринимать никаких активных шагов.

Начало операции, по мнению Коломийца, проходило блестяще, и все сложилось бы как нельзя лучше и в дальнейшем, не навязываясь к нему со своей помощью этот Челомбитко. Разрабатывая легенду, ни Коломиец с его мелкой душонкой предателя, ни его хозяева не могли даже предположить, что на пути встретится совсем незнакомый человек и воспримет мнимые хлопоты Коломийца как свое кровное дело. В рамки их моральных понятий не укладывалось, что для настоящих советских людей, когда речь идет о главном, не существует деления на «твое» и «мое».

Поэтому крах Коломийца и ему подобных вполне закономерен. И пусть не Челомбитко, — все равно кто-нибудь другой обязательно встал бы на пути шпиона, отвел бы преступную руку и разоблачил предателя. И от сознания этой всенародной поддержки нам, чекистам, легче работалось, хотелось сделать еще больше для своей страны, для своего народа.

Кстати, заявление Степана Митрофановича Челомбитко предопределяло и арест второго гитлеровского агента в Воронеже, к которому должен был по паролю явиться Коломиец, но это было уже сделано. О конспиративной квартире по улице 27 Февраля в особом отделе фронта уже знали, и хозяин ее, некий Граков, был арестован контрразведчиками еще в начале декабря. Произошло это при довольно любопытных обстоятельствах...

Саша Прядко, несмотря на свои 22 года, был человеком бывалым. Рано лишился родителей, а у его вдовой тетки только и хватало сил да времени накормить и кое-как одеть племянника. Потому и рос он в тихой заводской слободе, что называется, как трава при дороге. Набег на соседние сады и лихие драки с заречанцами незаметно сменились забавами куда менее безобидными. Как-то их атаман долговязый Ленька-верста под секретом сообщил, что на склад заводского ОРСа привезли целую машину африканских апельсинов — к празднику будут раздавать начальству. У мальчишек загорелись глаза — вот бы попробовать! Сказано — сделано. И пока Санька-очкарик — самый грамотный среди них — добросовестно пересказывал сторожу сводку о последних событиях в Абиссинии, хлопцы забрались на склад.

В тот вечер попробовать апельсинов им не удалось. Внимательно слушая взволнованный рассказ о коварстве

итальянского дуче, сторож все же уловил подозрительный шорох в складском сарае, поднял тревогу, и всю компанию накрыли. Горьковато-сладкий вкус заморских плодов Саша распробовал уже в камере предварительного заключения. Их — три штуки — принесла ему заплаканная тетя Настя. Апельсины, как узнал позже Саша, предназначались для детских подарков.

Суд был строгий, но правый. Отработав два года в исправительно-трудовых лагерях, вплотную столкнувшись с закоренелыми уголовниками, Сашко понял, на краю какой пропасти он стоял. Освободившись, пришел на завод, где работала тетка, где работали покойные отец с матерью. Стал хорошим слесарем. И если люди о его прошлом не вспоминали, с какой стати должен был помнить о нем сам Саша! Когда заработки достигли приличной суммы, настоял, чтобы тетка уволилась и сидела дома — наработалась на своем веку. Пошел в вечернюю школу, о женитьбе подумывал, а тут война...

На фронт попал по первому же призыву. Протопал пешком в отступлении от Винницы. Был в окружении, вышел, а в боях за свой родной Харьков отличился: заменил убитого пулеметчика и, пока самого не ранило, сдерживал атаки немцев. Уже в госпитале узнал, что за тот бой награжден медалью «За отвагу». И вот сейчас он, бывалый фронтовик, с заслуженной наградой на гимнастерке, сидит в жарко натопленной будке контрольно-пропускного пункта, ожидает попутной машины в сторону фронта и, попивая кипяток с черным сухарем, степенно беседует с только что сменившимся сержантом войск НКВД Крайновым.

Мирную беседу прервал настойчивый автомобильный гудок. А еще через несколько минут напарник Крайнова, ефрейтор, привел в будку мужчину лет пятидесяти, в дырявом полушубке, с тощим мешком за плечами. Ефрейтор снял его с санитарной машины для выяснения личности. В кузове было несколько тяжелораненых, и задерживать «санитарку» долго он не мог.

— Если все в порядке, — успокаивал он взволнованного пассажира, — отправим в Воронеж первой же попутной. — И уже официально, обращаясь к сержанту: — Товарищ старший наряда, гражданин утверждает, что следует со станции Валуйки в Воронеж проехать больную дочь. Санитарная машина подобрала его километрах в сорока от города на дороге. Документами обеспечен — вот тут паспорт, а здесь справки всякие.

При слове «Валуйки» Саша Прядко насторожился. Как в тумане возникли в памяти картины его непутевого отрочества. В Валуйках пришлось ему тогда отбывать предварительный срок. И сейчас Саша вдруг понял, что там он взялся за ум...

...Видя, что проверки не избежать, задержанный начал обстоятельно рассказывать свою историю. Фамилия его Шелуденко, зовут Петром Антиповичем. Со дня своего рождения живет в городе Валуйки. Сейчас они со старухой остались вдвоем: дочка Надежда еще до войны перебралась в Воронеж. Из-за нее, собственно, вся эта оказия и приключилась. Третьего дня постучал к ним в окно один проезжий советский командир. Получалось так, что этот командир и их дочь несколько дней жили в Воронеже в одной квартире. Дочь знала, что он вскоре должен быть в Валуйках, и, когда ее забирали в больницу с тяжелым воспалением легких, дала ему адрес родителей, попросила зайти к ним и сказать о ее болезни. Они со старухой так разволновались, что не сообразили спросить у командира дочкин новый воронежский адрес или название больницы, в которую ее поместили. Сам же командир очень спешил и, сев в машину, тотчас уехал.

Документы были в порядке, и Крайнов вернул их Шелуденко. Убедившись, что официальная часть окончена, решил подключиться к беседе и Прядко.

— Ну а как там, папаша, в Валуйках, домзак живет и здравствует, немец не порушил?

— Это по тебе, охальник, тюрьма плачет, — насупился Шелуденко. — У человека горе, а он с глупостями всякими...

Прядко замолчал, но мысль его работала лихорадочно. Спустя минуту он накинул ватник и вышел на улицу.

— Послушай, ефрейтор, не нравится мне дядька этот.

— А ты что, в зятя к нему собрался?

— Да я не о том. Понимаешь, какое дело: я ему про тюрьму местную намекнул, а он смотрит на меня как баран на новые ворота. А тюрьма эта еще царской постройки, единственная, можно сказать, пока достопримечательность в тех самых Валуйках. Он там и близко не был, не то что родился — голову наотрез даю. Вот ты и прикинь: для дезертира дядька-то староват... Соображаешь?

Ефрейтор оказался сообразительным. Оставив на минуту Прядко подежурить у шлагбаума, он пошел в будку к сержанту.

...Примерно через час приехал старший оперуполномоченный особого отдела Т. Бучко. Он ознакомился с документами Шелуденко; выслушав доклады сержанта и ефрейтора, предложил задержанному показать все, что есть у него в карманах и в мешке. Шелуденко просил ничего у него не отбирать: он везет продукты больной дочери. Однако в мешке кроме краюхи хлеба, двух пар белья и полотенца оказались еще два свертка, завернутые в тряпки и перевязанные шпагатом. Шелуденко уверял, что это свиное сало для больной. Свертки развернули, и в них оказалось 10 000 рублей в крупных купюрах. Задержанный был доставлен в особый отдел фронта. И здесь уже «заботливый папаша» рассказал свою настоящую биографию.

Фамилия его — Миневич, род занятий — гитлеровский агент-вербовщик. Легенда о больной дочери была отработана в немецкой разведке. Шел он в Воронеж для создания в городе резидентуры по сбору данных о войсках гарнизона. Сам он уроженец Курской области. В 1935 г. был исключен из партии за троцкистскую деятельность. Работал он тогда в Курске председателем профкома одного из небольших промышленных предприятий, а после исключения — слесарем на том же заводе. Немецкой разведкой был завербован в конце октября 1941 г. на «совершенно добровольной основе». В свое время затаил злобу на руководство ЦК ВКП(б), обкома партии и парткома завода. Решил отомстить. К немцам явился сам и предложил свои услуги. После вербовки был направлен на учебу в Полтавскую разведшколу, где прошел курс обучения по широкому профилю — на агента-разведчика и агента-вербовщика. Особое внимание наставники из абвера уделяли методам индивидуального подбора и вербовки агентуры.

Он благополучно перешел линию фронта в районе села Белый Колодезь и через два дня уже был на станции Лиски. Оттуда в Воронеж решил добираться пешком и на попутных машинах. В Воронеже он должен был остановиться на улице 27 Февраля у гражданина Гракова К. А., по паролю: «Привет вам от Франца Генриховича».

Показания Миневича позволили нам обнаружить в Воронеже конспиративную квартиру немецко-фашистской разведки. Как показала проверка, хозяином ее являлся бывший офицер царской армии, человек одинокий, замкнутый. Жил он в собственном домике, построенном еще его отцом, купеческим приказчиком. Взвесив все

факты, руководство особого отдела фронта решило послать к Гракову своего сотрудника по паролю, известному нам от Шелуденко-Миневича. Операция прошла без осложнений. Граков принял нашего товарища более чем любезно. В первой же беседе, продолжавшейся чуть ли не всю ночь, Граков от души желал гостю успехов в работе и рекомендовал ему прежде всего организовать усиленное наблюдение за штабом фронта.

Начиная эту операцию, мы не исключали возможности использовать Гракова и его квартиру для дальнейшей «игры» с абвером, но от этого варианта пришлось отказаться. С первых же слов, после обмена паролями, стало ясно, что Граков — ярый враг Советского государства. Он с нетерпением ожидает прихода в Воронеж немцев и очень сожалеет, что их разведка «неактивно работает в городе» и что Шелуденко за полгода войны лишь «первая ласточка оттуда».

Гракова арестовали. В ходе следствия он сообщил, что условие приема им у себя «людей» с паролем: «Привет вам от Франца Генриховича» — было оговорено еще в 1935 г., когда он работал десятником на строительстве одной из шахт в Донбассе. Один из немецких специалистов, находившийся вместе с ним на строительстве шахты, зная Гракова как офицера царской армии и личность антисоветски настроенную, договорился с ним о «такой любезности». Возможность нанакостить Советской стране и размер вознаграждения за услуги устраивали бывшего поручика. И вот с тех пор, почти семь лет, Граков ждал «гостей». Но их почему-то все не было. Наконец появился Шелуденко — и сразу провал.

Арестованный Миневич вел себя на следствии как все кадровые троцкисты. Он «раскаивался в содеянном» и просил не допустить применения к нему высшей меры наказания. Он всячески старался выслужиться. Щедро давал показания о своих земляках — предателях, устроившихся на службу к оккупантам, об агентах, проходивших с ним подготовку в Полтавской разведшколе, дал характеристики ее преподавателям и вербовщикам. Он подробно рассказал об организационной структуре школы, методах подготовки агентуры и заброски ее к нам. Его показания обстоятельно подтверждали уже имевшиеся у нас данные об этой школе.

Показания Миневича о Полтавской разведшколе были учтены особым отделом фронта, и мы лучше смогли

организовать свою работу как в войсках, так и по ту сторону линии фронта.

Работникам органов государственной безопасности по роду своей службы большей частью приходится сталкиваться с теневыми сторонами нашей жизни. И поэтому чекистам особенно приятно и радостно наблюдать каждый случай морального воскресения, когда споткнувшийся однажды человек находит в себе нравственные силы подняться над обстоятельствами и сделать правильный жизненный выбор. Когда новый, полноправный гражданин возвращается обществу — твоя ли в этом заслуга или неизвестного тебе коллеги, — испытываешь наивысшую радость, считаешь это для себя лучшим подарком.

В особом отделе тепло поблагодарили Сашу Прядко за его неоценимую помощь, выдали ему оправдательный документ по случаю задержки в Воронеже, где конечно же охарактеризовали его поступок с наилучшей стороны. И уже потом, за ужином, со всеми подробностями, без утайки рассказал он нам о своем прошлом житье-бытье. После того как я узнал биографию этого паренька, он мне стал еще ближе и дороже. В дальнейшем я уже не выпускал его из виду и, забегая вперед, могу сказать, что Александр Степанович Прядко прекрасно воевал, демобилизовался в звании старшины, имея двенадцать правительственных наград.

Я уже говорил о том, что, разрабатывая планы создания «пятой колонны», гитлеровская разведка не последнее место в кампании тотального шпионажа отводила уголовникам и другим деклассированным элементам. Но и здесь, в верном, казалось бы, деле, абвер не достигал желаемых результатов.

Показателен в этом отношении случай, который произошел во второй половине декабря 1941 г. на участке боевых действий у села Базалеевка. Хмурым холодным утром наше боевое охранение заметило на той стороне необычное оживление. Вскоре из морозного тумана показалась большая группа оборванных и изможденных людей. Впереди, размахивая белым флагом, шел мужчина, а сзади толпу подгоняли автоматчики. Эту странную процессию снимало на пленку несколько кинооператоров. Дойдя до зоны досягаемости ружейно-пулеметного огня, гитлеровцы остановились, а остальные продолжали медленно двигаться к переднему краю. Группу эту — в ней было около ста человек — пропустили на нашу сторону.

Все эти люди оказались узниками харьковской тюрьмы. Более половины из них были в очень тяжелом состоянии — обморожение, чесотка, туберкулез. В тюрьме они содержались в камерах смертников и со дня на день ожидали расстрела — гестаповцы обвиняли их в связи с партизанами. За день до перехода линии фронта на тюремном дворе их погрузили в машины, в которых оказались жены, дети и родители смертников. Машины двинулись к фронту, и поутру колонну погнали в сторону советской линии обороны. Все перипетии этой операции — от тюрьмы до наших окопов — немцы снимали на пленку. Видимо, ведомству Геббельса необходимо было документальное подтверждение гуманности «нового порядка».

В группе, перешедшей на нашу сторону, было три молодых парня. Когда младший лейтенант госбезопасности Семашко, который вел опрос, поинтересовался их биографическими данными и тем, за что они попали в тюрьму, старший из парней решительно выступил вперед:

— Вы бы, гражданин начальник, больных вначале опросили, их к врачам отправлять нужно. А с нами у вас очень долгий разговор будет. Другого мы полета птицы — дойчагенты, или, если просто, по-нашему, — немецкие шпионы.

...Начало войны вся троица встретила в харьковской тюрьме, где отбывала наказание за неоднократные квартирные кражи. Немцы принесли им «освобождение». Несколько дней Степан Романько, Трофим Гура и Иван Мякушко — так звали друзей-домушников — слонялись по городу, принаравливаясь к «новому порядку». 3 ноября на Сумской улице они нос к носу столкнулись с немецким офицером и двумя солдатами, подъехавшими к большому серому дому на грузовой машине. В кузове стояли пианино и мебельный гарнитур красного дерева. Офицер остановил парней и, коверкая слова, приказал им помочь солдатам в переноске мебели.

В квартире их встретила молодая холеная блондинка, назвавшаяся Галиной. Все распоряжения она отдавала на украинском языке. А когда работа была окончена, поинтересовалась у «носильщиков», какой они национальности. Узнав, что все трое стопроцентные украинцы, очень обрадовалась и посоветовала офицеру, которого называла Максом, угостить ее земляков за хорошую работу шнапсом.

Пойло это очень отдавало сивухой, но друзей в данный момент интересовало не это. Наличие в квартире большого количества добра задевало их «профессиональное» самолюбие. Один из воров, Гура, смекнул, что путь к этим богатствам может пролечь через сердце общительной любовницы герра обер-лейтенанта. После выпитого шнапса лицо Галины зарумянилось, болтала она без умолку.

Молодую «хозяйку» немец привез из Львова. По профессии она певица. И вот Макс достал ей пианино.

Чернобровый Гура понравился Галине, они потом встречались в отсутствие офицера, а однажды, когда тот уехал на несколько дней, она даже согласилась переночевать у Гуры на квартире. В эту ночь его напарники и забрались в дом Макса, захватив оттуда несколько ниток жемчуга, золотых браслетов, колец и других драгоценностей.

Все было сделано чисто. Вернувшись домой, Галина даже не заметила, что в квартире побывали посторонние. Пропажу обнаружила, когда сняла с себя золотой кулон и хотела положить его в шкатулку.

Гитлеровский офицер, возвратившись, стал допытываться: с кем она встречалась в эти дни в театре, на улице, дома? И Галина, ничего не подозревая, рассказала, что еще до его отъезда в Полтаву она как-то встретила на Сумской тех трех парней, которые помогали вносить в квартиру пианино, они даже проводили ее до дома. Офицер тут же заявил о краже в комендатуру и сказал, что подозревает трех «носильщиков», подробно описав их приметы.

С помощью местной «украинской полиции» Романько, Гура и Мякушко были арестованы. Драгоценностей у них не обнаружили, и на следствии они ни в чем не сознались. Все же их не отпускали из тюрьмы и на одном из последних допросов объявили, что по законам военного времени они должны быть расстреляны, но такого наказания можно избежать, если дать согласие честно работать на вермахт великой Германии. Посоветовавшись, воры согласились.

Вскоре им сказали, что через линию фронта их переправят в районе Купянска с большой группой других заключенных, и предложили заучить легенду: до прихода немцев в Харьков служили в 216-й стрелковой дивизии, оборонявшей город, но она отходила так быстро, что они не успели уйти с ней из города и остались, а по-

том были заподозрены гитлеровским командованием в связях с партизанами и посажены в тюрьму.

По предположению гитлеровской разведки, их должны были оставить служить в частях, расположенных на купянском направлении. Здесь требовалось установить: какие и сколько дивизий находится на участке Волчанск — Купянск, какова их укомплектованность людьми и боевой техникой, кто командует этими дивизиями, в каких населенных пунктах расположены их штабы, какая работа ведется командованием в частях, готовятся ли к наступлению или обороне.

Офицер-разведчик, инструктировавший трех друзей, рассчитал все по дням и часам и, казалось, предусмотрел мельчайшие неожиданности. Но сами новоиспеченные шпионы внесли весьма существенные коррективы в план немецкой разведки.

Я так подробно остановился на похождениях троицы воров-рецидивистов для того, чтобы у читателей не создалась иллюзия о якобы нравственном возрождении этих людей. Нет, они были и остались тогда ворами. Но пусть каждый задумается о другом. Если у этих трех парней, бросивших в свое время вызов нашему обществу и поставивших себя вне его, хватило все же сил и гражданской совести остановиться у грани, за которой начинается предательство, то какой меркой можно измерить всю глубину падения тех, кто пошел в услужение к фашистам, сколько мерзости и подлости накопилось в закоулках их продажных душ...

ЛИЦОМ К ЛИЦУ С АБВЕРОМ

К ноябрю 1941 г. положение на нашем Юго-Западном направлении стабилизировалось. Фронт проходил по линии Ефремов, Елец, Волчанск, Красный Лиман, Таганрог. В те дни уже ни для кого не было секретом, что стратегия блицкрига лопнула и гитлеровской военной верхушке скрепя сердце пришлось переводить вермахтовскую машину на рельсы затяжной войны. «Наступательный порыв» ее ограничивался лишь полосой фронта на московском направлении. На других участках армии захватчиков приступили к перегруппировке сил, рассчитывая восстановить наступательную мощь своих изрядно потрепанных ударных соединений.

Верховное главнокомандование вермахта и командование групп войск теперь требовало от абвера точной

и всеобъемлющей информации о группировании наших войск по всей глубине фронтов, поступлении в наши войска новой техники, ее тактико-технических данных, местах расположения крупных штабов, и главное, каковы оперативные и стратегические планы советского командования. Кроме того, абвер ни на минуту не должен был прекращать своей идеологической работы — распространения провокационных слухов и ведения пораженческой агитации в наших войсках.

На выполнение этих задач были брошены и другие силы гитлеровской разведки. Чтобы представить масштабы тайной войны только в полосе нашего Юго-Западного направления, коротко расскажу об основных службах и подразделениях немецкой разведки, действовавших тогда здесь.

В канун нападения на нашу страну по инициативе Канариса в местечке Сулеювек (под Варшавой) был создан оперативный штаб абвера под кодовым названием «Валли». Возглавил его один из ближайших помощников Канариса полковник Гейнц Шмальшлегер. «Валли», аналогично управлению абвер-заграница, имел три отдела: первый — разведка, второй — диверсия и террор и третий — контрразведка. На «Валли» возлагалось непосредственное руководство полевыми органами абвера — абверкомандами при группах войск «Север», «Центр» и «Юг» и абвергруппами при армиях вторжения.

В первые же дни войны штаб «Валли» создал свою, так называемую Варшавскую разведшколу, где готовилась агентура, завербованная в лагерях для военнопленных, в основном из командного состава.

При группе армий «Юг», действовавшей против наших Южного и Юго-Западного фронтов, штаб «Валли» имел две абверкоманды — «101» и «101-А», подчиненные его первому отделу, и по две абверкоманды, подчиненные второму и третьему отделам, носившие нумерацию своих отделов. Непосредственно при штабах полевых и танковых армий каждая из упомянутых абверкоманд имела свои абвергруппы.

Таким образом, в ноябре 1941 г. только абверовских органов действовало против наших двух фронтов около двадцати.

Кроме того, в штабе каждого гитлеровского соединения, начиная от дивизии и выше, был еще свой, войсковой разведывательный орган — «Отдел-1-Ц», который наряду со сбором и обработкой разведывательных сведе-

ний о Красной Армии выполнял контрразведывательные функции.

В начале 1942 г. «Валли» еще более расширяет сферу своей контрразведывательной деятельности. В связи с огромным размахом партизанской борьбы в фашистском тылу при штабе создается специальный контрразведывательный орган «Зондерштаб-Р» («Россия») ¹. Здесь готовились провокаторы для антифашистского подполья и агентура для внедрения в отряды партизан с целью разложения их изнутри или подвода под удар карателей.

Все абверовские отделы, команды и группы возглавлялись опытными разведчиками; в частности, «Абверкомандой-101» руководил подполковник Гемприх, а «Абверкомандой-101-А» — полковник Визер.

Особому отделу Юго-Западного фронта большей частью приходилось иметь дело с «воспитанниками» Вальтера Визера, который избрал своей резиденцией контору Полтавской трикотажной фабрики. Радиостанция этой абверкоманды выходила в эфир для своей агентуры с позывными «Орион». Визеру непосредственно подчинялись Полтавская разведывательная школа и группы офицеров-вербовщиков, действовавшие в Днепропетровском, Знаменском и Дарницком лагерях для советских военнопленных и среди местного населения Киева, Полтавы, Харькова, Белгорода и Сум.

Все названные органы абвера, находившиеся в непосредственной близости от нашего переднего края, представляли, разумеется, большую для нас опасность. Особенно много черных деяний было на счету зондеркоманды, созданной при одной из абвергрупп в начале ноября 1941 г. Руководил этой командой известный абверовский резидент Фаулидис, по кличке Локкерт. Команда Локкерта вела разведывательную и диверсионную работу, распространяла провокационные слухи среди населения в нашей прифронтовой полосе и формировала «добровольческие» соединения из числа националистов и уголовников. Учитывая специфику этой команды, штаб «Валли» разрешил Локкерту самостоятельно готовить агентуру для работы в советском тылу. Учебный пункт

¹ «Зондерштаб-Р» («Россия») готовил агентов-провокаторов для внедрения в антифашистское подполье, действовавшее на оккупированной территории, а также в партизанские отряды. Агентура для этой цели вербовалась, как правило, на оккупированной территории из пособников фашистов и разного рода уголовных элементов.

его зондеркоманды в конце 1941 г. обосновался в городе Волноваха. Здесь по сокращенной программе готовились кадры разведчиков, диверсантов, террористов и провокаторов.

Как видим, даже одного беглого перечня служб и подразделений абвера, действовавших на нашем участке фронта, достаточно, чтобы представить, с каким опасным и коварным врагом приходилось бороться советской военной контрразведке. Но здесь нужно заметить, что уже к концу 1941 г. расстановка сил на фронте тайной войны значительно изменилась. Советские контрразведывательные органы были уже не те, что в первые недели войны. Появился боевой и оперативный опыт; абвер теперь не мог играть с нами втемную — его структура, формы и методы работы, руководящие кадры, расположение и функции основных центров подготовки агентуры, ее многие вербовщики уже не являлись для нас загадкой. Кроме того, стабильность фронта положительно сказалась на совершенствовании оперативной работы в наших соединениях. И самое главное — я уже говорил об этом, но хочу подчеркнуть еще раз, — за нами стоял весь советский народ. Это был решающий фактор, преимущества которого фашисты не имели и не могли иметь на нашей земле.

* * *

Ночь на 7 ноября 1941 г. была одной из самых тревожных в неспокойной жизни нашего разведчика Ивана Чайки. Полтора месяца провел он во вражеском тылу, и вот сейчас, когда до линии фронта оставалось рукой подать, угораздило же его остановиться на дневку в этой заброшенной колхозной клуне. Когда уже начало темнеть и Чайка собирался двинуться в путь, к клуне неожиданно-негаданно подкатил тягач с дальнобойкой на прицепе и обслуга — человек десять — двенадцать — взялась готовить ужин. Более дурацкую ситуацию трудно себе представить: во-первых, уходит драгоценное время, а потом ведь могут фашисты сцапать за здорово живешь.

Еще в конце сентября Чайку послали в Сенчанский район Полтавской области, где он должен был выяснить судьбу некоторых фронтовых командиров, находившихся с командующим Юго-Западным фронтом генералом Кирпоносом. Здесь, в урочище Шумейково, они дали врагу свой последний бой. И теперь он, старшина-пограничник

Иван Чайка, возможно, единственный, кто может сообщить командованию о мужестве и героизме командиров и политработников, которые с одними пистолетами десятки раз ходили в атаку, и о том, что перед урочищем за два дня боев были уничтожены десятки гитлеровцев. Не имел он права рисковать собой и по другой причине. Сроки его возвращения к своим давно истекли. Значит, его начальники могли послать с тем же заданием другого разведчика или целую группу, а это при том режиме, который установили гитлеровцы на оккупированной территории, неизбежно повлекло бы за собой новые жертвы.

Взвесив все «за» и «против», Иван спрятал гранату за пазуху и принялся терпеливо ждать, пока гитлеровцы завалятся спать...

При переходе линии фронта Чайке слегка зацепило осколком руку — попал под шальную мину, но идти в госпиталь он категорически отказался и потребовал, чтобы его немедленно отправили в особый отдел фронта.

Докладывая о выполненном задании, старшина сообщил, что километрах в двух от урочища Шумейково, в селе Исковцы-Сенчанские, он встретился с раненым красноармейцем, шофером штаба фронта Петром Грищенко, который в свое время возил начальника инженерного управления. Грищенко подобрала на поле боя пожилая колхозница Дарья Федоровна Квитка, она сумела укрыть его у себя и, несмотря на то что Петр имел очень тяжелые ранения — в голову и в ногу, с помощью сельского фельдшера спасла от верной смерти.

Грищенко и рассказал Чайке подробности неравного боя. Он с восхищением отзывался о героизме наших командиров и политработников, но вместе с тем назвал несколько имен слабодушных, без сопротивления сдавшихся врагу, и среди них — работника штаба фронта интенданта 3 ранга Гольдина. Грищенко сам видел, как немцы вытащили его из кустов и повели к хутору Дрюковщина. При этом Грищенко высказал предположение, что вряд ли выгадал Гольдин, сдавшийся в плен: ведь евреев немцы расстреливают без суда и следствия.

Делая такое предположение, Петр Грищенко не знал, да и не мог знать, одного крайне любопытного обстоятельства. Дело в том, что с 30 сентября интендант 3 ранга Гольдин работал в штабе фронта на той же должности, какую занимал до окружения. Тогда, после выхода из окружения, в своем объяснении на имя начальника отдела кадров фронта Гольдин писал, что в плену он не

был, с гитлеровцами не встречался и на нашу сторону вышел 28 сентября вместе с начальником одного из отделов штаба фронта и двумя старшими командирами из 5-й армии.

Из создавшейся ситуации могло быть только два вывода: либо Грищенко, находясь после ранения в полубоморочном состоянии — ведь приняли же его немцы за мертвого, обознался и спутал Гольдина с кем-нибудь другим, либо Гольдин действительно был в плену и послан к нам как агент вражеской разведки.

Старший лейтенант госбезопасности Базанов, которому было поручено вести разбирательство, навестил Чайку в госпитале. Он попросил старшину проложить на карте маршрут своего движения от села Исковцы. Старшина сразу сообразил, в чем дело, но лишних вопросов не задавал. Через двадцать минут Базанов имел маршрут и подробное описание самых удобных подходов к хате Дарьи Федоровны. Он поблагодарил разведчика и, возвратившись в отдел, занялся разработкой предстоящей операции. Каково же было удивление старшего лейтенанта, когда, явившись по вызову к начальнику отдела, он застал там Ивана Чайку.

Проанализировав все подробности визита Базанова, Чайка сделал единственно правильный вывод: находясь в урочище Шумейково, он чего-то не учел и вот сейчас за фронт должна идти новая группа, чтобы сделать положенную ему, Чайке, работу. Примириться с этим пограничник не мог. Воспользовавшись явным расположением старшей сестры-хозяйки, он «на часок, не больше» получил свою одежду и ушел из госпиталя. В особом отделе Чайка доказывал начальнику, что без его личного участия ни о какой новой операции не может быть и речи. Даже на самой крупномасштабной карте не укажешь тех тропок и «схованок», которыми пользовался он сам, пробираясь к урочищу Шумейково и назад, к фронту. А самое главное, на прощание он преподал Дарье Федоровне несколько уроков конспирации. Поэтому наших посланцев она, в лучшем случае, может угостить ухватом — женщина она серьезная и обстоятельная. Не исключено, что Петро уже выздоровел и подался к партизанам. В этом случае без Чайки тоже не обойтись — среди местных патриотов у него уже имеются кое-какие связи. А если начальники сомневаются насчет его руки, то это не рана, а сплошное недоразумение.

Начальник отдела старший майор госбезопасности Николаев¹, выслушав все доводы разведчика, долго не отвечал. Ему в тот момент больше всего хотелось обнять и по-отцовски расцеловать этого замечательного парня. А Иван в ожидании решения не сводил с него умоляющих глаз. Исхудавший за время полуторамесячных скитаний по вражеским тылам, бледный от потери крови, он, как никто другой, нуждался в отдыхе и лечении. Николаев мысленно проследил маршрут, вычерченный на карте Базанова. Лишь в один конец более двухсот километров. И всюду в крупных и мелких населенных пунктах, захваченных фашистами, устанавливается «новый порядок». Его поддерживали немецкие комендатуры, полевое гестапо, эсэсовские войска, старосты и полиция. Все войны Красной Армии, оказавшиеся на оккупированной территории, должны были по приказу немецкого командования сами являться в комендатуры и сдаваться в плен. Лица, не выполнившие приказа и убивающие военнослужащих, подлежали немедленному расстрелу на месте.

Все это хорошо знал старший майор госбезопасности. Но по той же логике он не мог не признать и обстоятельств доводов стоявшего перед ним старшины-пограничника. Его присутствие в группе — надежная гарантия успеха. А задачу предстояло выполнить очень сложную. В кратчайший срок нужно было добраться до села Исковцы-Сенчанские, разыскать там раненого Грищенко и вывести его на нашу сторону. А если рана на ноге еще не зажила, предъявить ему фотографию Гольдина, составить протокол опознания и доставить эти документы в особый отдел фронта.

Тяжело было Николаеву принимать решение, но выбора у него не было. И в ночь на 15 ноября старшина Чайка и младший лейтенант госбезопасности Красножогов ушли за линию фронта.

...Интендант 3 ранга Гольдин по своему складу был человеком сугубо штатским. Но, призванный в 1935 г. в армию, он стал неплохим службистом и так старательно подражал выправке своих кадровых товарищей, что даже закоренелые строевики с доброжелательной

¹ Начальник особого отдела А. Н. Михеев погиб в одном бою вместе с командующим фронтом М. П. Кирпоносом.

снисходительностью относились к его безуспешным попыткам придать своей мешковатой фигуре бравый командирский вид. Коренной киевлянин, он окончил в начале тридцатых годов политехнический институт и на работе в штабе зарекомендовал себя знающим инженером. После выхода из окружения работал с утроенной энергией и за короткий срок был отмечен начальством. Вел замкнутый образ жизни, из расположения штаба почти не отлучался и только дважды — 14 и 24 ноября — отпрашивался в город. Причем оба раза проделывал один и тот же маршрут: вымывшись в городской бане, ехал на железнодорожный вокзал и, примостившись на скамейке недалеко от билетных касс, в течение часа читал первый том «Войны и мира». Затем садился на трамвай и возвращался в штаб.

Ничего нового не дали и беседы с командирами, выходившими вместе с Гольдиным из окружения. Начальник одного из отделов штаба фронта майор Михалев рассказал, что встретил Гольдина утром 25 сентября в селе Степановка Сумской области. Интендант объяснил ему тогда, что до Степановки от урочища Шумейково он добирался пять суток пешком, чему Михалев не мог не поверить, так как сам пришел в село тремя часами раньше. В Степановке к ним вскоре присоединились еще два командира, оба штабные работники 5-й армии. Один из них был ранен осколком в голову, и последние километры его буквально приходилось вести под руки. Гольдин, как говорится, был весь на виду. Ответ на то, где он был и чем занимался с 21 по 25 сентября, мог дать только Петр Грищенко, и контрразведчикам оставалось ждать возвращения разведгруппы.

...Дарья Федоровна только что возвратилась с хутора Дрюковщина от своей давней подруги Степаниды. Последнее время та занималась знахарством, и Дарья Федоровна уже не раз тайком от фельдшера брала у нее разные травы для Петеньки. Что бы там доктора ни говорили, а после того, как она начала отпаивать раненого Степанидиными отварами, у того дело круто пошло на поправку. Последнее время она держала Петра в чулане за ларем с кукурузой — подвальная сырость плохо действовала на раны. Да и в селе стало поспокойнее. Фашисты ушли недели две назад и больше пока не приходили, а местные власти — староста и два полиция —

беспробудно пьянствовали и дальше кружки с мутным первачом ничего не видели.

Разведя огонь в загнетке, старая колхозница принялась крошить иван-чай. В это время ей почудился легкий стук в шибку. Прислушалась — так и есть. Кому б это в такую пору? А уже через минуту попала в объятия Ивана Чайки. Узнав, что ребятки пришли оттуда, от наших, старуха так разволновалась, что в течение добрых десяти минут, кроме «ах боже ж ты мой, касатики мои миленькие, соколики ненаглядные», от нее ничего нельзя было добиться. Услышав шум в кухне и радостные причитания Дарьи Федоровны, выглянул из чулана Петро. Узнав Чайку, он так бурно выражал свою радость, что Иван даже ойкнул от боли — рана на руке еще давала себя знать.

Но для восторгов времени не было. Поэтому, наскоро перекусив, по-сыновьи расцеловав рыдающую женщину, разведчики и Петр Грищенко, который еще слегка прихрамывал, двинулись в обратный путь. Трудно описать все тяготы и лишения, выпавшие на долю трех советских патриотов. Полуголодные, с обмороженными руками — морозы в тот год ударили рано, — оврагами и звериными тропами пробирались они к линии фронта. Опасность подстерегала их на каждом шагу. Дважды они чудом избегали столкновения с нарядами полевой жандармерии. У Ивана и Петра вскрылись и нестерпимо болели раны. В те немногие часы полузабытья, которое заменяло ребятам сон, они стонали, а то и бредили, звали кого-то. Но зажигались в небе звезды, и, закинув за плечи автоматы, они упрямо шли вперед. Из рассказов Грищенко они уже знали, что Гольдин — предатель. Доставить эти сведения командованию, изобличить и обезвредить шпиона во что бы то ни стало — в этом Чайка и Красножегов усматривали свой высший человеческий и чекистский долг. Мужественно и стойко держался Петр Грищенко. Несчастье произошло в прифронтовом лесочке возле безымянного хутора. Глухой морозной ночью разведчики напоролись на боевое охранение гитлеровцев. В крошечной темноте вспыхнула ожесточенная схватка. Силы были сначала равные, но к немцам вскоре подоспело подкрепление. Тогда младший лейтенант госбезопасности Алексей Красножегов приказал Чайке и Грищенко пробираться к своим, а сам остался прикрывать отход товарищей. Почти час не смолкал его автомат. Уже будучи дважды раненым, Алексей Красно-

жегов собрал последние силы и, вырвав зубами чеку, подорвал себя вместе с навалившимися на него гитлеровцами. Это было в ночь на 30 ноября 1941 г.

Утром 1 декабря интендант 3 ранга Гольдин был арестован. На первом допросе, который вел старший лейтенант госбезопасности Базанов, он категорически отрицал свое пребывание в плену и связь с немецкой разведкой. Базанову трудно было беседовать с этим отщепенцем. Боль утраты тисками сжимала сердце. Алеша Красножегов был его воспитанником и, несмотря на разницу в годах, большим другом. Базанов слушал истерические бредни предателя, и его не покидала мысль, что, собственно, Красножегов и Чайка пошли за фронт не для того, чтобы изобличить Гольдина — рано или поздно шпион попался бы. Чекисты рисковали жизнью, чтобы сохранить доброе имя человека, в виновности которого они сомневались. И вот этот предатель изворачивается сейчас, врет, пытается уйти от заслуженной кары, а Алеши больше нет, и никогда больше не услышат друзья его раскатистый, заразительный смех и любимую им украинскую поговорку: «Шо було — бачили, шо буде — побачимо».

Когда Базанов ознакомил Гольдина с показаниями Петра Грищенко, тот отбросил листок, заявив, что это очередная «чекистская фальшивка». При чем Гольдин в это искренне верил. Там, в урочище Шумейково, сидя в кустах, он собственными глазами видел, как рядом с Грищенко разорвалась мина и он упал на землю, исполованный осколками. Когда же в кабинет Базанова внесли на носилках Петра, Гольдину показалось, что все происходящее с ним — сон.

После очной ставки с Петром Грищенко предатель наконец заговорил. Он заявил, что скрывал свое пребывание в плену, потому что был завербован фашистской разведкой и ему как ее агенту под страхом смерти запрещено давать правдивые показания советскому командованию.

Гольдин рассказал, что 20 сентября в бою у урочища Шумейково он участия не принимал из-за того, что «плохо видит». Когда он сдался в плен, его вскоре доставили в Конотоп, в немецкую разведку. Допрашивал его там хорошо владевший русским языком обер-лейтенант. На все поставленные вопросы — о месте нахождения в последние дни командования фронта, армий, входящих в него, состоянии остатков войск фронта, наличии в них

боевой техники, о старших офицерах, с которыми он оказался в плену, — дал правдивые ответы.

После первого допроса ему был предоставлен четырехчасовой отдых, а затем его привели к гитлеровскому майору Фурману, руководителю «Абвергруппы-107» при армии Гудериана. Майор одобрил поведение Гольдина в плену и сказал, что его показания соответствуют действительности и это дает основание немецкому командованию считать, что он, Гольдин, сделал первый шаг к своей будущей карьере при «новом строе» в России и что теперь ему надо продолжать эти шаги — оказывать помощь немцам. Если он с этим согласен, то его немедленно отпустят из плена и он будет добровольно работать на «великую Германию» по ту сторону фронта.

Гольдин от такого предложения якобы отказался, но Фурман разъяснил ему неразумность и нелогичность его поведения. Сдача Гольдина в плен свидетельствует о непрочности его «социалистических» убеждений, о желании любой ценой спасти свою жизнь, а для этого у него есть только один путь — стать агентом абвера и работать на Германию. Иначе Фурман должен будет передать его в гестапо, где Гольдина немедленно расстреляют, как еврея. Зачем же было сдаваться в плен? Не лучше ли уж было героически умереть рядом с командующим фронтом? Фурман советовал Гольдину принимать решение как можно быстрее, пока еще некоторые советские воины, оказавшиеся в окружении, выходят к своим и он легко сможет затеряться в их массе. Фурман также похвалил интенданту 3 ранга, сказав, что он имеет высшее техническое образование, гибкий ум, не является членом партии, хорошо знает немецкий язык, а таким лицам неплохо живется и в Германии, не говоря уж об оккупированной России и Украине, примером чему может быть он сам, Фурман, выходец из Одессы.

Всесторонне взвесив предложение Фурмана сотрудничать с абвером, Гольдин согласился, и ему немедленно был предоставлен хороший обед и суточный отдых. Затем его вновь привели к Фурману, который поинтересовался, не раздумал ли господин Гольдин быть немецким агентом. Тот ответил, что нет, не раздумал, и майор предложил ему подписать обязательство о сотрудничестве с абвером. Здесь же он получил необходимые инструкции: перейдя линию фронта, обязательно определиться на свою старую должность в штабе фронта, учтиво держать себя по отношению ко всем старшим, и осо-

бенно к заместителям командующего фронтом, с которыми по роду службы имел и должен иметь контакты, чтобы повседневно быть в курсе всех больших и малых дел командования. Все документы, поступающие из Генерального штаба, Наркомата обороны и Ставки, попадающие к нему, он должен был копировать или кратко записывать их содержание. Собранные данные передавать связнику от Фурмана два раза в месяц, каждого 14-го и 24-го числа, между 10—12 часами дня. Встречи будут происходить у билетных касс железнодорожных вокзалов тех городов, где располагается штаб фронта. На встречу со связником Гольдин должен выходить, имея при себе книгу Л. Толстого «Война и мир», причем держать ее в таком положении, чтобы находящиеся вблизи него люди могли прочесть название. Человек Фурмана обратится к нему со словами: «По-моему, мы встречались на Подоле в Киеве». Ответ: «Да, я там родился и жил».

Еще сутки ушли на отработку деталей. И когда Фурман убедился, что новоиспеченный агент все хорошо усвоил, Гольдина на легковой автомашине доставили в посадку возле села Степановка. По сведению Фурмана, здесь скрывалась группа советских командиров, выходящих из окружения. Ее решено было не трогать, чтобы обеспечить надежную крышу абверовскому агенту.

Гольдин категорически утверждал, что, возвратившись из плена и получив снова должность в штабе фронта, он ничего не делал для гитлеровской разведки. Лишь однажды выходил в Бронеже на вокзал для встречи с представителем майора Фурмана, которому собирался объявить, что он раздумал работать на «великую Германию». Но на вокзале к нему никто не подошел. По нашим же сведениям, он выходил на вокзал дважды.

На вопрос, почему же он не обратился к командованию или в органы госбезопасности и тем самым помог бы захватить связника от абвера, Гольдин ответил, что он боялся быть скомпрометированным и не хотел терять доверия сослуживцев.

В ходе следствия Гольдин был полностью изобличен в неправдоподобности своих показаний и признался, что после возвращения из плена свои отношения с абвером он решил строить в зависимости от обстановки на фронте: если она будет складываться в пользу гитлеровцев, то работать на них, а если наоборот — то нет. Данными

же, представлявшими большой интерес для фашистской разведки, он располагал ежедневно.

Изменник был предан суду военного трибунала и осужден по всей строгости советских законов.

Всех участников этой операции командование представило к правительственным наградам. Младший лейтенант госбезопасности Алексей Корнеевич Красножогов посмертно был награжден орденом Красного Знамени.

Иван Чайка в госпитале долго не залежался. Очередной его рейд в глубокий вражеский тыл помог контрразведчикам особого отдела Юго-Западного фронта раскрыть гнусную провокацию абвера, острие которой было направлено против видного советского военачальника.

* * *

Летом и осенью 1941 г. войска Юго-Западного фронта понесли большие потери, многие части побывали в окружении. И поскольку нужда в людях была огромной, в расположении войск фронта действовало несколько сборных пунктов для выходящих из окружения. Здесь они проходили санобработку, получали обмундирование, оружие и распределялись по частям. На сборных пунктах работали сотрудники органов тыла, кадров, политуправления и особого отдела.

10 декабря на фронтовом сборном пункте в селе Пески Воронежской области к младшему лейтенанту госбезопасности Пивоварову обратился сержант Воропаев, оказавшийся в окружении со своей танковой частью при отступлении из Харькова, и сообщил, что хочет сделать заявление большой государственной важности. То, о чем рассказал танкист, действительно выходило за рамки нашей повседневной работы. Но обо всем по порядку.

Биография и послужной список сержанта характеризовали его с наилучшей стороны. Сын крестьянина-середняка из Оренбургской области, он в начале тридцатых годов отслужил действительную службу в Красной Армии и после демобилизации работал трактористом в местной МТС. В начале войны добровольцем ушел на фронт, воевал храбро, отличился в боях за Харьков. Двое сослуживцев Воропаева, которых мы разыскивали в одной из частей обороняющейся здесь армии, подтвердили, что, когда кончились горючее и боеприпасы, сержант подорвал свой танк и вместе с ними выходил из окружения. Но по дороге простудился и заболел воспалением легких. В беспя-

мятном состоянии его пришлось оставить в селе Шаповаловка у колхозницы Анны Карповны Франько, о чем после выхода на нашу сторону они сообщили командованию.

Сам Воропаев честно сознался, что, оправившись после болезни, он проявил малодушие. С одной стороны, он привязался душой к своей спасительнице — Анна, судя по описаниям, была красивой 35-летней женщиной, — а с другой — прельстился сытой и, главное, спокойной жизнью. Сидеть бы ему и по сей день в уютно оборудованном подполье, но неделю назад произошло событие, буквально всколыхнувшее его душу и заставившее вспомнить о присяге и воинском долге.

Ночью их с Анной разбудил лай собаки. Они услышали шум автомобильного мотора и немецкую речь. Анна пошла открывать, а он юркнул в погреб и затаился. В комнату вошло несколько человек. По голосам определил, что среди них была одна женщина и один русский. Анне приказали накрыть на стол и убраться спать в хлев — распоряжалась женщина по имени Гелена. Оставшись в доме одни и не подозревая о присутствии в погребе, вырытом здесь же, в кухне дома, Воропаева, приезжие продолжали разговор. К одному немцу все обращались уважительно: «герр генерал», а к русскому: «господин полковник». Переводила Гелена. Всего разговора Воропаев по памяти восстановить не мог, но суть его сводилась к следующему. Гитлеровский генерал хотел, чтобы русский полковник перешел линию фронта и нашел пути для встречи с крупным советским военачальником. «Когда я услышал фамилию, — говорил Воропаев, — меня мороз по коже продрал». Речь шла о советском генерале, которому партия доверила ответственнойшее дело — один из важнейших участков обороны Москвы.

Полковник вначале отказывался. Он боялся, что могут возникнуть осложнения при переходе линии фронта и что советский генерал, получив письмо «герра генерала», прикажет арестовать и расстрелять его. Гитлеровец настаивал.

Через линию фронта, говорил он, господина полковника пропустят беспрепятственно, а что касается советского генерала, он встретит посланца от немецкого командования с распростертыми объятиями. Он близкий друг многих германских военачальников и, больше того, поклонник фрейлейн Гелены. В 1940 г. во время манев-

ров на западной границе он проявил себя «галаунтым кавалером». В неотразимости чар фрейлейн господин полковник сможет убедиться лично — до утра времени еще вполне достаточно...

Утром гитлеровцы с советским полковником уехали в сторону фронта, а он, Воропаев, понял, что не может держать при себе такую страшную тайну, и, несмотря на все уговоры Анны, твердо решил пробираться к своим.

В тот же день Воропаева доставили в особый отдел фронта. Нужно ли говорить, как внимательно мы изучали и анализировали его показания. Ведь речь шла не просто о добром имени и чести видного военачальника. Речь шла о человеке, которому в минуту смертельной опасности советский народ, в самом полном значении этого слова, вручил ключи от своей столицы.

В показаниях Воропаева была одна очень серьезная натяжка. Сам он немецкого языка не знал, но довольно подробно передал ту часть разговора, где речь шла об интимной связи Гелены с советским военачальником и о том, как гитлеровец предложил «господину полковнику» воспользоваться ее благосклонностью. По Воропаеву выходило, что переводчица говорила о себе в третьем лице. К сожалению, этого было мало, чтобы доказать лживость показаний «окруженца» — он ведь предупредил, что, не помня всех деталей, пересказывает лишь суть разговора, и при случае мог сослаться на то, что к такому выводу он пришел после всего услышанного.

Требовалась более серьезная и глубокая проверка всех этих данных, тем более что в то время, в дни, когда решалась судьба Москвы, мы не имели права просто отмахнуться от полученных сведений. Буквально за несколько дней до описываемых событий особому отделу пришлось заниматься аналогичным делом. Правда, масштаб был не тот — речь шла о начальнике одного из управлений штаба фронта, но почерк просматривался тот же. Неизвестный человек в форме капитана-летчика вручил нашему командиру письмо от командующего гитлеровской танковой армией генерала Гудериана, который напомнил ему об их знакомстве в прошлом и теперь давал «добрый» совет: взвесить обстановку на фронтах и постараться сделать «правильный» выбор в сложившейся ситуации. Наш командир проявил разумную выдержку, обещал подумать. Во время второй встречи с гитлеровским агентом он, по нашему совету, «еще

не пришел к определенному выводу», но поинтересовался, чем он может быть полезен генералу Гудериану. Связника пришлось отпустить, но зато командование фронта узнало, какие вопросы в первую очередь интересуют гитлеровский генштаб и куда собирается направить он свой главный удар во время готовящегося наступления.

...Дело сержанта Воропаева было поручено лейтенанту госбезопасности Любченко. За линию фронта его сопровождал разведчик Иван Чайка, который накануне выписался из госпиталя.

До Шаповаловки добрались на четвертые сутки без особых приключений, но уже там, на месте, сложности возникали одна за другой. Шаповаловка — село небольшое, но раскинулось оно на безлесом нагорье, и подходы к нему просматривались со всех сторон. Даже ночью подойти к хате Анны Франько незамеченными не было возможности. Потом неизвестно, как встретит молодница советских разведчиков. Если Воропаев немецкий шпион, не исключено, что его подруга «в курсе». В таком случае не миновать беды — в селе стоял немецкий гарнизон.

Решено было искать встречи с местными партизанами. Несмотря на то что сроки поджимали — на всю операцию было отпущено десять дней, — другого выхода не было. И тут Любченко получил возможность в полной мере оценить талант Ивана Чайки. Менее чем через сутки с того момента, как он оставил лейтенанта в небольшой рощице, километрах в двух от Шаповаловки, в предрассветной тишине раздался условный сигнал. Пришел Иван не один, а в сопровождении паренька лет шестнадцати, на щуплом теле которого каким-то чудом разместилось столько вооружения, что его полностью хватило бы на отделение солдат. Паренек — звали его Филя — оказался человеком обстоятельным. Только окончательно убедившись в полномочиях Любченко, он солидно откашлялся и сказал, что их горю можно помочь. Анна соседка была человеком проверенным, но рисковать ею без надобности нужды не было. Немного подумав, предложил план, с которым разведчики согласились.

Филя сбегал в село и, возвратившись через час, сообщил, что «их человек» еще раньше сговорился с Анной идти на Козье болото за клюквой. Места там глухие, и товарищи без помех смогут допросить и Франько, и обязательно «их человека», чтобы Анна, не дай бог, ничего не заподозрила, ведь ее двоюродный брат служит стар-

шим полицаем в соседнем селе Межеречьи. Филя явно обладал талантом конспиратора и с каждой минутой все больше нравился разведчикам. А поначалу Любченко не очень лестно думал о командире партизанского отряда, пославшем на такое важное дело мальчишку.

Партизанская связная вывела Анну к условленному месту, когда солнце еще не поднялось над верхушками деревьев. Увидав двух вооруженных людей, женщины вскрикнули и побросали на снег корзинки. Любченко, у которого к тому времени полностью сложился план проверки, приказал Чайке «допросить» спутницу Анны, а сам увел растерявшуюся молодницу подальше от тропинки.

На все вопросы Франько отвечала многословно, с причитаниями, но, в общем, толково. Родилась она в этом самом селе в 1905 г., жила все время на людях, на виду — каждый может сказать. Муж в селе был на все руки мастером — и печку сложить, и амбар срубить. Жили хорошо, но детей не было. Перед самой войной обстроились заново. В июле мужа призвали в армию, и с тех пор он сгинул — ни письмаца, ни весточки. Сейчас живет бобылкой — с хлеба на квас перебивается. О Воропаеве не сказала ничего.

Когда Любченко попросил вспомнить номер немецкой машины, которая находилась у нее во дворе десять дней назад, и по возможности подробно описать ее пассажиров, у женщины до такой степени округлились глаза, что черные дуги бровей подскочили к самому пробору над узеньким лбом. Франько даже не нашлась, что ответить. Но Любченко продолжал настаивать, подчеркивая, что от ее ответа зависит судьба и даже жизнь близкого ей человека. Результат — тот же.

Тогда Любченко решил, что можно переходить к главному, и, как бы между прочим, спросил, что гражданке Франько известно о судьбе сержанта Петра Ивановича Воропаева. Вопрос попал точно в цель. Анна часто-часто заморгала, по щекам ее покатались слезы-горошины, и, обхватив голову руками, она тонко, по-бабы заголосила. Пришлось подождать, пока горе женщины выйдет со слезами. Немного успокоившись, Франько поведала, что Петра выдал фашистам родной брат ее мужа — душегуб и хриstopродавец. Он сам давно зарился на ее добро, а когда узнал, что больной сержант выздоровел и, судя по всему, не думает уходить из села подбрю-поздорову, привел в хату полицаев. Воропаева отправили в райцентр и посадили в тюрьму. Комендант сказал ему,

что его расстреляют за нарушение приказа немецкого командования об обязательной регистрации в комендатурах или у старост всех бывших военнослужащих Красной Армии, оставшихся на занятой немцами территории. То же самое сообщили Анне, которая «птицей полетела» следом за своим Петром. Тогда она упала в ноги брату-полицая, слезами и щедрыми подарками упростила его обратиться с ходатайством к немецкому начальству о помиловании Воропаева, клятвенно заверить немцев, что впредь Петро и она будут строго выполнять все предписания властей. Брат пошел на прием к коменданту. Потом потребовал еще денег — тысячу рублей супостат заломил — и сообщил, что герр комендант пообещал заменить для ее танкиста расстрел концлагерем.

После этого Анна еще ходила в комендатуру, но в последний раз к ней вышла молодая немка в гестаповской форме и сказала, что ходить сюда нечего, нужно подождать, пока ее любовник искупит свою вину перед Германией. Так Анна и ушла ни с чем.

Любченко подробно записал рассказ Франько и, заставив ее подписаться, строго предупредил, чтобы ни одна живая душа не знала об этом разговоре. Если спросит соседка, должна сказать: расспрашивали о брате-полицаем.

Вскоре разведчики уже обедали в партизанской землянке и мирно беседовали с командиром отряда перед дальней и опасной дорогой к линии фронта. Финал этого разговора был несколько неожиданным: Любченко решил пробираться к линии фронта в одиночку. Чайка же на некоторое время должен будет оставаться в отряде. Причиной тому была белокурая переводчица Гелена, работавшая от гестапо в одном из подразделений абвера.

В особом отделе фронта уже имелись некоторые данные на бывшую официантку столовой штаба приграничной армии Гелену Ягодзинскую. Зная всех высших командиров и политработников этой армии, она в первые месяцы войны разъезжала по лагерям для советских военнопленных, выдавала их гестаповцам и лично принимала участие в казнях. Последнее время следы ее затерялись. И вот теперь она опять всплыла на поверхность, уже как переводчица зондеркоманды. Командир партизанского отряда сообщил чекистам самые свежие сведения о похождениях Гелены в Харьковской области.

В середине ноября к партизанам поступили сведения,

что в соседних районах появился вооруженный отряд, изымающий у местного населения скот, птицу, продукты, деньги и теплые вещи. При этом мародеры называют себя советскими партизанами. С этим нельзя было мириться. С помощью двух соседних отрядов партизаны окружили бандитов и предложили им сложить оружие. Завязалась перестрелка. Шестеро головорезов было убито, а остальные сдались в плен. Банда состояла из тридцати человек.

Во время допросов главарь грабителей Бурый дал ценные показания. К гитлеровцам в услужение он пошел прямо из острожской тюрьмы, где отбывал срок за националистическую деятельность. Явившись в немецкую комендатуру, он заявил тогда о своем большом желании во всем помогать оккупационным властям. Гестаповский офицер решил проверить «добровольца» и спросил, чем тот сможет доказать свою верность рейху. Бурый попросил офицера выйти с ним во двор комендатуры, где находилось несколько десятков советских военнопленных, взял у охранника автомат и застрелил двух советских лейтенантов.

С точки зрения гестапо, лучшей характеристики о благонадежности не требовалось, и его взяли на службу в карательный отряд. Здесь он и познакомился с шикарной женщиной, полуполькой-полуукраинкой. Несмотря на свою красоту и женственность, она, по словам Бурого, могла заткнуть за пояс любого мужика и во время проведения карательных акций ей не было равных. Пани Гелена пользовалась у немцев исключительной популярностью и как сотрудник гестапо, и как женщина, понимающая, что каждый защитник рейха вправе получить свою долю женской ласки. Но в последнее время у нее появился постоянный поклонник — обер-лейтенант абвера, которого она официально считает своим мужем, что, правда, не мешает ей время от времени «вспомнить прошлое».

В этом Бурый имел возможность убедиться лично, когда по заданию абвера формировал в Харькове свою банду. На прощание Гелена сказала тогда ему, что в самое ближайшее время она с мужем выезжает в Волноваху, куда мужа переводят преподавателем на курсы по подготовке разведчиков и диверсантов, и что она будет рада встретиться с ним и там.

Но Бурому не суждено было еще раз встретиться с Геленой. Смелым налетом партизаны захватили большое

село Криницы и на площади перед сельсоветом устроили над мародерами показательный суд. Все бандиты были приговорены к высшей мере наказания.

Было решено, что, оставаясь в партизанском отряде, Иван Чайка уточнит сведения о Гелене и по возможности разведает местонахождение и специализацию зондеркоманды абвера, в которой должен находиться ее муж.

...Лейтенант госбезопасности Любченко благополучно перешел линию фронта и доложил руководству особого отдела о результатах проверки. Когда Воропаева ознакомили с показаниями Анны Франко, он сразу же сознался, что был завербован немецкой разведкой. После ареста и взятки, полученной комендантом от Анны, он не отправил танкиста в концлагерь, а передал его в распоряжение зондеркоманды абвера. Там его допрашивали обер-лейтенант и женщина в гестаповской форме. Они доказали Воропаеву, что у него практически выбора нет: или на тот свет, или за линию фронта с заданием абвера. Легенду о разоблачении советского генерала он зубрил два дня. Затем его строго проэкзаменовали и отвезли на машине к линии фронта. Других заданий Воропаев не получил. После того как он выполнит это и его направят снова в часть, гитлеровцы советовали ему в первом же бою сдаться в плен и заявить, что он есть дойчагент. За выполнение этого поручения его щедро вознаградят: он будет назначен старостой села Шаповаловка, получит землю и сможет обвенчаться с фрау Анной, которая его очень любит.

Так был раскрыт очередной подлый замысел немецкого абвера. Рискуя жизнью, советские контрразведчики сумели установить истину и разоблачить вражеского агента. Рухнули расчеты абвера очернить в глазах Верховного Главного Командования одного из видных советских военачальников.

* * *

Иван Чайка возвратился из рейда в Шаповаловку с довольно богатым уловом. С помощью местных партизан ему удалось установить, что Гелена выехала со своим мужем — зондерфюрером Вальтером Вольфом в Волноваху еще 15 декабря. Чайка установил наблюдение за местным подразделением абвера, которое разместилось в усадьбе селекционной станции, и через несколько дней

подстерег на лесной дороге мотоцикл с обер-ефрейтором, который служил там. В партизанском отряде, куда его доставили той же ночью, обер-ефрейтор дал ценные показания.

Гелена Ягодзинская, дочь бывшего управляющего одного из имений польского помещика, была завербована германской разведкой еще в 1936 г.

Осенью 1939 г., когда западные области воссоединились с Советской Украиной, Гелена получила приказ остаться в Советском Союзе, переехать в другой город, устроиться на работу и войти в доверие к властям. Весной 1940 г. ей удалось по заданию своих хозяев выйти замуж за старшину-сверхсрочника из армейского полка связи, дислоцированного в Станиславе, и устроиться официанткой в столовой для начсостава штаба армии.

Когда началась война, Ягодзинская на несколько дней исчезла, а с приходом гитлеровцев снова появилась на улицах Станислава, но уже в форме сотрудницы гестапо.

Особенно подло вела себя Ягодзинская во второй половине июля 1941 г., когда часть наших войск была окружена в районе Умани и многие военнослужащие попали в плен к фашистам. В те дни Гелена разъезжала с гестаповцами по местам сбора советских военнопленных и выискивала среди них командный и политический состав — ведь многих она знала в лицо. И по ее указке гестапо арестовывало, пытало и расстреливало этих людей. Самым гнусным было то, что с садистской изощренностью Ягодзинская лично участвовала в пытках и казнях.

До возвращения Ивана Чайки мы не знали точно, где находится предательница, не знали и того, что работает она сейчас под вывеской абвера. Теперь же, когда след был найден, в особом отделе было принято решение захватить Ягодзинскую и доставить ее на нашу территорию для предания суду военного трибунала. В случае если возникнут осложнения при переходе линии фронта, ликвидировать преступницу.

Реализация этого плана осложнялась тем, что Волноваха находилась в полосе действия соседнего, Южного фронта. Но на стыке двух фронтов, примерно в двухстах километрах северо-восточнее Волновахи, в фашистском тылу работали два наших товарища — Загоруйко и Юдин. Особый отдел направил их за линию фронта для оказания практической помощи подпольным комитетам партии в организации партизанских отрядов.

Оба они пришли в органы госбезопасности за год до начала войны. Товарищи любили этих комсомольцев за их веселый нрав, юношескую порывистость и отзывчивость, а главное, за неистребимое желание узнать как можно больше, поскорее стать полноценными работниками для нашего общего дела. Несмотря на молодость, на счету каждого из них была уже не одна хорошо проведенная операция.

...В Волноваху Паша Загоруйко прибыл 28 декабря, но на след Гелены Ягодзинской напал лишь в самый последний день 1941 г. Ему удалось узнать, что со своим любовником Вальтером Вольфом она собирается ехать в Мариуполь к друзьям Вальтера для встречи нового, 1942 г. Хотя это несколько осложняло обстановку, у Загоруйко появилась возможность провести операцию немедленно, не откладывая ее в долгий ящик.

Лично убедившись в том, что машина с Вольфом и Геленой, выехав из расположения курсов зондеркоманды, направилась в сторону Мариуполя, чекист приступил к осуществлению операции.

Подпольный партком Волновахи выделил ему в помощь трех человек из формируемого здесь партизанского отряда. Знакомясь с людьми и ставя перед ними боевую задачу, Павел, несмотря на то, что времени было в обрез, делал это обстоятельно. Ведь в конце концов, от этого зависел успех операции. Ребята же были молодые и, судя по всему, необстрелянные. Двое из них — Петр и Сергей — в 1941 г. окончили среднюю школу, и только Прохер был «в годах»: до войны он несколько лет проработал токарем в железнодорожном депо станции Волноваха.

От Волновахи до Мариуполя около 80 километров. Дорога большей частью степная, открытая с обеих сторон. И только в одном месте, километрах в трех от города, у железнодорожного переезда, к ней примыкает широкая и довольно густая лесопосадка. Переезд постоянно перекрыт шлагбаумами, и на нем круглосуточно дежурит сторож — свой, по словам Прохера, человек. На обратном пути Вальтер и Гелена обязательно окажутся здесь: другой дороги из Мариуполя до Волновахи нет. Кроме того, на переезде можно без выстрела остановить машину и бесшумно захватить гитлеровского офицера и его даму. В других же местах захват затруднен. Можно лишь уничтожить машину и пассажиров.

Загоруйко, поставивший перед собой задачу захвата, полностью согласился с этими доводами Прохора. Учитывал он и то, что при отсутствии транспорта вряд ли сможет в оставшиеся часы организовать засаду в другом месте. Знакомство с переездным сторожем дядей Колей еще более утвердило чекиста в правильности принятого решения. Проработав на транспорте более пятидесяти лет, старик был, что называется, рабочей костью. Когда Загоруйко стал объяснять ему цель их прихода сюда, дядя Коля даже не счит нужным тратить лишних слов и только молча кивнул головой — надо так надо.

Теперь, когда все участники операции были в сборе, Загоруйко строго распределил роли. После полуночи сторож должен был надежно запереть шлагбаум и «спать» беспробудным сном у себя в будке. На автомобильные сигналы у переезда не реагировать до тех пор, пока Загоруйко не подаст ему знак. Сам же он с партизанами заляжет в придорожных кустах. Как только нужная им машина остановится у шлагбаума, все четверо стремительно выскакивают из засады и обезоруживают Вольфа, Гелену и шофера-гестаповца. Все детали захвата были отрепетированы несколько раз, пока Загоруйко не добился полной слаженности.

Пожелав дяде Коле хорошо встретить Новый год, Загоруйко отпустил Сергея и Петра в город, а сам с Прохором отправился к будке обходчика Крищенко, находившейся километрах в двух от переезда. По плану сюда нужно было привести Гелену, переодеть ее в сельскую одежду и немедленно уходить на северо-восток, используя для маскировки балки и овраги Донецкого края. Обходчик хорошо подготовился к приему гостей. Кроме одежды для предательницы он побеспокоился и о десятидневном запасе продуктов для группы захвата. Подпольщики Волновахи сделали все возможное и даже невозможное для обеспечения операции.

Убедившись в этом, Загоруйко почувствовал горячую признательность к этим самоотверженным и мужественным людям.

В полночь вся группа собралась на квартире у Прохора. Еще раз уточнили детали, проверили оружие. С этой стороны все было в порядке — два автомата, четыре пистолета ТТ, десятка полтора гранат. Благополучно миновав гитлеровские патрули, они через сорок минут добрались до придорожной посадки.

И Загоруйко и Прохор ясно отдавали себе отчет, что

выбранное ими место имеет свои и положительные, и отрицательные стороны. С одной стороны, лесозащитные полосы были хорошим прикрытием для засады и для отхода группы. С другой — до ближайшего фашистского поста было меньше трех километров, и один-единственный выстрел мог вызвать тревогу в городском гарнизоне. Ставка, конечно, делалась на бесшумность.

Но Загоруйко хорошо знал, что при проведении операции случаются иногда и неожиданности и поэтому нужно быть готовым ко всему. С первой такой неожиданностью нашим товарищам пришлось столкнуться буквально через несколько минут.

...К полуночи мороз достиг двадцати градусов и все крепчал. Будка дяди Коли гостеприимно подмаргивала желтым глазом крохотного оконца, из трубы белым столбом поднимался дым. Шлагбаумы были опущены и заперты наглухо. Но вдруг шедший впереди Загоруйко резко остановился и подал знак товарищам. Из будки ясно слышались голоса. Осторожно приблизившись к окну, Павел увидел необычную картину. За небольшим дощатым столиком, касаясь друг друга коленями, над чугуном с кашей склонились дядя Коля и гитлеровский солдат в шинели и с автоматом на шее. Ужин протекал мирно.

Покончив с кашей, дядя Коля жестами показал, что собирается ложиться спать. Гитлеровец сказал «найн» и выразительно показал на автомат. Видимо, он был человеком общительным и его не радовала перспектива провести новогоднюю ночь в одиночестве.

Появление в будке вооруженного гитлеровца очень усложняло дело. Детально разработанный план был под угрозой срыва. Можно было предположить, что гитлеровское командование, желая обеспечить себе спокойную встречу Нового года, решило в эту ночь усилить караулы и выставило часовых даже за городом, чего раньше не делало.

Нужно было срочно решать: или убрать часового, или все же найти способ хоть на несколько минут вызвать сторожа из будки. От первого варианта отказались сразу же. Это могло еще больше осложнить обстановку: смена часовому могла прибыть в любую минуту и тогда разводящий, обнаружив пропажу, обязательно поднял бы тревогу. Выход подсказал Прохор. Он предложил направить кого-нибудь из хлопцев к обходчику Крищенко и попросить, чтобы он послал к дяде Коле с праздничным ужином и поздравлением от родителей свою

пятнадцатилетнюю дочь Настю. Уходя, девочка попросит сторожа проводить ее через посадку, и таким образом цель будет достигнута. На этом и порешили. К обходчику послали Сергея, а сами продолжали наблюдение. Не прошло и получаса, как к переезду подкатил мотоцикл с двумя гитлеровцами. Загоруйко сообразил, что прибыла смена. И действительно, через несколько минут из будки вышли водитель мотоцикла и тот часовой, который ужинал с дядей Колей. Взревел мотор, и все стихло — новый часовой, как видно, общительностью не отличался. Но в подозрительности ему отказать было трудно. Когда скрипнула дверь и дядя Коля вышел, следом за ним вышел и гитлеровец. Он не очень любезно заставил его возвратиться в будку. Загоруйко и его товарищам оставалось только ждать.

Часа через полтора возвратился Сергей. С ним вместе пришла Настя, худенькая девчущка, которой при всем желании нельзя было дать ее пятнадцати лет. Но нехватка роста полностью компенсировалась сообразительностью. Когда Загоруйко инструктировал девочку, как она должна вести себя в будке, та схватывала его слова буквально на лету.

Настя сыграла свою роль как нельзя лучше, но часовой запретил дяде Коле выходить из будки. Забрав узелок с гостинцами, он грубо вытолкнул девочку на улицу и захлопнул дверь. Этим самым фашист подписал себе смертный приговор.

Проводив девочку до полевой тропинки и попросив передать отцу, чтобы он по-прежнему ждал гостей, Прохор возвратился к товарищам, которые уже со всех сторон окружили будку. Медлить было нельзя — с минуты на минуту могла подойти машина с Геленой и ее спутниками.

Выбрав момент, когда часовой всецело был занят едой, Загоруйко с силой рванул дверь. И не успел солдат потянуться за автоматом, как на его голову обрушился окованный железом приклад ППШ. Он, как говорится, даже не охнул — кулем свалился на пол. У дяди Коли нашелся моток провода, которым гитлеровца спеленали по рукам и ногам. Потом на всякий случай заткнули ему рот его же перчаткой и волоком оттащили подальше в посадку. Полдела было сделано.

Дядя Коля сказал, что смена солдату прибудет, видимо, к шести часам утра. Времени оставалось совсем мало — если к этому сроку не появится Гелена, нужно

срочно искать запасной выход. Прохор предлагал снимать засаду до смены караула и уходить в степь, образовав тем самым ядро нового партизанского отряда. С Геленой, по его мнению, счеты можно свести потом, выбрав для этого более подходящий момент и хорошо подготовившись к нему. Но Загоруйко этого плана не принял. Любое промедление, считал он, могло привести к срыву задания. Да и непростительно было упускать предательницу, когда она сама шла в руки. В конце концов, рассуждал чекист, эта проклятая машина рано или поздно должна возвратиться из Мариуполя. Все дело во времени, и времени недолгом — час, от силы полтора. А ради такого случая не грех будет прихлопнуть еще пару фашистов — разводящего и нового часового. Пока их хватятся, Гелена уже будет в наших руках. Конец спора положил молчавший до этого дядя Коля. Он все обдумал и взвесил, этот замечательный старик, и говорил не спеша, с расстановкой, будто бы речь шла совсем не о его жизни, которую он добровольно решил подвергнуть смертельной опасности.

— Я думаю, ребята, так. Горячку пороть смысла нет, да и незачем — работа у нас с вами уж больно серьезная. Подождем мы сменных фашистов, и я им про твоего, Паша, крестника расскажу все в самом лучшем виде. Так, мол, и так, покараулил он после вашего отъезда часик, а потом схватило у него живот, и он стал вообще ни на что негодный. Тут, на счастье, подвернулась легковая машина и «больной» укатил в город. Объясню я им на чистейшем ихнем языке: «кранк», «фарен» и тому подобная мерзость. Поверят гады, их счастье — поживут еще несколько дней. Не поверят, за грудки начнут брать — тут вы мне маленько и подмогнете...

Группа снова заняла свои места, и потянулись томительные минуты ожидания. Наконец их долготерпение было вознаграждено. До шести еще оставалось добрых сорок минут, когда километрах в двух от переезда со стороны Мариуполя на дороге появилась мерцающая полоска света от автомобильных фар. В звонкой морозной тишине все явственнее слышался шум мотора. Загоруйко объявил готовность номер один. Дядя Коля в последний раз проверил прочность запоров на шлагбаумах и поспешил в сторожку «спать», а четверка смельчаков залегла в кюветах метрах в двадцати от переезда — здесь, по их расчетам, должна была остановиться

машина. Огневая мощь группы усилилась за счет трофейного автомата, но Загоруйко все же надеялся, что все обойдется без фейерверка.

Тревога, казалось, повисла в воздухе. Мечущийся свет фар плясал по дороге, выхватывая из темноты то обшарпанную стену сторожки, то голые остовы промерзших тополей. Протяжный сигнал неожиданно разорвал тишину и больно ударил по натянутым до предела нервам. Еще минута — и пора. Тело сжалось в упругий комок, готовый каждую секунду рвануться навстречу опасности. Сейчас машина остановится, Загоруйко убедится, что прибыли те, кого они с таким нетерпением ждали, и подаст сигнал.

Но произошло опять непредвиденное. Не сбавляя скорости, бешено сигналив на ходу, машина проскочила засаду и, взвизгнув тормозами, остановилась возле самого шлагбаума. На дорогу выскочил водитель и побежал к будке. В самый последний момент и Загоруйко и Прохор были ослеплены светом и не смогли молниеносно сориентироваться: та ли это машина. И теперь из укрытия им видны были лишь стоп-сигналы, мерцающие в ночи рубиновым светом. Уходили драгоценные секунды. Из будки слышались ругань водителя и глухие удары. В это время открылась задняя дверца. Из машины выбрался офицер и не совсем твердой походкой направился к сторожке, вынимая на ходу парабеллум. Загоруйко вскинул автомат и полоснул очередь по офицеру. Тот упал. Тогда Павел послал Прохора на помощь дяде Коле, а сам побежал к машине. В этот момент распахнулась вторая дверца и на дорогу выскочила женщина в военной форме. Отстреливаясь из автомата, она побежала в сторону Волновахи. К счастью, фары светили, и фигура беглянки, ее черный эсэсовский костюм отчетливо выделялись на белом снегу. Ни секунды не раздумывая, Загоруйко бросился следом. Когда их разделяло каких-нибудь пятнадцать шагов, он приказал ей остановиться и бросить оружие. В ответ прозвучала очередь. Уже падая, Загоруйко нажал спусковой крючок.

Через минуту товарищи подобрали истекающего кровью чекиста. В нескольких шагах от него лежала мертвая Гелена. С предательницей было покончено.

Но опасность не миновала. В суматохе боя партизаны не заметили, как к переезду подкатила еще одна машина со стороны Мариуполя. Два немца залегли на дороге и открыли огонь. Пересилив боль, Павел Загоруйко

приказал ребятам идти на подмогу Прохору: «Я ранен в живот, двигаться не могу. Передайте в подпольный комитет и на ту сторону, что задание выполнено...»

Не успели партизаны отойти и нескольких шагов от него, как позади них раздался одинокий выстрел. Понимая, что его состояние безнадежно, Павел Загоруйко не захотел быть обузой для товарищей...

Тем временем Прохор пристрелялся ко второй машине — со звоном посыпались стекла, лопнул пробитый пулей скат... Получив отпор, гитлеровцы дали задний ход и убрались восвояси.

Прощавшись со своим боевым товарищем, отнеся его тело в посадку, быстро ушли с переезда и партизаны. Вместе с ними уходил и дядя Коля. Из Волновахи на помощь фашистам сюда никто пока не подоспел.

От шофера-гестаповца, которого Прохор оглушил стоявшей у сторожки лопатой, подпольщики узнали, что убитый офицер — Вальтер Вольф, а женщина — его любовница Гелена Ягодзинская. Во второй машине, подъехавшей к переезду, находились начальник Вольфа, которого все называли «господин Локкерт», его любовница и адъютант Оскар Курц. (Как выяснилось позже, Курц был смертельно ранен.) Вся компания направлялась в Волноваху продолжать встречу Нового года. Спасая свою шкуру, пленный гестаовец многое рассказал о «команде Локкерта» и о ее делах.

По прямому указанию штаба «Валли» Локкерт, он же Фаулидис, при «Абвергруппе-103» сформировал зондеркоманду для выполнения специальных заданий в советском тылу. В нее отбирались отпетые головорезы — уголовники и националистическое отребье. Из первых Локкерт формировал банды диверсантов и террористов, вторые должны были выполнять ту же самую работу, но уже под знаменем «национальной» идеи. Они же после непродолжительной подготовки подвизались в лагерях для советских военнопленных как вербовщики в «добровольческие национальные легионы».

Получив эти сведения, советское командование решило покончить с этим осиным гнездом. Во время налета советской авиации на Волноваху штаб зондеркоманды, ее учебный центр и радиостанция были полностью уничтожены. Чудом уцелевший во время бомбежки Фаулидис с остатками своего «воинства» забился в глухую степную деревеньку Ивановку. Но «учебный процесс» в самом его начале здесь прервали партизаны.

С тех пор, как затравленный зверь, метался Локкерт из села в село, от хутора к хутору, вплоть до своего бесславного конца в августе 1943 г.

В записной книжке Вальтера Вольфа, предусмотрительно прихваченной Прохором в новогоднюю ночь на железнодорожном переезде, мы обнаружили много ценных данных, проливающих свет на темные дела «команды Локкерта». Среди них была одна запись, которая заставила нас серьезно задуматься. Из неизвестного пока что нам источника, абвер получал точную информацию о методах проверки вышедших из окружения советских военнослужащих и учебных программах курсов подготовки и переподготовки командиров для войск фронта, организованных нашим командованием. Сам факт утечки этой информации и ее достоверность говорили о том, что где-то в данном звене орудует враг. Его надо изловить. А для этого прежде всего было необходимо определить круг лиц, имеющих доступ к таким сведениям. Как и ожидали контрразведчики, круг этот получился довольно обширным, что значительно осложняло розыск, но не снимало с нас ответственности. В самые сжатые сроки фашистский агент должен быть выявлен и обезврежен — это отлично понимал каждый сотрудник особого отдела фронта, имевший отношение к этому делу.

Началась скрупулезная проверка. Сотни личных дел пришлось изучить чекистам. Знакомясь с биографиями и послужными списками, с рапортами и объяснительными записками об обстоятельствах выхода из окружения, мы прекрасно понимали, что любое, даже малейшее, подозрение, высказанное вслух, может очень больно ранить честного, беззаветно преданного нашей Родине человека. Поэтому и в отделах кадров фронта и армий, и в беседах с людьми наши сотрудники действовали с предельной осторожностью и тактом. А это не давало возможности быстро продвигаться вперед, как этого требовала от нас обстановка на фронте.

Дело в том, что к концу 1941 г. в Красной Армии возникла острая необходимость в командных кадрах для войск, особенно в командирах взводов, рот, батальонов и полков. Для разрешения этой проблемы при отделах кадров армий и фронтов создавались краткосрочные курсы, на которых проходили подготовку и переподготовку разные категории командиров, в том числе и военнослужащие, вырвавшиеся из окружения. Расшифровка структуры курсов и принципа подбора слушателей для них

имела две серьезные отрицательные стороны. Получив точные сведения о количестве подготовленных командиров, немецкое командование могло определить потребность фронта в командном составе и масштабы наступления, к которому готовились в то время войска фронта. Вместе с тем, располагая данными о методах проверки окруженцев на сборных пунктах и на курсах, абвер получал возможность разрабатывать для своих агентов более надежные легенды, что в дальнейшем могло еще более осложнить работу советской контрразведки.

Сознание этого заставляло всех нас работать не покладая рук. Неожиданная помощь со стороны значительно ускорила развязку этого запутанного дела, и все мы получили еще одну прекрасную возможность убедиться, какие замечательные люди нас окружают и насколько своевременной и неоценимой может быть их бескорыстная помощь.

...16 января 1942 г. к начальнику Песковского районного отдела НКВД лейтенанту госбезопасности Рощину обратился бухгалтер местного отделения госбанка Михаил Иванович Кононов. Он сообщил, что несколько часов назад банк посетил новый начальник финансовой части фронтовых курсов по переподготовке командного состава интендант 1 ранга (полковник интендантской службы) Крутлов, в котором он, Кононов, узнал своего земляка — бывшего белого офицера Андрея Блажко. Рошин тотчас связался с начальником нашей оперативной группы в Песках старшим лейтенантом госбезопасности Вдовиченко, и тот встретился с Михаилом Ивановичем. Кононов рассказал, что он и Андрей Блажко родились в одном селе на Сумщине. В 1915 г. окончили гимназию в Сумах и после призыва в армию были направлены в Тифлисскую школу прапорщиков. На германском фронте молодые офицеры служили в одном полку.

В 1917 г. пути их разошлись. Блажко, сын богатого кулака, был явным сторонником монархизма и сразу перешел на сторону контрреволюции. Воевал в армиях Деникина и Врангеля, дослужился до штабс-капитана и в 1920 г. вместе с остатками врангелевских войск бежал из Крыма за границу. Спустя много лет Кононов случайно встретился на сумском базаре с отцом Андрея, и тот под большим секретом сказал ему, что сын его живет в Германии и учится в какой-то академии.

И теперь получалось, что после двадцатитрехлетнего перерыва Андрей Блажко появился вновь, но уже как интендант 1 ранга Круглов. Получив месячное содержание на весь личный состав курсов, он в сопровождении казначея и охраны уехал в свою часть. Кононов не подавал виду, что узнал Блажко. А Круглов и мысли не допускал, что этот прихрамывающий, совершенно седой и худощавый человек, суесящийся за банковской стойкой, и есть его земляк, однокашник и однополчанин, храбрейший в прошлом офицер Михаил Кононов. Контрразведчиков такая ситуация вполне устраивала.

О заявлении Коконова Вдовиченко срочно сообщил в особый отдел фронта, где были приняты все меры по проверке биографических данных интенданта 1 ранга Круглова. Тем более что эта фамилия упоминалась в списке командиров, интересующих особый отдел в связи с записями, обнаруженными у Вальтера Вольфа.

В тот же день вскрылись некоторые весьма любопытные обстоятельства. В отделе кадров фронта под такой фамилией и с таким званием значился лишь один человек — Круглов Александр Петрович, 1896 г. рождения, русский, беспартийный, до сентября 1941 г. занимавший должность начальника одного из отделов штаба тыла армии, входившей в состав Юго-Западного фронта. Под Черниговом он попал в окружение и пропал без вести. Об этом отдел кадров армии уже сообщил его семье.

Песковский интендант был явно интересной фигурой. В помощь Вдовиченко особый отдел выделил двух оперработников. Одновременно в Воронеже была создана группа для всесторонней проверки начфина Круглова. Наши товарищи сделали десятки запросов и через несколько дней располагали более или менее нужными данными.

В своем объяснении о выходе из окружения Круглов писал, что 19 сентября он находился в расположении 297-й стрелковой дивизии, которая в результате танкового прорыва противника оказалась отрезанной от своих. Из окружения выходил с группой бойцов и командиров этой дивизии, но потом тяжело заболел и в течение трех недель вынужден был скрываться на хуторе Мощный Черниговской области. Почувствовав себя лучше, решил пробираться к линии фронта и перешел ее в первых числах ноября в районе Касторного, на участке 40-й армии. Оттуда был направлен на сборный пункт в Пески, где после

проверки был назначен начальником финансовой части курсов командного состава.

В общем, версия Круглова могла быть вполне правдоподобной. Требовалось уточнить отдельные детали. А вскоре появилась и первая зацепка. Оказалось, что при распределении на сборном пункте он не просил направить его на старую должность в армию, что обычно делали все командиры, вышедшие из окружения, а с радостью принял назначение на курсы, объясняя это тем, что после мытарств во вражеском тылу неплохо хотя бы некоторое время побыть подальше от передовой.

При последующих встречах с нашими оперработниками Михаил Иванович Кононов подробно рассказал о прошлом Блажко и его родственных связях. К сожалению, все близкие белогвардейца жили в Сумской области, оккупированной немцами, и посылать туда наших людей мы посчитали нецелесообразным, это связано было с большим риском и, главное, с затяжкой времени.

Разыскиали мы и некоторых бывших сослуживцев интенданта, но с привлечением их к опознанию начфина решено было повременить. В штабе армии, где ранее он служил, сложилось мнение, что их товарищ погиб, и вызывать преждевременные подозрения, бросать тень на имя честного человека мы не имели права.

Для начала опознания решено было установить связь с семьей Круглова, находившейся в то время в одном из городов на Волге. С первым же самолетом туда вылетел лейтенант госбезопасности Волков. Без особого труда он разыскал Серафиму Федоровну и двух дочерей Александра Петровича Круглова. Близкие очень тяжело переживали весть о том, что их отец и муж пропал без вести. В то время такое известие воспринималось как похоронная. Волков представился сослуживцем Александра Петровича. Рассказывая о фронтовом житье-бытье, он, как бы для иллюстрации, показал несколько фотографий, и среди них снятого крупным планом начфина курсов. Но ни Серафима Федоровна, ни дочери не проявили к этой фотографии никакого интереса. Напившись чаю, Волков тепло поблагодарил гостеприимных хозяек и в тот же вечер вылетел в Воронеж.

Заслуживали внимания и показания квартирной хозяйки начфина, одинокой женщины лет сорока, которая работала фельдшером в местной больнице. Она рассказывала, что интендант с первых же дней знакомства проявлял себя с наилучшей стороны. Уравновешенный, не-

многословный, он всегда старался помочь по хозяйству и, что ценилось в то время особенно высоко, до крошки приносил в дом свой командирский паек. О себе коротко сообщил, что он из старых холостяков, до войны работал в Куйбышеве и занимал там большую должность, что война круто изменила его взгляды на семейную жизнь — только сейчас он понял, как важно иметь в жизни близкого и преданного человека. Так постепенно, шаг за шагом, раскрывая друг перед другом душу, они, вернее, она не заметила, как сошлись. Вначале квартирант рисовал картины их совместной жизни где-нибудь на Волге или Каме, но затем тон его разговоров несколько изменился. Интендант начал убеждать свою подругу в том, что «Германию мы не одолеем» и поэтому пока совершенно неясно, где и как придется им жить.

Собранные данные давали основания для ареста начальника, но сверху поступило указание не трогать его, а дело Круглова срочно переслать в Москву. Вскоре в штаб фронта пришло распоряжение: «Откомандировать интенданта 1 ранга А. П. Круглова в Управление кадров Наркомата обороны для получения нового назначения».

Интендант выехал в Москву, где и был арестован. Через некоторое время особый отдел фронта был поставлен в известность, что арестованный является крупным агентом абвера, который воспользовался документами честного советского патриота Александра Петровича Круглова, замученного в застенках гестапо. Внедрившись в штаб, шпион должен был выяснять оперативные и стратегические планы советского Главного Командования.

Но и тут карта абвера была бита. Надежность советской контрразведывательной службы, бдительность наших людей не дали возможности шпиону распустить свои щупальца. Очередной агент абвера, на которого вражеская разведка делала большую ставку, провалился.

ОТВЕТНЫЙ УДАР

К концу 1941 г. значительно улучшились позиции особого отдела Юго-Западного фронта в тылу противника. Особенно много для этого потрудились работники подразделения, которым руководил опытейший чекист, обязательный человек и чудесный товарищ капитан государственной безопасности Борис Всеволодович Дубровин. Поначалу даже не укладывалось в голове, как это в суматохе отступления можно было провести такую сложную

и кропотливую работу. Но эту задачу Дубровин и его сотрудники выполняли с непоколебимым упорством.

Как всегда, чекисты ощущали в своей работе направляющую силу и всестороннюю помощь партийных органов. По рекомендации обкомов и горкомов партии они подбирали надежных людей и оставляли их на территории, захваченной гитлеровцами, или же посылали их туда через линию фронта. Этот кропотливый и ответственный труд вскоре стал окупаться.

Сотни наших разведчиков, работавших за линией фронта, ежеминутно рискуя жизнью, добывали важнейшие сведения о деятельности гитлеровской разведки и контрразведки, планах немецкого военного командования, режиме, устанавливаемом оккупантами на захваченной ими территории, их карательных и административных органах и предателях, которые пошли в услужение к фашистам.

...Когда гитлеровские танковые соединения рвались к Белгороду и эвакуация государственных учреждений, предприятий и населения была в разгаре, учитель Степан Лукич Самойленко внешне никаких признаков беспокойства не проявлял. Единственной его уступкой грозному времени был погреб, который он выкопал в садике за домом, где вместе с женой переживал бомбежки и артиллерийские налеты.

У директора школы остался очень неприятный осадок после беседы с учителем немецкого языка. Немногословный Самойленко коротко сообщил ему, что, взвесив все «за» и «против», они с женой решили на восток не уезжать. Детям нужно учиться независимо от того, кто в данный момент будет находиться у власти, а они с супругой учителя и по профессии, и по призванию. Директор не удержался и резко заметил, что это похоже на капитуляцию. Самойленко пожал плечами и вышел из кабинета, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Мало кто из соседей и сослуживцев знал, что Самойленко был уроженцем Поволжья. Там он вырос, там изучил язык и в институте лишь отшлифовал свои знания до совершенства. Родители его до сих пор жили в небольшом приволжском селе, куда, кстати, он еще в самом начале войны отправил своего шестилетнего сына.

Из возмутительного поведения учителя немецкого языка директор школы тайны не сделал, и теперь супру-

ги Самойленко нередко ловили на себе презрительные взгляды знакомых, а бескомпромиссные мальчишки начертили на дверях учительского дома разлапистую фашистскую свастику.

Пришли гитлеровцы, и город на некоторое время будто бы вымер. Один Самойленко не изменил своим привычкам. Утром, как обычно, он уложил тетради в потертый кожаный портфель и неторопливой походной направился в школу. Казалось, он не обращал никакого внимания ни на танки, ни на гитлеровских солдат, заполнивших улицы города, ни на фашистский флаг, вздернутый над входом в бывший горсовет. Для него ничего не изменилось.

В школу, правда, в то утро ему попасть не удалось — ее заняла под казарму проходящая эсэсовская часть. Выброшенные из классов парты валялись во дворе, а в окнах гоготали довольные солдаты, показывая пальцами на одинокую фигуру учителя, в растерянности стоявшего перед двумя верзилами часовыми. Постояв так некоторое время, он под улюлюканье эсэсовцев отправился домой.

Когда Самойленко вызвали в немецкую комендатуру и предложили сотрудничать с оккупационными войсками, он почти слово в слово повторил гестаповскому офицеру то, что говорил несколько дней назад директору школы. Но штурмфюрер оказался человеком настойчивым.

— Если вы думаете, господин Самойленко, что ваш ярко выраженный нейтралитет при Советской власти сыграет вам ту же службу и сейчас, то вы глубоко ошибаетесь. Фатерлянду нужны активные и убежденные борцы, а не слизняки, осторожно выжидающие, чья возьмет.

— Я очень хотел бы быть полезным, но мое здоровье...

— Мы дадим вам возможность делом доказать свою лояльность Германии. Мы назначим вас директором школы, где будете учить детей по нашим программам. И время от времени вы, возможно, будете выполнять обязанности переводчика у нас. Мне нравится ваше произношение и... ваша биография. Видимо, ваши заволжские друзья были действительно из очень хороших немецких семей.

Примерно сутки спустя, ночью, радисты абвергруппы при штабе 39-го армейского корпуса перехватили загадочную радиogramму: «Дон», «Дон», я — «Хорол», «Хо-

рол». Ухожу на запад по первому варианту. Дорога безопасная. Жду указаний».

А когда эта радиограмма оказалась на столе Б. В. Дубровина, он не смог скрыть радости. Самойленко начал вживаться в «новый порядок». Подлинная биография учителя оказалась надежнее любой легенды. Так на строго секретной карте, к которой в особом отделе имели доступ лишь немногие начальники, появился новый кружок... Самойленко включался в активную борьбу.

...Приказ гитлеровцев, новое назначение и даже ночные вызовы в гестапо в качестве переводчика почти ничего не изменили в домашнем укладе супругов Самойленко. Жили они тихо и замкнуто. Надежда Григорьевна ввиду теперешнего «высокого положения» мужа бросила работу, и круг их знакомств сузился до предела. Лишь изредка супруги обменивались визитами с соседкой, одинокой пожилой женщиной, в прошлом тоже учительницей, которая по безмерной доброте своей пыталась хоть как-то оправдать некрасивое поведение Степана Лукича. Но и ей это семейство стало в тягость, когда супруги Самойленко буквально зачастили к ней на вечерние чаепития. Началось это после того, как у Клавдии Ивановны, так звали соседку, поселился артиллерийский офицер из штаба корпуса Конрад Гюнтер. Самойленко понимал, что поступает рискованно, что его навязчивость может показаться гитлеровцу подозрительной, но шел на это сознательно.

Конрад Гюнтер явно заслуживал самого пристального внимания. Еще при первом знакомстве он выразил большое удовлетворение от того, что вновь оказался в педагогическом окружении. О себе сказал, что он тоже учитель, преподаватель математики. На службу в вермахт призван уже после того, как «Гитлер начал войну с Советским Союзом». Конрад на слове «Гитлер» сделал ударение, видимо давая понять, что для него лично Гитлер и Германия далеко не одно и то же. Не мог Самойленко не обратить внимания и на другую важную деталь. Все без исключения немцы, с которыми ему до сих пор приходилось сталкиваться, о главе третьего рейха отзывались куда более почтительно. Если не «великий фюрер Германии Адольф Гитлер», то уж, по крайней мере, «наш фюрер». А тут без всяких церемоний — Гитлер. Само по себе это уже было крамолой.

Отметив все это про себя, Степан Лукич не мог не поддержать предложения Конрада позабыть о грани,

проведенной между ними войной, и поддерживать дружеские отношения, как это надлежит коллегам.

О своем новом знакомстве Самойленко сообщил «Дону», и ответ оттуда не задержался. Действия Степана Лукича одобряли, но предупреждали не забывать, что Гюнтер учителем был в прошлом, а теперь он офицер фашистской армии и от него в любой момент можно ожидать какой угодно подлости.

Неожиданно на помощь нашему разведчику пришла добрейшая Клавдия Ивановна. Видимо, ее честную натуру до такой степени возмутило «сюсюканье» ее соседей с этим фашистом, что она в мягких выражениях, но довольно недвусмысленно отказала им в своей дружбе и в своем доме. На неуживчивость старухи пожаловался и Конрад, с которым Степан Лукич встретился как-то в городе. Это был прекрасный повод предложить немецкому офицеру перебраться к ним. Гюнтер охотно согласился.

— Вы, русские, очень странные люди. Разве можно до такой степени не владеть своими чувствами? Ведь окажись на моем месте другой немец, такое поведение могло бы ей стоить жизни.

— Тут дело вовсе не в вас, господин Гюнтер. Клавдию Ивановну вывело из равновесия наше с женой поведение.

— Но ведь вы не стали нацистом. Вы учитель, и вы учите своих детей. Это с одной стороны.. А потом — должны же люди добывать себе средства к существованию. Жить, есть, пить, одеваться необходимо при любой общественной формации, при любом строе.

— О, это очень сложный вопрос...

— Так почему же вы не хотите объяснить мне этого? Неужели я, находясь в России и имея русских знакомых, должен изучать эту страну по статьям и речам господина Геббельса?

— Со временем вы все поймете сами, господин Гюнтер...

— И все-таки?

— Ну, если вы настаиваете — в самой упрощенной форме. И то при условии, что вашей хозяйке ничего не будет...

— Я не служу в гестапо, господин Самойленко.

— Простите, если я вас обидел. Так вот. Всю свою сознательную жизнь Клавдия Ивановна проработала в начальных классах. Она преподавала азы, открывала перед детьми лишь первую страницу громадной книги по-

знания. Если говорить коротко, она учила ребят двум главным вещам: любви к родному языку и любви к своей Родине. И, насколько я знаю, это у нее получалось.

— Это вполне естественно. Каждый учитель...

— Простите меня, господин Гюнтер, я не закончил свою мысль. И вот теперь Клавдия Ивановна считает противоестественным, что наши — ее и мои — бывшие ученики на фронтах проливают кровь во имя тех идеалов, в которых мы их воспитывали, а мы... Надо хотя бы по-человечески понять старушку. Она честный и бесхитростный человек.

— Но ведь нельзя на каждого немца смотреть как на захватчика.

— Полно вам, господин Гюнтер. В ее дом вы явились без приглашения. Мы же с женой сами предлагаем вам перейти в нашу квартиру, потому что считаем вас уже хорошим знакомым и неплохим человеком, а то, чего доброго, вселят еще кого-либо из гестапо.

Гюнтер перебрался к ним в тот же вечер. Он расположился в бывшей детской. Супруги сразу обратили внимание, что среди вещей обер-лейтенанта не было ни одной трофейного происхождения. В то время, когда все «воинство» Гитлера — от фельдмаршалов до рядовых — занималось неприкрытым грабежом. Этот факт явно говорил в пользу Конрада. С чисто немецкой пунктуальностью объяснив, какие продукты из своего найка он будет отдавать в общий котел, а какие отсылать родителям в Германию, Гюнтер попросил считать его как бы равным членом семьи и при необходимости возлагать на него те или иные обязанности по дому.

Чем ближе узнавал Степан Лукич Гюнтера, тем больше убеждался, что не ошибся в нем. В доверительных рассказах немца о своем детстве, о родителях — сельских учителях, о любимой девушке, погибшей в катастрофе еще в 1936 г., о желании жить где-нибудь в глухой провинции, учить детей и коротать вечера над альбомами с марками — единственной его страстью — перед Самойленко раскрывалась человеческая душа, сильно травмированная, но, в общем-то, неиспорченная. Конрад лично, видимо, не убил в жизни даже воробья, но, благодаря сильно развитому воображению, за топографическими картами, которые он вел у себя в штабе, виделись ему сожженные города и села, вдовы, сироты и реки крови. Это причиняло ему душевные страдания, и во время вечерних бесед, за чашкой чая, он изливал свое недоволь-

ство устанавливаемыми гитлеровцами порядками, ожидая, вероятно, от Самойленко поддержки в этом. Но супруги не спешили.

Обладающая не меньшим воображением и лично пережившая ужасы артиллерийских канонад, Надежда Григорьевна про себя и в разговорах с мужем называла Гюнтера «совестливым убийцей». Степан Лукич, кроме того что извлекал из этих разговоров для себя много полезного, терпеливо ожидал, когда Конрад, что называется, созреет и им можно будет заняться вплотную.

Однажды Гюнтер пришел со службы с каким-то особенным настроением. Это хозяева почувствовали сразу — его до краев переполняла какая-то тайна. По взглядам, которые они время от времени перехватывали на себе, было ясно, что тайна его имеет самое непосредственное отношение к ним. Понимали, что Конрад ждет расспросов, но Степан Лукич решил проявить выдержку.

Гюнтер заговорил сам, когда ужин подходил к концу. Начал он издавека:

— Я уже говорил вам, господин Самойленко, что буду иметь счастье пользоваться вашим гостеприимством, по крайней мере, до весны следующего года.

Для Степана Лукича это не было новостью. О том, что штаб корпуса раньше апреля не покинет Белгород, он уже информировал «Дон». Поэтому на такое многозначительное вступление ответил уклончиво:

— Я считаю излишним повторять, что мы с женой всегда рады вам.

— О, я вам очень признателен. Но в данном случае речь идет о другом. Вы знаете, где собирался фельдмаршал Вок праздновать рождество?

— Надеюсь, в кругу семьи. Традиция, так сказать...

— Ошибаетесь. Рождество фельдмаршал решил праздновать в Московском Кремле и поклялся в этом фюреру. Но теперь неизвестно, удастся ли ему удержаться, хотя бы в Смоленске.

— Неприятные известия с фронта?

— Не надо притворяться. Неужели вас не поразит приятное известие, что вчера советские войска под Москвой перешли в контрнаступление? Если это не так, господин Самойленко, то я в вас глубоко ошибся и склонен буду разделить точку зрения вашей старушки э-э... Клавдии Ивановны.

Степан Лукич вовремя погасил радостный блеск глаз. Что он должен ответить сейчас немцу? Ведь впервые за

время их знакомства Гюнтер поставил вопрос ребром. А вдруг провокация?

— Я не совсем понимаю вас...

— Что, я недостаточно ясно выразил свою мысль?

— Да я не о том. Мне непонятно, чему радуетесь вы, немец? И почему пытаетесь принудить меня разделить эту вашу радость? Я, по-моему, не давал вам повода.

— Не нужно, Степан Лукич. Не нужно говорить. Это, не ваши, не от сердца, слова. Хотя это мне и больно, как человеку, я еще не стал для вас другом. Вы боитесь меня — офицера немецкой армии. Но я не сержусь. Так и должно быть — честные люди всегда сторонились подлецов. Клавдия Ивановна ошиблась в вас, но я не ошибаюсь. Ваше сердце сейчас не здесь. Оно там, с вашими учениками: под Москвой, под Ленинградом, в Севастополе. Если я ошибаюсь, то мне не нужно жить. Я вам верю. Прошу верить и мне.

Все это Конрад высказал на одном дыхании. А когда замолчал, воцарилась тишина. Степан Лукич осторожно отодвинул стакан и поднял голову. Гюнтер сидел сцепив руки, и только взгляд его выдавал сильное волнение и ожидание.

— Допустим, вы правы, Конрад. Я с вами неискренен. Даже больше того — не только втайне радуюсь победам Красной Армии, но и по мере своих возможностей помогаю ей. Со мной все ясно — я советский человек и это мой святой долг. Вы видите, Конрад, сейчас я с вами до предела откровенен. Но кто вы? Какую позицию вы занимаете? Как офицеру штаба, вам хорошо известно, что даже небольшая часть тех сведений, которые вы мне сообщали как бы между прочим, попади они к советскому командованию... Вы отдаете себе отчет?

— Мне даже известны некоторые последствия. На той неделе я рассказал вам, что в районе деревни Большой Торец командование корпуса оголило фронт, перебросив два пехотных полка в район Барвенкова, и тем самым фактически оставило нашу бригаду прорыва без прикрытия. Два дня назад советские войска предприняли на этом участке частное наступление и почти без потерь захватили пятнадцать тяжелых орудий.

— Однако вы переоцениваете мои возможности...

— Я привел только один пример...

— И чего же вы хотите от меня?

— Я хочу быть с теми, кто против фашизма.

— Значит, и против немцев?

— Наци оболванили и развратили немецкий народ. Для спасения тяжелобольного человека иногда нужно резать по живому.

— Значит, вы хотите работать на нашу победу?

— Я хочу ускорить крах фашизма. А это под силу только вашей стране. Я в этом убедился за эти последние месяцы.

...Конрад Гюнтер оказался на редкость толковым и надежным помощником. После того памятного разговора он замкнулся в себе. Душевные излияния отпали как-то сами собой. Чувствовалось, что с колебаниями покончено раз и навсегда, человек сделал выбор и идет по своему пути целеустремленно, напористо, но с разумной осторожностью. Эта черта особенно радовала Степана Лукича. Поначалу он опасался импульсивного характера Гюнтера — выкинет что-нибудь под горячую руку, а потом провал. Но Конрад, почувствовав, что жизнь его уже не принадлежит только ему, что она стала осмысленной и, главное, нужной для большого дела, действовал осмотрительно.

Ни о чем не расспрашивая Самойленко, он, конечно, догадывался, что супруги действуют не в одиночку, что у Степана Лукича есть надежные каналы связи с Центром. И вот однажды он пришел домой очень встревоженный.

В штабе корпуса уже велись втихомолку разговоры об утечке секретной информации, знали штабисты и о том, что в городе или вблизи его иногда работает советская радиостанция, выходящая в эфир с позывными «Хорол», но засечь ее координаты до сих пор не удавалось. И теперь в Белгород прибыли три машины-целенгатора. Конрад поспешил поставить об этом в известность Степана Лукича. Радиосвязь пришлось прекратить. В таком случае через две недели сверху должен был прийти связник.

Гестаповцы и абверовцы упорно продолжали поиск советского разведчика. Как выяснилось позже, они подобрали ключ к коду, которым пользовался Самойленко, и, расшифровав ряд его сообщений, стали искать источник утечки секретной информации прежде всего в штабе корпуса.

Над Гюнтером начали сгущаться тучи. В зданиях штаба все чаще стали появляться работники гестапо, абвергруппы и корпусного «Отдела-1-Ц». И результаты этих визитов не замедлили сказаться — из штаба исчезло несколько сотрудников, которые слишком уж рьяно от-

давали дань красоте «руссиш фрейлейн». Забрало гестапо и некоторых девиц из офицерского казино.

Не зная причин этого, офицеры штаба нервничали. Настороженность и подозрительность повисли в их рабочих кабинетах. И эту атмосферу решил разрядить начальник штаба корпуса полковник Клазус. Ему, старому служаке, ветерану первой мировой войны, офицеру генерального штаба, была глубоко противна возня, затеянная «этими гиммлеровскими молодчиками». После одного из оперативных совещаний он, вместо того чтобы отпустить офицеров, произнес короткую, но выразительную речь. Вызывающе поблескивая моноклем, он сказал: «Господа, наши друзья из службы безопасности утверждают, что в моем штабе служит советский шпион. Я лично считаю это досужим вымыслом. Если же я ошибаюсь, то хочу дать офицерский совет человеку, запятнавшему честь мундира и изменившему присяге: пусть он сегодня пустит себе пулю в лоб и кровью смоем пятно подозрения со своих коллег».

Когда об этой речи стало известно штурмбанфюреру Вильке, он был вне себя от ярости. Судя по расшифрованным радиограммам, исходившим от «Хорола», сведения советскому разведчику передавал хорошо информированный человек. Чего стоила, например, потеря трех дивизионов корпусной артиллерии! А ведь участок фронта оголялся всего на три дня, пока подходила сюда свежая пехотная дивизия из Франции. Об этом в штабе корпуса знал сугубо ограниченный круг лиц, и Вильке решил тщательнейшим образом их проверить. А теперь эта старая свинья Клазус разгласил цель его забот по штабу и значительно затруднил проведение намеченных мероприятий.

Вместе с тем продолжалась охота за таинственной радиостанцией. Гестапо хватало всех тех из местных, кто казался ему причастным к работе этой станции. Допросы велись в три смены. В связи с этим Степан Луквич почти не бывал дома. Вызывали его и днем, и вечером, и по ночам, нередко увозили на допрос прямо с уроков. Эти часы, проведенные в пропитанных кровью застенках, были самыми тяжелыми в его жизни. Одно дело — свой собственный риск, своя жизнь, которую ты без колебания, без остатка отдал государственному делу; но изо дня в день видеть муки ни в чем не повинных людей — это было выше его сил. Самойленко заставлял себя, приказывал себе терпеть. Если бы знали гестаповцы, какие бури бушу-

ют в груди этого неказистого с виду и всегда «безотказного» человека!

Чужая боль, чужие страдания переплетались с его безысходной душевной мукой и свинцовыми пластами залегали на сердце. Почти машинально переводя вопросы и ответы, Степан Лукич заставлял свою память фиксировать намертво все увиденное. Он составлял свой счет палачам и убийцам. И по этому счету они обязаны будут уплатить сполна.

Тем временем обстановка в штабе несколько нормализовалась. Все отделы были заняты подготовкой к весенней кампании. Конрад был знаком только с деталями общей картины готовящегося наступления немецкой армии на юго-западном направлении. Постепенно из разрозненных деталей, из отдельных штрихов можно было в общих чертах воссоздать стратегический замысел гитлеровского верховного главнокомандования. Получив жесточайший урок под Москвой и поняв, что даже падение столицы не будет равнозначно победе в войне, Гитлер определил теперь направление главных ударов на Дон и Кавказ в расчете на захват богатейших сырьевых ресурсов. Сюда теперь и поворачивались основные силы его военной машины.

...В конце января 1942 г. Гюнтер сообщил Степану Лукичу, что в войсках получен новый приказ Гитлера. В нем, в частности, содержится обещание до начала весеннего наступления обеспечить армии прорыва новым сверхмощным реактивным оружием, не уступающим по губительности огня русским «катюшам».

— Однако советую вам не спешить с отправкой этого сообщения, — предупредил Конрад. — Двенадцатого февраля мне исполняется тридцать пять лет, и я жду в гости своего университетского товарища. Он командует артиллерийским дивизионом, но его сведения о новом оружии значительно шире тех, что ему положено знать по службе. Отец этого командира держит контрольный пакет акций барменских оружейных заводов. Георг очень хороший человек и прекрасный собеседник. Так что потерпите, пожалуйста, недельку.

Степан Лукич попросил Конрада рассказать более подробно о его приятеле.

Георг Торн родился в городе Бармене (с 1929 г. — Вупперталь). Его отец — капиталист. Подавляемый despотичными родителями, Георг рос замкнутым и очень чувствительным мальчиком. В университете он учился

неважно, к занятиям спортом не имел ни желания, ни физических данных и поэтому был постоянной мишенью для насмешек наследников славы воинственных буршей. Конрад, который при случае мог постоять за себя, как-то вступился за Георга, и с тех пор тот привязался к нему. А с годами юношеская привязанность переросла в настоящую мужскую дружбу, и для впечатлительного Георга их редкие встречи были настоящим праздником.

Несмотря на мягкость характера и неумение кем-либо руководить, Торн, благодаря протекции отца оказавшись в 1939 г. в армии, сделал здесь карьеру — через три года он стал уже майором. Но, видимо, война взяла свое, и при последней встрече с Конрадом в штабе корпуса Георг заявил ему, что еще месяц в этом аду, в окружении тупых и безмозглых убийц, и он сойдет с ума.

Дав Торну наилучшие характеристики, Конрад тем не менее богом заклинал Степана Лукича не привлекать майора к их работе.

— Георг — натура увлекающаяся, — пояснил он. — Вспыхнет на какое-то время, а в этом пламени можем сгореть и мы с вами. Но в отношении его обязательно нужно придумать что-нибудь другое — ведь нельзя же оставлять человека гибнуть на распутье...

Самостоятельно решать такой серьезный вопрос Самойленко был не вправе. Пообещав Конраду подумать, он вновь был вынужден обратиться к помощи партизан, и за линию фронта, к своим, снова был послан тот же связной, который примерно месяц назад выполнял аналогичное задание Самойленко.

Шли дни, приближалось уже 12 февраля, а от Дубровина не было ни звука. Видимо, в особом отделе по своим каналам наводили справки об артиллерийском майоре. На терпеливые вопросы Гюнтера Степан Лукич отвечал уклончиво, говорил, что, не видя человека, не узнав, чем тот дышит, он не может принять какое-то решение. И лишь в канун приезда Георга Торна Самойленко получил наконец ответ. В сумерках на улице его догнал парень и, шепнув пароль, незаметно сунул в карман туго скатанный сверток бумаги.

Задержка с ответом, который доставил младший лейтенант госбезопасности Федор Голубков, полностью компенсировалась обстоятельными рекомендациями и четко выработанной линией поведения по отношению к наследнику оружейных заводов. Дубровин сообщал, что данные, полученные от Конрада, полностью подтвердились. В сво-

ем полку Торн слывет либералом, и некоторые его высказывания — не будь у майора столь влиятельной родни, — без сомнения, стоили бы ему знакомства с гестапо. Степан Лукич, естественно, не знал, что советская контрразведка не только наводила справки о Торне-младшем, но и с помощью войсковой дивизионной разведки снаряжала разведгруппу за линию фронта, которая в течение двух суток караулила «языка» в расположении полка Георга Торна. В результате был захвачен фельдфебель, который на допросах в особом отделе дивизии дал подробную характеристику командиру 2-го дивизиона.

Суммируя все собранные сведения, Дубровин разделял опасения Гюнтера и приемлемой формой воздействия на Торна считал попытку склонить его к переходу линии фронта и добровольной сдаче в плен командованию Красной Армии. Но спешить с этим тоже не следует, потому что, по имеющимся у Дубровина данным, Георг собирается в отпуск в Германию, а его знакомство там с новым оружием и степенью его готовности представляло бы для нашего командования большой интерес.

Все это несколько упрощало задачу, стоящую перед нашим разведчиком. В глубине души он и сам понимал, что спешка в таком деликатном деле — не лучший метод. Степан Лукич в общих чертах изложил этот план Конраду, и тот сразу же согласился, что другого выхода для Торна не придумаешь. Четко распределив роли в беседах с Георгом, они с нетерпением стали ждать его приезда. Других гостей, учитывая щекотливость ситуации, на именины Конрада решено было не приглашать.

Торн приехал уже затемно. Зима выдалась на редкость снежная, и его «опель-капитан» по дороге несколько раз застревал в заносах. После бурной встречи друзей, горячих поздравлений и вручения подарков Конрад представил своего друга хозяевам дома. Георг, как бы удивившись столь бурного проявления чувств при посторонних, смутился и ушел в себя. Радужные супруги разбавилось о невидимый панцирь, которым оградил себя майор. Но холодок отчуждения понемногу начал таять за праздничным столом, когда Надежда Григорьевна зажгла тридцать пять свечей на именинном пироге собственного приготовления. Видимо, почувствовал Георг и то, что Конрад в этом доме не гость, которого не звали, а человек близкий, свой в полном смысле этого слова.

Разговор за столом после выпитых двух-трех рюмок становился все оживленнее, и вполне закономерно, что

заговорили на главную тему — о войне, о положении на фронтах.

Торн рассказал о возмутительном, с его точки зрения, явлении, с которым он столкнулся буквально несколько дней назад. На участок фронта, где располагался их полк, в конце января прибыла команда молодчиков из полка «Бранденбург». Здесь абверовцы переоделись в общевойсковую форму офицеров вермахта и после первой же стычки с противником не вернулись с поля боя. Знакомый капитан из «Отдела-1-Ц» объяснил Торну, что они сдались в плен красноармейцам. Это добровольное пленение преследует далеко идущие цели. Попав в лагеря для немецких военнопленных, участники этой команды должны нещадно расправляться — в назидание другим — с германскими офицерами, которые по тем или иным соображениям нарушили присягу, сдались в плен и сейчас сотрудничают с советской лагерной администрацией.

— От этой проклятой войны, — уныло резюмировал Торн, — не спрячешься даже за колючей проволокой в далекой Сибири.

Высказывая свое мнение по этому вопросу, Самойленко осторожно заметил, что сейчас еще трудно судить, кому из немцев больше повезло: тем ли, кто остался в фатерлянде, фронтовикам или тем, кто уже отвоевался и дожидается окончания войны в плену.

Дальнейшего развития эта тема не получила. Заговорили о другом. Конрад сделал предположение, что с появлением на фронте нового реактивного оружия русским придется туго во время весеннего наступления немцев. Майор при этом болезненно поморщился:

— Новое оружие пока очередной блеф, «рождественский подарок» для доверчивых дураков. Своего рода утешение за провал блицкрига и за разгром под Москвой. Пообещать можно золотые горы. Кроме того, в этой войне исход будет решен не силой оружия, а силой духа. Кто кого? Залпов моих пушек не выдерживает никакая броня. Мы разрушали все укрепления русских, а их солдаты вставали из-под земли и с бутылками горючей смеси шли на танки или бросались со штыками врукопашную. И под Москвой, и здесь нас остановили прежде всего не русские «катюши», а русские солдаты. С этим, господа, нельзя не считаться.

— Но вермахт за считанные недели захватил громадные пространства...

— Послушайте, господин Самойленко, заводы моего

отца работают уже в основном на металлоломе. Из двух разбитых пушек отливают одну. Конрад на нашем курсе был лучшим математиком. Он без карандаша может подсчитать, на сколько у нас хватит пороху с такой арифметикой. Не так ли, Конрад?

— Свое право на подсчеты я уступаю господам Кейтелю и Иодлю. Фюрер учит нас не думать, а подчиняться. Поэтому наша с тобой задача, Георг, давать меньше сырья для заводов Торна-старшего. И вообще, господа, я считаю, что фрау Самойленко заслуживает лучшей участи. Поэтому я объявляю танцы.

Пока Конрад и Надежда Григорьевна возились с патефоном, майор неожиданно предложил Степану Лукичу немного проветриться. Вышли на крыльцо, закурили. Молчание первым нарушил Торн:

— Что вы имели в виду, говоря о преимуществе советского плена?

— Ну что вы, какие преимущества? Я человек сугубо штатский, кодекс офицерской чести не по мне, и я считаю, что самое скромное существование лучше самой геройской смерти. Люди рождаются для того, чтобы жить.

— Ну а если мы победоносно закончим войну? Что тогда? Меня будут судить и повесят, как предателя?

— Не думаю.

— Что «не думаете»? Вам неясна участь пленных или исход войны?

— В университете я изучал не только историю Германии...

— Бисмарк, кайзер... Конкретнее.

— История развития человеческого общества неопровержимо доказывает, что любая тирания заранее обречена. Националистская политика реакционна в своей сути, она не отвечает духу времени и в равной степени чужда и нам, русским, и вам, немцам.

— Что же вы предлагаете взамен?

— Я? Боже упаси! Мой удел — личные, ни к чему не обязывающие умозаключения. Судьбу Германии, ее будущее будут решать немцы.

— В том числе и теперешние военнопленные, вы хотите сказать?

— Ну, знаете ли, пленный пленному рознь. Одного обкладывают со всех сторон, как волка, чтобы пленить, а другие бросают оружие по убеждению. Возможно, эти немцы и скажут со временем свое слово.

— А вы не находите...

— Нет. Вы друг Конрада, а для меня это высокая характеристика.

— Конрад в курсе ваших... гм... умозаключений?

— В общих чертах.

— Почему же вы не убедили его последовать вашим советам? У вас для этого было достаточно времени.

— Уход Конрада к русским может стоить жизни его родителям.

— А моим нет?

— Это исключено. Ваш отец является одной из пружи, двигающих сложный механизм гитлеровского рейха. Пушки Торна-старшего для нынешней Германии нужнее какого-то там майора, который к тому же не умеет как следует стрелять из этих пушек.

— Вы завели этот разговор по собственной инициативе или предварительно советовались с Конрадом?

— Простите, Торн, но разговор начали вы.

— В таком случае я оставляю за собой право вернуться к этой теме.

Воспользовавшись своим пребыванием в штабе корпуса, Георг выхлопотал двухнедельный отпуск и на следующий день вылетел в Германию. Фатерлянд встретил майора неприветливо. Затемненные города Рейна, бесконечные проверки документов.

На аэродроме Георга ждала машина отца. Шофер был новый. Он хмуро сообщил, что фрау Торн вот уже вторую неделю лечится в Италии, а господин Торн по срочному вызову вылетел сегодня в Берлин.

К отчему дому добирались долго: многие улицы Вупперталя были перекрыты, полиция то и дело останавливала движение, пропуская санитарные фургоны и военные грузовики. Лица редких прохожих поражали Торна своей замкнутостью и какой-то отрешенностью. У многих на рукавах были черные траурные повязки. Значит, и здесь, в самом сердце Германии, война заявляла о себе во весь голос.

Прислуга в доме почти полностью сменилась, и единственным человеком, который искренне обрадовался приезду Георга, был старый садовник Курт, в дочь которого, румянощекую Марту, будучи еще обер-лейтенантом, Торн тайно влюбился. Сейчас, судя по фотографии, нежная и застенчивая Марта стала фрау довольно внушительных размеров. Служила она во вспомогательном батальоне

ПВО и, как без тени смущения доверительно сообщил Курт, ждала ребенка от неизвестного тылового сердцееда. Георг даже не понял — огорчило его это известие или нет. До поруганной ли прошлой любви было сейчас, когда с треском рушились устои, на которых покоился его замкнутый и бережно хранимый от постороннего взгляда внутренний мир.

Папаша Торн приехал лишь на четвертый день пребывания Георга дома. По его шумному вторжению в комнату сына и по бурному проявлению родительских чувств можно было судить, что дела на его заводах идут блестяще. Отец настоял, чтобы сын облачился в парадный мундир, и еще до завтрака повез его на завод. Главный сборочный корпус они осмотрели бегом. Здесь гнали серийную продукцию — 122-миллиметровые гаубицы. Но зато у вновь выстроенного корпуса Торн-старший сделал многозначительный жест и, словно не замечая часовых, сам широко распахнул окованную стальными полосами дверь. Экспериментальное производство было, видимо, святая святых родительского предприятия.

Подробно ознакомившись с характеристиками нового оружия, процессом сборки и надежностью механизмов наводки, Георг пришел к выводу, что армейские артиллеристы встретят его без особого восторга. Реклама, как всегда, не только опережала события, но явно преувеличивала возможный эффект от применения этих минометов.

Словно угадав мысли сына, Торн вздохнул и начал перечислять преимущества «этих штучек», их колоссальную поражающую силу.

— После «знакомства» с ними, — с подъемом закончил он, — русским останется только одно: сделать «хенде хох!».

— И ты считаешь, что затраты окупят себя?

— Увы, сынок, сплошные убытки. Я на грани разорения. Но на какие жертвы не пойдешь во имя могущества рейха...

— Тогда к чему столько жертв?

— Во имя нашего будущего, Георг. Через год, когда мы освоим серийный выпуск, ты станешь одним из самых богатых наследников в Германии. Увидев их в действии, господин рейхсминистр радовался как дитя. Он пообещал, что после нашей окончательной победы он прикажет отлить мой миномет из чистого золота и выставить на Фридрихсфлатц в Берлине.

— Испытания проводились на фронте?

— Нет, мы пока не готовы к этому. Работаем на полигонах, но результаты потрясающие! Недалеко от Аушвица мы выбрали подходящий кусок земли, отобрали из пленных три тысячи и приказали им окопаться по всем правилам. Красные зарылись в землю, как кроты. И тогда мы одним залпом накрыли всю площадь. Представляешь, сынок, из всей этой банды уцелело не больше сотни, и то все они были контужены. Очень жаль, что ты не видел этой картины. Был полк — и нет полка. Представляешь?

Георг представил. В его сознании не укладывалось, что это существо, выворачивающее наизнанку свою звериную суть и бахвалящееся своим изуверством, является его отцом. Почему он не в смиренной рубашке?!

Дальнейшее пребывание в родительском доме стало невыносимым. Сославшись на неотложные дела в полку — скоро в наступление, — Георг в тот же день уложил свой чемодан. Отец не стал задерживать его и на прощание посоветовал быть хорошим солдатом:

— Через полгода я выхлопочу для тебя, сынок, новые погоны и место в генеральном штабе, а ты сам должен постараться и вернуться домой с Рыцарским крестом. Молодой герой-фронтвик — лучшей рекламы для нашей фирмы не придумаешь. Я надеюсь на тебя, Георг...

Через два дня Торн уже был в Белгороде. Остаток отпуска он решил провести в обществе Конрада, и Степан Лукич любезно предложил ему свое гостеприимство.

И Самойленко, и Гюнтера поразила глубокая перемена, происшедшая в майоре. Сухой, лихорадочный блеск глаз выдавал его душевную муку. Замкнутый по натуре, он еще больше ушел в себя и на все вопросы о жизни в Германии отвечал односложно, нехотя. Все поведение Торна говорило, что он еще не пристал к определенному берегу и сейчас только находится на пути к правильному решению. Поэтому Степан Лукич рассудил, что торопить события не надо. Конрад, переживая душевные терзания друга, тоже понимал, что навязывать ему сейчас свою точку зрения бессмысленно. Семя брошено, и следует терпеливо дожидаться его всходов.

Георга прорвало незадолго до отъезда на фронт. После ужина он вышел на улицу, но вскоре возвратился и постучал в дверь к Конраду:

— Я тебе не помешаю?

— Нисколько,

— Неужели на прощание ты ничего не хочешь сказать мне?

— Очень многое, Георг.

— Так в чем же дело? Мы ведь всегда были открытыми друг с другом.

— Степан Лукич подробно рассказал мне о вашем разговоре в первый день встречи с ним. Вряд ли ты услышишь что-нибудь новое от меня.

— Ты тоже советуешь мне стать предателем? Но ведь ты же немец.

— И останусь им, чего бы это мне ни стоило.

— Как ты думаешь, если я приду к русским с данными нового оружия?

— Прости меня, но ты сейчас рассуждаешь, как торгош: ты им данные о новом немецком оружии, а они тебе известные привилегии. Твой папаша был бы в воссторе от тебя, Георг.

— Ты не имеешь права!..

— Имею, Георг. Я твой друг, а говорить правду, какой бы она ни была, — это право друзей.

— Что же мне делать?

— Еще раз все хорошенько взвесить...

Через день Георг Торн уехал в свой полк. Прощание было тяжелым. Пройдет еще много времени, прежде чем Георг полной мерой оценит дружескую поддержку, которую оказали ему два патриота — украинец Степан Самойленко и немец Конрад Гюнтер. Тогда же, в феврале 1942 г., он был слишком занят собой, крутым и необратимым поворотом в своей судьбе. Он шел навстречу неизведанному и в глубине души страшился его. Но выбор был сделан.

Майор Георг Торн перешел на нашу сторону 11 апреля 1942 г. в районе села Старый Салтов. В особом отделе 38-й армии, куда он был сразу же доставлен, Торн рассказал, что 10 апреля в штабе их части была получена ориентировка из штаба корпуса. В ней сообщалось, что при аресте покончили с собой штабной офицер Гюнтер и хозяева его квартиры. Они были его друзьями.

...За несколько дней до этого командование Юго-Западного фронта получило сообщение об участвовавших случаях арестов и казней подпольщиков в Белгороде. Были веские основания полагать, что в их среду проник провокатор. Двух мнений быть не могло — подпольную организацию надо было спасать, и такое задание Военный совет фронта дал особому отделу. Его руководство

послало в Белгород уже побывавшего там оперработника из подразделения Дубровина младшего лейтенанта госбезопасности Ф. П. Голубкова, которому поручалось с помощью группы Самойленко выявить провокатора или провокаторов и обезвредить их.

Перейдя линию фронта и затем сравнительно благополучно добравшись до Белгорода, Голубков встретился с Самойленко и сообщил ему о цели своего возврата в город. Потом они и Конрад всю ночь, сидя в погребке, анализировали создавшуюся обстановку. То, что арестам подверглись товарищи из действующего подпольного парткома, а запасной его состав пока не попал в поле зрения гестапо, давало основание предполагать — провокатор проник в организацию сравнительно недавно. Нужно было скрупулезно, шаг за шагом проверить все звенья организации и связи подпольщиков — новые и старые. На свободе оставалось всего семь членов организации. С одной стороны, это сокращало объем проверочных мероприятий, а с другой — нельзя было забывать того, что кто-то из семи мог быть предателем.

Голубков буквально по крупицам восстанавливал историю провала городской подпольной организации. Возникла большая необходимость в установлении конспиративных квартир гестапо, на которых могла приниматься его агентура. И при обсуждении данного вопроса ценное предложение подал Конрад. Оказывается, в административно-хозяйственном отделе штаба корпуса весь жилой фонд города был взят на учет, и Конрад точно знает, что в этом отделе есть данные о квартирах, которые гестапо и разведчики «зачислили» за собой. Добыть такие сведения поручили обер-лейтенанту, и через два дня в распоряжении наших разведчиков были интересные их адреса.

Началась смертельная «охота за охотниками». Ее Голубков и Самойленко вели с помощью юных патриотов, выделенных для этого запасным составом подпольного парткома.

На след предателя удалось напасть лишь на восьмой день после прибытия Голубкова в Белгород. Это была его встреча с шестым из семи находившихся на свободе подпольщиков. Представительный мужчина, в прошлом директор одной из местных кустарных артелей, поначалу произвел на Голубкова хорошее впечатление. Говорил он с расстановкой, толково, обдумывая каждое слово, и главное — по делу. По его мнению, руководство

парткома, ослепленное первыми успехами, утратило чувство реальности, забыло о строжайшей конспирации. Поэтому, создавая теперь новую организацию, необходимо более скрупулезно подходить к отбору, проверке и поведению товарищей. Ведь малейшая оплошность может стоить жизни десяткам патриотов. Одним неосторожным шагом можно погубить все дело. На вопрос Голубкова, как ему лично удалось избежать ареста, он от конкретного ответа уклонился. Голубкову показалось даже, что глаза его собеседника подернулись слезой.

— Я здесь осуждал наших товарищей за беспечность, и у вас могло сложиться неправильное о них мнение. Это были настоящие коммунисты, убежденные борцы и преданные друзья. В организации меня знали лишь три человека, все — члены парткома. Их стойкости, их мужеству на допросах я, видимо, и обязан тем, что сейчас вот нахожусь здесь, рядом с вами...

Для первого знакомства Голубкова с директором этого было достаточно, и они, побеседовав на улице, разошлись в разные стороны, договорившись встретиться на этом же месте в ближайшее воскресенье в одиннадцать часов.

В этот день Голубкова подстраховывал сам Степан Лукич. Вначале он проводил бывшего директора до центра города, а потом еще с добрый час петлял следом за ним по малолюдным улочкам. Когда сгустились сумерки, директор ускорил шаг и вскоре открыл своим ключом калитку дома номер семнадцать по Старо-Кузнецкой улице. А еще через двадцать минут недалеке от этого дома остановился черный «опель» и вышедший из него гитлеровский офицер направился в тот же дом, куда вошел директор. Приближался комендантский час, и Самойленко поспешил домой.

В погребе его уже дожидался Голубков. Выслушав рассказ о маневрах директора, его хозяйском поведении на гестаповской квартире и о штабной машине, он тихо сказал: «Вот тебе и конспиратор».

Новая ситуация требовала немедленных действий. Решено было сегодня же захватить предателя, доставить его в надежное место и, тщательно допросив, судить именем советского народа, именем погубленных им товарищей...

Выйдя за ворота дома Самойленко, Голубков словно растворился в темноте. Жизнь, отведенная провокатору, укладывалась в несколько ночных часов.

Но смертельная опасность подстерегала уже и Степана Лукича. Он не знал, что на Старо-Кузнецкой улице его заметил другой гестаповский холуй. И когда в первом часу ночи дежурный по гестапо разбудил штурмбанфюрера Вильке и доложил ему о дерзком похищении их сотрудника, шеф гестапо поднял на ноги всю свою службу. Тут ему и было доложено о Самойленко, находившемся вечером вблизи квартиры, из которой уведен «директор».

Две крытые машины подкатили к дому учителя, когда на востоке еще не начала пробиваться заря нового дня. Гестаповцы окружили двор, заняли посты у окон и крыльца домика. Офицер, руководивший операцией, подошел к двери и настойчиво, но мирно постучал в нее: «Откройте, из штаба срочный приказ». Дверь по указанию Лукича открыла Надежда Григорьевна, но, увидев гестаповца, она сразу же захлопнула ее и закрылась. Схватка была короткой, но ожесточенной. Автомат Конрада Гюнтера бил скупыми очередями, расчетливо и метко стрелял Степан Лукич. А когда фашисты, подорвав гранатой дверь, ворвались в комнаты, над вздыбившейся крышей дома качнулось оранжевое пламя — сработала бережно хранимая для самого крайнего случая противотанковая мина.

О подвиге группы Самойленко в особый отдел фронта доложил младший лейтенант госбезопасности Федор Голубков.

* * *

Плохое настроение не покидало Густава Шульца с первого дня его приезда в Полтаву. Когда он получал новое назначение в канцелярии гаулейтера, должность гебитскомиссара в одной из богатейших областей Украины рисовалась ему в розовом свете. И вот результат — до настоящей власти и больших доходов теперь ему так же далеко, как и два месяца назад, когда он, используя старые партийные связи и свои скромные сбережения, добивался через приближенных Коха этого, как ему тогда казалось, выгодного места. Если говорить откровенно, за два месяца в Полтаве Шульц не сумел вернуть даже затраченных на это своих средств, а ближайшая перспектива не предвещала ничего хорошего.

Надо же было случиться такому, что на неопределенное время Полтава осталась прифронтовым городом. Здесь разместился со всеми своими службами штаб ко-

мандующего группой армий «Юг» генерал-фельдмаршала Рейхенау. Здесь свили себе гнездо несколько секретных служб, и в подтверждение слухов о создании в этом районе новой ставки фюрера город буквально наводнили высшие чины и гестаповцы. И всем дай, всех накорми, всех обеспечить.

А что же останется ему, Шульцу? Кто обеспечит его frau Марту и детей? До этого никому не было никакого дела, а сам он в такой ситуации был бессилен...

Но огульно обвиняя всех в черной неблагодарности, Шульц был прав лишь отчасти. Один человек из его окружения принимал очень близко к сердцу заботы гебитс-комиссара и только ждал случая, чтобы помочь своему шефу в его корыстных устремлениях.

Если кто-нибудь задался бы целью графически изобразить жизнь Харитона Карповича Плаксюка, то получилась бы сравнительно прямая длинная линия. За свои шестьдесят лет он пережил три войны, три революции, не обошли его стороной плен, голод и разруха, но ни особых взлетов, ни падений судьба для потомка запорожцев не приготовила. С раннего детства — сколько помнит себя — батрачил, был солдатом, потом снова батраком у херсонского немца-колониста, дослужился здесь до приказчика. Затем опять война, революция, каленные тропы гражданской и — снова работа, незаметная, тихая, «по способности», как любил выражаться Харитон Карпович. Не получив, в общепринятом смысле, никакого образования, дед Плаксюк был тем не менее человеком довольно грамотным, а немецкий язык, разговорный естественно, знал чуть ли не в совершенстве.

В середине 30-х годов по настоянию жены-полтавчанки они перебрались на ее родину, и здесь Харитон Карпович устроился на должность заготовителя областной потребкооперации и за несколько лет хорошо изучил область и даже в самых отдаленных ее селах был своим человеком.

Когда началась Великая Отечественная война, капитану государственной безопасности Дубровину удалось открыть в этом человеке неоценимое качество для разведки. За показной медлительностью, в меру сдобренной крестьянской хитрецей, Дубровин разгадал родниковой чистоты душу и горячее сердце патриота. Ведь

ни в анкетах, ни в разговорах с соседями дед Плаксюк никогда не упоминал о своих прошлых подвигах в буденновской разведке, а тем более о том, что именно от его кресала вспыхнул тревожной осенью ночью 1920-го фольварк пана Альберта, в котором размещался штаб дивизии войска Пилсудского. Но факт остается фактом. Дубровин включил Харитона Карповича в свой актив, и уже в середине декабря 1941 г. тот (под псевдонимом Платон) стал одним из лучших его зафронтовых сотрудников.

Составить прочную легенду для Плаксюка особого труда не составляло. Без колебаний остановились на настоящей биографии. Рассудили, что бывший немецкий приказчик, а теперь скромный, знающий и исполнительный заготовитель — к тому же беспартийный — у фашистов подозрений не вызовет, а работы по специальности ему с избытком хватит и у представителей «нового порядка». Так оно и произошло. Плаксюк был не только оставлен в прежней должности, но благодаря знанию языка стал кем-то вроде консультанта команды заготовителей при гебитскомиссариате¹.

Многолетний жизненный опыт подсказывал Харитону Карповичу, что в компании профессиональных грабителей честность не является добродетелью. Хватая все, что под руку попало, гитлеровские власти даже поощряли к разбою своих «добровольных» помощников. И как это ни было противно натуре Харитона Карповича, он вынужден был прикарманивать определенную часть продуктов и денег. Успокаивал себя тем, что его доля шла на большое и нужное дело — партизаны нередко испытывали острую нужду в продовольствии.

Очень скоро Плаксюк обнаружил, что натуральные доходы гебитскомиссара не намного выше, чем у среднего заготовителя. Если военный комендант города и крупные армейские чины слали в Германию награбленное буквально вагонами — посылки герра Шульца свободно уместались в обыкновенных почтовых ящиках. Видел Плаксюк и то, как болезненно это переживает новоявленный полтавский гебитскомиссар.

Поразмыслив, Харитон Карпович пришел к выводу, что на создавшейся ситуации можно сыграть. В одну

¹ Гебитскомиссариат — управление административно-хозяйственными делами в области на оккупированной гитлеровцами территории СССР.

из очередных своих поездок он встретился с командиром партизанского отряда, и тот целиком поддержал деда Харитона — упускать такую возможность ни в коем случае нельзя.

Несколько дней фуражиры отряда работали с полной нагрузкой и вместительную повозку загрузили так, что у нее даже просели оси. Весь неблизкий путь пара лохматых лошадей укоризненно помахивала головами, но в Полтаву прибыли вовремя. Приближались рождественские праздники, и Харитон Карпович решил не откладывать дела в долгий ящик. Минувя здание комиссариата, он подъехал прямо к особняку герра Шульца. После продолжительного объяснения с часовым его наконец допустили к отдыхающему шефу, что чуть было не стоило Харитону Карповичу хорошей затрещины. Но плохое настроение Шульца улетучилось, как только он ознакомился с содержимым повозки: несколько душистых свиных окороков, два внушительных бочонка с домашней колбасой, килограммов двадцать сала с ладонь толщиной, мед, масло, яблоки... Это было хорошей рождественской закуской. Часовой даже покинул свой пост и присвистнул от восхищения. Только тогда Шульц пришел в себя и, прикрикнув на солдата, обернулся к Плаксюку:

— Ты это все украл?

— Упаси бог, ваше превосходительство! Объяснил мужичкам честь по чести: так, мол, и так, рождество христово приближается, а добрый господин наш должен на казенном пайке сидеть... Поняли и уважили — со всей душой.

— Почему ты не сдал всего на склад? Хочешь под суд?

— Упаси боже, господин хороший. Оно ж ведь не заготовленное, а дареное... Вам лично... От благодарных, так сказать... Так что примите — не обидьте...

Шульц, конечно, и в мыслях не допускал не принять столь щедрого подношения, однако порядок есть порядок, и он приказал разгружать повозку с таким видом, будто бы сделал Харитону Карповичу бог весть какое одолжение.

Лиха беда начало. Постепенно Плаксюк стал не только приближенной, но и весьма доверенной особой. Он первый предложил реализовывать излишки продуктов, «образовавшиеся» на складе комиссариата, на черном рынке. И теперь посылки гебитскомиссара стали

еще меньше, не превышали почтовых стандартов, зато личный счет фрау Шульц в лейпцигском банке понемногу пополнялся.

В редкие часы, когда Харитон Карпович бывал среди своих, он горько жаловался на судьбу и говорил, что еще месяц-другой такого «блатмейстерства» и он или наложит на себя руки, или, на худой конец, придушит этого выжигу Шульца. Но командир партизанского отряда за такие разговоры хмурился на деда. А Дубровин советовал всеми средствами крепить «дружбу» с гитлеровским ставленником. Сведения, добываемые Харитоном Карповичем через Шульца, высоко оценивались в особом отделе фронта.

Окончательно убедившись в преданности старшего заготовителя и уверовав, что в финансовых операциях он довольствуется «справедливой» долей, Шульц уже без всякой оглядки доверял ему некоторые тайны комиссариата, а иногда даже держал старика в курсе событий, происходящих в армейских кругах. На то у гитлеровца были свои причины.

В середине января 1942 г. неожиданно скончался командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Рейхенау. Неприятное это известие гитлеровское командование решило держать в тайне от местного населения. Естественно, ничего пока не знал об этом и Харитон Карпович, когда с обозом «сэкономленных» продуктов направлялся к усадьбе Шульца. По дороге его остановил офицерский патруль. Повозки отогнали в комендатуру и здесь по приказу коменданта — полковника — все без исключения продукты разгрузили для поминок, которые офицеры полтавского гарнизона собирались сделать в день похорон фельдмаршала в Германии. Гебитскомиссар был вне себя — «торговый дом Шульца» понес убытки. Кстати говоря, это была к тому же напрасная жертва. Гроб с телом Рейхенау со всеми почестями погрузили в транспортный самолет и отправили в фатерлянд. Но при посадке во Львове на дозаправку горючим летчик, видимо, не рассчитал скорости, «юнкерс» врезался в ангар и взорвался. Так что похороны фельдмаршала на родине не состоялись. И от него в вермахте осталось лишь одно воспоминание да горький осадок в корыстолюбивой душе полтавского гебитскомиссара.

Дальновидный Шульц рассудил, что на доходы его могут влиять не только столь печальные для каждого

немца события. Беда могла прийти и с самой неожиданной стороны. Поэтому он завел «досье» на всех влиятельных лиц штаба, внимательно следил за их повышениями и перемещениями, старался предвидеть заранее всевозможные банкеты и празднества. Теперь Харитон Карпович проводил свои коммерческие мероприятия строго по календарю, составленному герром Шульцем.

О том, что опальный — после поражения под Москвой — фельдмаршал Бок вновь выплыл на поверхность, в особом отделе фронта узнали за несколько дней до того, как Бок занял место покойного Рейхенау. Своевременно узнали мы также и о том, что командующим 6-й полевой армией назначен генерал-лейтенант Паулюс.

Но особую ценность для нас представляли сведения, полученные из Полтавы, об одном из основных органов абвера при штабе группы армий «Юг» и организованной при нем школе по подготовке шпионов и диверсантов для работы в советском тылу. С выкормышами этого змеиного клуба армейским чекистам приходилось сталкиваться почти повседневно. Однако исчерпывающих сведений о школе, ее руководителях, преподавателях, вербовщиках, и главное, о времени заброски к нам подготовленной агентуры, мы в конце 1941 г. еще не имели. Поэтому одним из основных заданий Плаксюка было как раз раскрытие этих данных.

Для начала Харитон Карпович установил наблюдение за всеми строго засекреченными объектами гитлеровцев как в самой Полтаве, так и в ее окрестностях, благо что есть нужно всем, а гебитскомиссариат снабжал продовольствием всех — от штаба главнокомандующего и руководства полевого гестапо до инвалидной музыкальной команды. Вскоре внимание Плаксюка привлекла неприметная с виду воинская часть, расположившаяся в зданиях трикотажной фабрики. Харча «трикотажники» потребляли изрядно, но не было ни одного случая, чтобы его отвозил туда кто-либо из служащих комиссариата. В определенное время на склад приезжала крытая машина и фельдфебель-немец получал по накладным положенное.

Именно рацион обитателей фабрики и заставил задуматься Харитона Карповича. Наряду с высококачественными «начальственными» пайками фельдфебель получал и много подпорченного, лежалого — разве что чуть лучше арестантского пайка. Гитлеровцы такой дряни есть не станут, а на концлагерь вроде не похоже. Улучив удоб-

ный момент, во время передачи очередной «выручки» шефу Плаксюк в осторожной форме поделился с ним своими сомнениями. Рассказав о таинственном фельдфебеле, он даже взял на себя смелость покритиковать немецкое командование.

— Неправильно, по-моему, получается, герр Шульц. Солдату для наступления сила нужна, а на мерзлой картошке далеко не уедешь.

— Ты бы лучше своими делами занимался. А мы сами знаем, кого и как надо кормить.

— Ага, штрафники, значит...

— Вернее, смертники. Абвер...

— Я ж и говорю — штрафники. За что же их так, бедолажных? Немцы как-никак...

— Да не немцы, а ваши — русские и украинцы. Глупые люди. У тебя вот есть голова на плечах, ты сытно ешь, и пули от тебя далеко летают. А они пойдут на ту сторону, и там им капут, крышка. Теперь понял?

— Шпионы, значит? Вот-те страсти господние!..

— Ну вот. Только ты держи язык за зубами. С абвером шутки плохи. Этот выскочка Мильке без году неделя в подполковниках ходит, а паек получает получше генеральского. Грабят нас среди бела дня...

После этого разговора Харитон Карпович планировал свое время так, чтобы к приезду абверовского фельдфебеля всегда быть на месте. Разделить общее количество отпущенных продуктов на примерную норму дневного пайка было нетрудно, а в результате Плаксюк мог контролировать количественные колебания будущих шпионов и диверсантов, обучавшихся в школе. По этой простой арифметике определялись дни вероятной заброски агентов к нам, и органы контрразведки фронта теперь заранее могли подготовиться к встрече «гостей».

Во время своих частых поездок по селам Харитон Карпович давно заметил хорошо замаскированный полевой аэродром, километрах в пятнадцати от Хорольского тракта. Заночевав как-то в тех краях на глухом хуторе, он разговорился за ужином со стариком пасечником. Словоохотливый дедок после первой же стопки первача разгорячился и на чем свет начал клясть гитлеровцев:

— Вот ты вроде на службе новой состоишь, а я тебя все одно не боюсь и скажу, как оно есть. Поганая у тебя служба, Харитон, и хозяева у тебя паскудные.

— Дак не сам же... Приставили...

— Не сам, не сам... Они тебя приставили, а ты, стервец, своими-то руками народ обираешь. Гляди, Харитон, как бы тебя пуля шальная не нагнала. За такие дела — сам понимаешь...

— Ну, ты полегче. Больше бы таких обирал... Ты забыл, кто тебе осенью помогал улья хоронить?

— На спасибо надеешься? А ты не надейся. Я теперь злой до крайности.

— Что ж так?

— Покою антихристы твои лишили. Теперь что ни ночь: у-у-у-у... Прямо напасть какая-то.

— Волки, что ли?

— Сам ты — «волки». Моторами гудуть. Аэродром тут у них неподалеку. Так они почти каждую ночь обучение устраивают. Когда погудут — и убираются подальше, а когда — всю ночь прямо над головой. Учат своих с неба прыгать. Один бандюга мне прямо на камору свалился. Я обмер со страху, а он, подлец, по-нашему зубы скалит: мол, пожрать, дед, не найдется? Смолы ему горячей на том свете...

— И часто, говоришь, прыгают?

— Да, почитай, каждое воскресенье, а то и в субботу, заразы на них нет, проклятых.

Подозрения Харитона Карповича еще больше усилились после того, как на узком проселке его обогнала знакомая легковушка — на этом «опеле» ездил только хозяин «трикотажной» команды подполковник Мильке. Поэтому, выехав на тракт, Харитон Карпович повернул свою лошаденку в противоположную от Полтавы сторону и на следующий день был уже в Гадячском лесу. Знакомый связник привел Плаксюка в полуразвалившуюся сторожку лесного обходчика, и вскоре сюда же приехал командир местных партизан Григорий Беспалько.

Харитон Карпович рассказал обо всем увиденном и услышанном и подытожил, что неплохо было бы одним махом накрыть летающих птичек — самолеты попопалить, охрану уничтожить, а тех, залетных, в спокойной лесной обстановочке аккуратно допросить: куда собирались лететь и что делать?

— Тут выгода двойная, — убеждал он командира. — Во-первых, фашистам дулю с маком покажем, а во-вторых — все сведения из этих подлецов вытрусим сами, не нужно будет нашим чекистам за этой сволочью по ле-

сам да по оврагам на той стороне гоняться — у них и без того работы по горло.

Но Беспалько все же решил запросить по радио «Дон» и к утру получил «добро».

Операцию решено было провести в ближайшее воскресенье. Беспалько разделил отряд на три группы, и каждая получила свою боевую задачу. Несмотря на горячие мольбы Харитона Карповича оставить и его в отряде и дать хоть разок пальнуть по этим гадам, Беспалько выделил двух дюжих хлопцев в провожатые и те кратчайшим путем вывели Плаксюка на дорогу. Обидевшись на партизан, он даже не попрощался с ними и, без нужды нахлестывая лошадь, покати к своему гебитс-комиссару.

Когда Беспалько с отрядом вышел в район абверовского аэродрома, ему стало ясно, что весь план операции придется менять. Кругом, сколько глаз хватает, безлесная степь. В единственной, тянущейся на много километров еще невысокой посадке обосновались гитлеровцы — в редком кустарнике здесь партизанские разведчики насчитали четыре разборных ангара. Охраняли аэродром эсэсовцы — не меньше взвода, да еще и с собаками. О том, чтобы брать их в лоб, и речи не могло быть.

Прошел день, другой, а нужного решения все не было. И словно дразня партизан, ревели по ночам моторы, далеко вокруг разносился над заснеженными полями отрывистый лай овчарок.

Найти выход из положения помог трагический случай, свидетелем которого стал партизанский дозор.

За ночь выпало много снега, и по занесенному проселку с трудом передвигались розвальни с громадной копной соломы. Правил лошадью парнишка лет четырнадцати. Когда сзади раздались настойчивые сигналы гитлеровского вездехода — охрана, видимо, направилась в село за провизией, — парнишка растерялся и его тяжелые сани занесло поперек дороги. Он изо всех силенок дергал веревочные вожжи. Лошадь забилась в оглоблях, и сани завалились набок. Испуганный мальчик побежал в степь, падая и вспарывая на ходу снежную целину. Закаменевшие партизаны видели, как дрогнул ствол укрепленного на кабине вездехода пулемета... Ударил короткая очередь — мальчонка упал и больше не поднялся.

Нечеловеческим усилием воли удержали партизаны задубевшие свои пальцы на спусковых крючках.

Но открыть огонь — значит сорвать всю операцию, подвергнуть риску сотни человеческих жизней.

Слушая немногословный доклад своих разведчиков, Беспалько видел слезы в глазах этих давно разучившихся плакать людей. Он видел самодельные носилки и прикрытое кожушкой щуплое тельце мальчика. Командир понимал, что товарищи ждут его слова, и, проглотив подкативший к горлу ком, он хриплым голосом приказал раздобыть к вечеру трое саней и загрузить их сеном. А четверем своим разведчикам поставил особую задачу. С двумя ручными пулеметами они в маскахалатах ползком по снегу должны подобраться, держась против ветра, к самым ангарам и ждать сигнала.

...Две крытые машины из абверкоманды прибыли в субботу на аэродром еще засветло. Мороз пробирал до костей, и одетые не по сезону будущие диверсанты приплясывали на скрипучем снегу. Тут же на краю посадки им прилаживали парашюты, и горбатые фигуры сновали в сумерках между стволами деревьев, как привидения.

Потянулись томительные часы ожидания. Зарывшись с головой в снег разведчики уже не ощущали его игольных уколов. Одной мыслью, одной заботой их было — уберечь руки, не дать застыть смазке в затворах.

Вот уже возвратились назад самолеты, шоферы с грузовиков прогревают моторы. А минуты тянутся неумолимо долго. Кажется, и время застыло в ночном морозном мареве. Наконец все парашютисты в сборе. Вот они расселись по машинам. Команда — и грузовики тронулись в город. Где же сигнал?

А в это время километрах в трех от аэродрома Беспалько давал последние указания своим бойцам. В саниах под сеном спрятались пулеметчики, а несколько человек с автоматами и гранатами заняли места в придорожных сугробах, с ними залег в снегу и командир.

Грузовики нагнали обоз с «сеном» минут через десять. Отчаянно сигналив, передняя машина врезалась в сани. Из кабины, оттягивая на ходу затвор автомата, выскочил гитлеровец. Сани развернулись по целине веером, и морозный воздух разрезали огненные очереди нескольких пулеметов и автоматов. Многие предатели нашли себе смерть.

В ходе боя Беспалько чутким ухом уловил отдаленный стук пулеметов. Его разведчики вступили в пере-

стрелку с аэродромной охраной. Полетела в снег коппа сена, и сани с пятью партизанами, словно подхваченные ветром, помчались туда. Подмога подоспела вовремя. На эсэсовцев посыпались партизанские гранаты.

И на дороге, и здесь, на аэродроме, стрельба утихла почти одновременно. А к утру партизаны были уже далеко от этих мест. Показания пятерых уцелевших «курсантов» по радио были переданы в особый отдел фронта.

В среду, как всегда, прибыл на склад фельдфебель-абверовец. Отвешивая ему мерзлую картошку, Харитон Карпович в уме прикидывал «недостачу». Получалось совсем неплохо. Двадцать три порции сэкономили партизаны для герра Шульца, в том числе два офицерских пайка...

Однако все эти частные успехи не решали основной задачи, поставленной перед Плаксюком: абверкоманда и ее школа, вернее внутренняя кухня этих органов, были пока вне поля его зрения. Нужно было во что бы то ни стало проникнуть туда. Но первая попытка не принесла желаемого результата.

На связи с местным подпольем у Плаксюка работал пятнадцатилетний Володя Кравчук. Чем больше Харитон Карпович присматривался к нему, тем больше хлопец ему нравился — деловитая немногословность, острый глаз и цепкая память делали Володю незаменимым помощником заготовителя. О нем-то в первую очередь и подумал Харитон Карпович, когда подбирал в уме возможного кандидата для проникновения в школу абвера.

Для такого дела решено было пожертвовать одной из партизанских квартир, старыми батареями к рации и тремя-четырьмя килограммами тола.

Получив подробнейшие инструкции от Плаксюка, в одно зимнее утро Володя явился в гестапо и заявил дежурному, что выследил партизанскую явку. Он-де еще и раньше замечал, что в дом номер пять по Косогорному переулку заходят люди из леса, а сегодня утром по дороге на базар он заметил выходящего из ворот бывшего работника горкома партии Панченко, который нес какой-то сверток, судя по всему, очень тяжелый. Панченко тоже шел в сторону базара, но там исчез, как сквозь землю провалился.

Гестаповцы внимательно выслушали Кравчука, записали его показания и, несмотря на шумные протесты парня, отправили его в камеру.

Два дня о судьбе Володи ничего не было известно, но Плаксюк обратил внимание, что за домом в Косогорном переулке гитлеровцы установили наблюдение, которое, естественно, ничего им не дало: хозяева ушли к партизанам за день до того, как Володя явился в гестапо с «доносом». На третий день гестаповцы «штурмом» взяли пустой дом и под полом без труда обнаружили замаскированные тайники. К вечеру Володя был уже дома.

Разрабатывая эту комбинацию, старый буденновец, видимо, несколько перегнул палку. Гестаповцы щедро отблагодарили услугу своего добровольного помощника, однако передавать его в распоряжение абвера явно не спешили. Очевидно, гестаповский офицер, который за эти дни несколько раз беседовал с Кравчуком, точно подметил в пареньке те же качества, что и Харитон Карпович. Но как бы там ни было, Володе Кравчуку в категорической форме было предложено стать тайным осведомителем гестапо, и для начала выполнения этой роли ему поручили войти в доверие к Ефиму Ясько — парикмахеру немецкой гарнизонной бани.

Выполнять подобного рода задание было неоправданным риском. Ясько действительно был связан с партизанским подпольем, и малейший неосторожный разговор о нем в гестапо мог стоить ему жизни, да и поставить под удар других патриотов. В свою очередь, исчезновение парикмахера теперь вызвало бы у гестаповцев вполне обоснованные подозрения в отношении Володи Кравчука. И Харитону Карповичу ничего другого не оставалось, как настоять на уходе в отряд их обоих в ту же ночь.

Спустя неделю Плаксюк получил строжайший приказ: никаких активных действий в отношении трикотажной фабрики больше не предпринимать. Эти указания он понял так: сотрудники Дубровина проводят мероприятия по школе помимо него. И он был прав.

* * *

Лейтенант Рахов перешел линию фронта в двадцатых числах декабря 1941 г. и был направлен на фронтовой сборный пункт в село Пески. В течение нескольких дней он прошел здесь проверку и уже готовился к отъезду в часть, но тут заинтересовались им работники из подразделения Дубровина.

...Николай Рахов родился в 1917 г. в Николаеве в семье плотника судостроительного завода. В раннем возрасте он потерял родителей и воспитывался затем в детском доме. В 1940 г., сразу после окончания военного училища, женился на учительнице из Мариуполя и вместе с ней выехал к месту службы под Брест, в стрелковую дивизию, где получил назначение на должность командира взвода. Здесь и застала его война. Жена успела эвакуироваться в Мариуполь, а он 3 июля был тяжело ранен и оказался в Бобруйском лагере для военнопленных. Условия были исключительно тяжелые: допросы, пытки, расстрелы, мор голодом. Фашисты ставили военнопленных перед выбором: или умереть, или идти на службу к врагу. Но предателей можно было сосчитать по пальцам.

О страшных порядках в лагере знали местные жители и старались, чем могли, облегчить участь пленных. Администрация лагеря иногда шла навстречу просьбам стариков и женщин: из санитарного барака, где содержались умирающие от ран и истощения бойцы, в виде особой милости освобождали двух-трех человек в неделю. И это делалось при условии, чтобы родственники их находились на территории, захваченной гитлеровцами. У отпущенных брали подписки «не возвращаться на сторону Красной Армии» и «не приносить вреда «новому порядку».

Рахову повезло. В Бобруйске жила родная тетка его жены. В свое время она не сумела приехать на свадьбу, но перед самой войной гостила у молодоженов, уже в Бресте. Рахов сумел передать тетке о своем пребывании в лагере, и та добилась его освобождения. Гитлеровскому коменданту города она заявила, что жена Рахова — дочь бывшего крупного кулака, умершего в сибирской ссылке, и что их семья вполне достаточно пострадала от Советской власти. Эти данные при проверке подтвердились: Галиного отца действительно раскулачили и выслали на спецпоселение в 1929 г., где он вскоре утонул. Десятилетнюю девочку забрала к себе сестра матери, проживавшая в Мариуполе. Здесь Галя окончила школу и педагогическое училище.

За «обиды» покойного тестя Рахов был тут же освобожден из лагеря и даже получил аусвайс — пропуск, по которому он мог беспрепятственно передвигаться по оккупированной территории.

Рахов вначале было решил идти к жене, но по пути в одном из сел на Брянщине встретился с двумя советскими военнослужащими, бежавшими из Минского лагеря и пробиравшимися теперь к своим. Лейтенанту стало стыдно за то, что он, советский командир, решил пересидеть войну под крылышком жены. Дальше на восток пробирались уже втроем. В пути натерпелись всякого — были и облавы, и многодневный голод, и ночевки в снегу; несколько раз выручал лейтенанта гитлеровский аусвайс. Но все окончилось благополучно: в конце концов они вышли к своим.

...После обстоятельного разговора с лейтенантом госбезопасности Балакиным Николай всю ночь не сомкнул глаз. Еще полгода назад он и в мыслях не мог предположить, что за эти немногие месяцы придется выдержать ему столько крутых жизненных поворотов. Война, разлука с Галей, две недели непрекращающихся ни на час боев, кровь, смерть товарищей, ранение, плен, лагерь, барак смертников, скитания по лесам... В другое время такого с лихвой хватило бы на всю жизнь. Но шла война. И в эту ночь он, лейтенант Николай Рахов, должен принять решение, выходящее за рамки обычных человеческих представлений. Он должен вернуться туда, за линию фронта, стать для всех окружающих подлецом, предателем, надеть на себя личину обиженного Советской властью хозяйчика и пойти к «ним» в услужение. Больше того, успех дела — это подчеркнул его собеседник — будет целиком зависеть от того, насколько правдиво сыграет он свою презренную роль. Николай вспомнил, какими ненавидящими взглядами там, в лагере, провожали обреченные на голодную смерть люди тех немногих мерзавцев, которые польстились на фашистский паек, и зябко поежился. Но тут же одернул себя: «Без истерики, Рахов. Ты уже дважды нарушил присягу: когда оказался живым в плену и когда не подавил в себе подлых мыслишек о тихом житье на азовском берегу. Возьми себя в руки, лейтенант! Ты комсомолец, и партия приказывает тебе быть там, где труднее. На тебе остановили выбор старшие товарищи, значит, этот боевой пост должен занять ты...»

Сроки подгоняли. Поэтому Николай и его наставники работали с большой энергией. За считанные дни нужно было до мелочей отработать все детали выполнения предстоящего задания, способы связи, укрепить, по возможности, слабые звенья разработанной для него легенды.

Добравшись до Полтавы, Рахов должен был сразу же явиться в комендатуру железнодорожной станции, предъявить здесь свой аусвайс и попросить разрешения на проезд поездом до Мариуполя. Свою просьбу объяснять тем, что от самого Бобруйска шел пешком, в дороге заболел и дальше передвигаться пешим порядком не может.

Надежда у нас была на то, что гитлеровцы не оставят без внимания советского командира, не скрывающего своего недовольства прежними порядками, к тому же пострадавшего от Советской власти. Именно таких людей, по имеющимся у нас данным, и вербовал в первую очередь абвер в свои разведывательные школы. Если же полтавский комендант не клюнет на приманку, то Николаю надлежало ехать в Мариуполь, входить в доверие к фашистским властям и ожидать сверху указаний через связника.

Рахову дали явку и пароль к одному из помощников Харитона Карповича, проживавшему в Полтаве. Однако воспользоваться этими услугами тогда, в феврале 1942 г., ему не пришлось. Через две недели он вновь беседовал с Балакиным и Дубровиным. А произошло вот что...

Перейдя линию фронта севернее Волчанска, Рахов без особых приключений добрался до Полтавы. Но именно здесь, когда он считал, что половина дела сделана, его хваленый аусвайс не сработал. Николай попал в облаву и вместе с другими задержанными очутился в подвале гестапо. Патрули отобрали у него пропуск, а протесты по этому поводу привели лишь к тому, что его основательно избили.

На нары к Рахову тотчас подсел какой-то парень в форме советского пехотного лейтенанта и, мешая в разговоре русские и украинские слова, начал всячески поносить гитлеровцев и грозиться, что он с ними еще посчитается. Откровенность незнакомого человека и резкость его суждений — дело-то происходило в подвале гестапо — показались Николаю подозрительными. За месяцы, проведенные в лагере для военнопленных, он неоднократно имел возможность убедиться, что истинное мужество и вера в правоту своего дела не нуждаются в саморекламе. Поэтому на все откровения соседа по камере отвечал заученно: с меня, мол, хватит, навоевался, имею ранения, был в плену, отпустили к жене, дали аусвайс, и вот незадача — аусвайс отобрали... Но у немцев порядок железный — думаю, что во всем разберутся.

Так продолжалось двое суток. И только тогда, когда словоохотливый и воинственный лейтенант утратил к нему интерес, Рахова вызвали на допрос. Николай вел себя уверенно, на все вопросы отвечал четко, убедительно, рассказал об обстоятельствах своего освобождения из плена, показал по карте свой маршрут от Бобруйска до Полтавы, дал адреса тетки и жены.

После этого его еще три дня продержали в камере, видимо, проверяли показания, а затем вновь вызвали на допрос, но уже в другое здание. Вертя в руках его аусвайс, офицер время от времени бросал на Николая испытующие взгляды.

— И что же вы намерены делать теперь, господин Рахов?

— Хотел бы повидаться с женой, а там видно будет... На работу или еще куда... В общем-то, тетка к себе в Бобруйск зовет — дело собирается свое открыть, а я по слесарной части, можно сказать, специалист.

— Значит, по-вашему, мы затеяли эту войну для того, чтобы обеспечить бывшему советскому лейтенанту Рахову тихую и сытую жизнь?

— Я уже свое получил: двадцать четыре года, а на мне места живого нет.

— Но мы еще не получили от вас лично ничего.

— Вы же сюда не на один день пришли... Расплачусь еще...

— Расплатитесь, господин Рахов, обязательно расплатитесь, но не когда-нибудь, а теперь.

— Я не совсем понимаю...

— Сейчас поймете. — Офицер поднял двумя пальцами злополучный аусвайс. — Это будет вам первой нашей платой за одну небольшую услугу. Вы кадровый офицер, и не мне учить вас военному делу. Мы переправим вас через линию фронта с абсолютно надежными документами. Вы побродите недельку по тылам советских войск, все хорошенько запомните и возвратитесь к нам. Потом мы возвратим вам пропуск, даже не этот, а более надежный, и через день-два вы окажетесь в горячих объятиях фрау Раховой.

— Но я никогда...

— Это детали. Если вы не возражаете против сути моего предложения, подпишите вот эту бумагу и с вами займутся специалисты своего дела. За несколько дней они растолкуют вам некоторые тонкости нашей работы. Я не слышу вашего ответа, господин Рахов!

Так Николай Рахов вновь оказался на нашей стороне. Восемь дней, которые до этого он провел в фашистской разведшколе, срок, конечно, небольшой, но цепкая память лейтенанта с фотографической точностью запечатлела лица некоторых вербовщиков, руководителей абверкоманды и школы, ее преподавателей, инструкторов, курсантов — десятки имен, кличек, примет. На составление словесных портретов и подробный доклад о положении в школе ушло около трех суток. А тем временем наши товарищи готовили для гитлеровского командования «правдоподобные» сведения о состоянии наших войск, морально-политическом духе бойцов, о дислокации отдельных танковых и артиллерийских частей. Поскольку зона действия «абверовского агента» захватывала сравнительно небольшой участок фронта, сведения эти были недалеко от истины — мы не исключали, что направление к нам Рахова является комбинацией абвера по его проверке. Так оно впоследствии и оказалось.

Рахов возвратился в Полтаву на день раньше назначенного срока. Абверовский офицер похвалил его за быстрое и точное выполнение задания, но на территорию школы не пустил, назначив на следующий день встречу на квартире. Переночевав на вокзале, Николай явился по указанному адресу, где ему вручили небольшую сумму денег, недельный солдатский паек и аусвайс с жирным гестаповским штампом наискосок — «проверен».

Прогуливаясь затем по городу в ожидании поезда, Николай прошел мимо дома, в который была дана ему Дубровиным явка, но какое-то беспокойство удержало его от посещения этого адреса. С одной стороны, рассуждал разведчик, гитлеровцы обласкали его, выполнив свое обещание и выдав сверх того царский по тем временам паек и деньги. Но значит ли это, что они ему поверили? Скорее всего, что нет. Абвер, видимо, затевает с ним какую-то новую игру и сделал первый ход. Ну что ж, советскому лейтенанту Рахову спешить пока некуда, на первых порах можно сыграть и в поддавки — вот я весь перед вами. И Николай неторопливым шагом направился к вокзалу.

Встреча с Галей в значительной мере компенсировала все тяготы и лишения последних месяцев. Потерявшая и вновь так неожиданно нашедшая свое счастье, Галя преобразилась. Она ни на шаг не отходила от мужа и старалась предугадать любое его желание. Глядя в сияющие глаза жены, Николай с острой внутренней болью отсчи-

тывал отведенные им часы и дни. Он-то знал, что гитлеровцы так просто от него не отступятся, и в глубине души даже торопил их. Ведь от последующих ходов абвера зависел успех большого дела, ради которого он сюда послан.

Гестаповцы явились к нему на квартиру в третьем часу ночи. Грубо, но без битья, разбудили Раховых и отвезли Николая в городскую тюрьму. Мариупольские палачи мало чем отличались от своих полтавских коллег. Те же методы, только тут чувствовался более «серьезный» к нему подход — две недели без допросов в окружении провокаторов, пять дней методических избиений в сыром полутемном застенке.

Знакомый еще с училища с техникой бокса, Николай обратил внимание, что избивают его по науке, чтобы не искалечить, и даже синяки ставились с таким расчетом, чтобы не оставить на лице особых примет. Отметив это про себя, Рахов понял, что попал в комбинированный переплет, и со дня на день стал ждать допроса.

С первых же слов гестаповский офицер предложил Рахову чистосердечно написать, как и когда он был завербован советской разведкой и какое задание должен был выполнить в Мариуполе. Николай категорически отвергал все обвинения. Его допрашивали, били и снова допрашивали.

Однажды ночью — шла уже пятая неделя со дня ареста — Николай услышал на соседних нарах приглушенный шепот. Не нужно было даже напрягать слух, чтобы понять, что речь шла о побеге. Перебирались всевозможные варианты, обсуждались кандидатуры надежных людей.

Очередная гестаповская провокация? А если нет? Если побег готовят действительно патриоты? Как ему поступить? Промолчать на очередном допросе — значит дать козырь в руки следователя, если это провокация. Сообщить же о заговоре — значит поставить под удар ни в чем не повинных людей, если действительно побег готовится. Такой задачи с двумя неизвестными Рахову решать еще не приходилось. За «иксом» и «игреком» стояли человеческие жизни, его собственная жизнь и судьба порученного ему дела.

На камеру навалился тяжелый сон. Измученные и избитые люди бредили и стонали во сне. Николай лежал с открытыми глазами. Сомнения терзали его воспаленный

мозг, он перебрал в уме десятки вариантов, но ни один из них не подходил. Что же делать?

Едва забрезжил рассвет, его снова вызвали на допрос.

— Как спали, Рахов?

— Спасибо, как всегда...

— Сегодня у вас слишком утомленный вид. Все думаете? Прикидываете, как бы вывернуться?

— Разрешите задать вопрос, господин следователь.

— Я вас слушаю.

— Если доведенный до крайности пытками и побоями заключенный решится бежать, что ждет его близких?

— Их расстреляют. И его тоже. А вы имеете в виду что-то конкретное?

— И да и нет. Сегодня я всю ночь думал о себе.

— Интересно.

— Ведь есть же предел человеческих возможностей! Есть та черта, за которой все становится безразличным! И тут мне пришла в голову простая мысль: ведь если я, отчаявшись в этом аду, сбегу, это совсем не будет означать, что вы правы и я действительно советский разведчик. Все значительно проще: каждый человек стремится во что бы то ни стало выжить. Даю вам слово, знай я, что меня оставят в покое, я не задумываясь признался бы во всем, чего вы от меня требуете. Но это было бы неправдой. А другого выхода из этого круга в созданных для меня условиях нет.

— Что ж, вы правы. Но только отчасти. Для вас лично выход есть.

— В чем же он?

— В том, господин Рахов, что мы сейчас выпьем с вами кофе с ромом, выкурим по сигарете, и вы пойдете приводить себя в порядок. А потом я познакомлю вас с одним очень интересным господином.

— И я смогу увидеть жену?

— Только попрощаться. Сегодня ночью вы уезжаете отсюда. Надолго. А о жене не беспокойтесь. Кстати, все время, пока вы находились здесь, она получала приличный паек — на уровне специалиста-металлурга.

— Значит, все это?..

— Да. И от лица нашей службы я приношу вам извинение. Но поймите и нас. Что стоит пара зуботычин по сравнению с опасностью, что в наши ряды может затесаться враг?

Поздно вечером Николай в сопровождении гитлеровского лейтенанта заехал домой. Глядя в осунувшееся лицо жены, ловя ее встревоженный взгляд, он испытывал острую боль, но держал себя в руках, старался казаться веселым. Жизнерадостности же гитлеровца с лихвой хватало на всех троих. Откупорив бутылку трофейного вина, лейтенант предложил выпить за успех и за то, чтобы счастье фрау и герра Раховых было голубым, как весеннее небо. Той же ночью Рахов выехал в Волноваху.

Около месяца он жил здесь на конспиративной квартире, где под руководством двух офицеров-разведчиков постигал тайны шпионского ремесла. Экзаменовал Николая сам Фаулидис. Он остался доволен знаниями курсанта. Особый восторг у матерого шпиона вызвало мастерство лейтенанта в стрельбе. В полутемном тире с двух рук Рахов точно поразил быстро мелькающие мишени. После экзаменов Николаю торжественно объявили, что он оставлен инструктором при зондеркоманде господина Фаулидиса, которая уже известна читателю под названием «команда Локкерта».

Эта команда вела подрывную деятельность против наших войск, главным образом Южного и Северо-Кавказского фронтов. И хотя она находилась в подчинении начальника абверкоманды полковника Визера, Фаулидис имел определенную независимость и имел право самостоятельно проводить крупные операции. Зондеркоманда имела в Мариуполе и Волновахе свои курсы по подготовке разведчиков и диверсантов, которые ежемесячно забрасывались на восточное побережье Азовского моря и даже в районы Астрахани, Грозного, Туапсе, Тбилиси, Сухуми и Батуми.

Непосредственным начальником Рахова был лейтенант Александр Кранц, с которым у Николая очень скоро установились почти приятельские отношения. На работе Кранц был службистом до мозга костей, и с его курсантов, прежде чем они получали удовлетворительную оценку, сходило по семь потов. Кроме того, он был неплохим специалистом подрывного дела. Наблюдая за лейтенантом на полигоне, Николай неоднократно вспоминал слова Дубровина, что один вымуштрованный абверовцами головорез может наделать много бед в советском тылу.

Вскоре Кранц представил Рахова большой группе мрачных типов. Свою короткую вступительную речь он закончил так:

— Если через месяц господин инструктор доложит

мне, что кто-либо из вас не может попасть из карабина в летящую ласточку, тот немедленно будет отправлен в лагерь. Тренироваться будете с утра до ночи. Ясно?

Курсанты невинно загудели. На вопрос Рахова, чем вызвана такая строгость, Кранц ответил, что эта банда будет заброшена на грозненские нефтяные промыслы с особым заданием. В случае наступления германских войск — а его долго ждать не придется — русские, видимо, попытаются взорвать промыслы. А эти агенты должны будут воспрепятствовать таким действиям красных.

— Ваши ученики получают задание уничтожить советских подрывников. За выполнение этой работы в Грозном адмирал Канарис отвечает лично перед фюрером. Мы должны получить грозненскую нефть сразу же после захвата промыслов, — закончил лейтенант.

Учитывая важность задания, Рахов ввел индивидуальные занятия с каждым курсантом снайперской группы. Самых способных стрелков он, правда, ухитрился отчислять в лагерь за «нерадивость», однако и те, что оставались в группе, к концу месяца могли похвастаться меткостью стрельбы. По истечении срока обучения их инструктор получил вознаграждение, а обученные были отправлены на полевой аэродром.

...Воспользоваться своим умением им, к большому сожалению господина Фаулидиса, не удалось. Вся эта группа диверсантов и террористов была арестована советскими чекистами сразу же после ее приземления.

Приближалось лето, а вместе с ним и новое немецкое наступление. Все фашистские офицеры ходили в приподнятом и радостном настроении. Визгливые выступления Геббельса и многозначительные обещания фюрера подливали масла в огонь. «Команда Локкерта» работала на бешеных оборотах — комплектовались новые диверсионные группы, уточнялись районы их заброски, подгонялось снаряжение. В это время Фаулидис выступил с инициативой, которую благосклонно встретили в абверовских кругах. Одновременно с подготовкой шпионов и диверсантов зондеркоманда приступила к формированию националистических подразделений, на которые возлагались рейдовые операции в тылу советских войск. При этом в разговорах все чаще упоминалось слово «Сталинград». Громадная машина вермахта и его разведывательные службы были готовы, казалось, к завершающему удару.

Но уже с первых дней некоторые механизмы этой машины начали давать перебои. И первым это почувствовал абвер.

...15 июня 1942 г. из особого отдела 9-й армии к нам поступила телеграмма, в которой сообщалось, что на квартире стрелочницы станции Боровая задержаны два агента гитлеровской разведки. При аресте у них изъяты топокарты, компасы, оружие, деньги. На допросе один из них назвался Раховым и просил сообщить о нем в особый отдел Юго-Западного фронта.

В 9-ю армию срочно выехал лейтенант госбезопасности Балакин. Рахов, а это действительно был он, рассказал, что на нашу сторону он был заброшен еще 11 июня в районе села Кунье Харьковской области в паре с агентом, бывшим петлюровцем, по кличке Петер. Им поручили разведать наличие наших войск по реке Дон, на участке Серафимовичи, Калач, Цимлянская. На станции Боровая Николай, дабы не возбуждать подозрений напарника, симулировал отравление и настоял на том, чтобы переждать два-три дня до выздоровления у этой «хорошей тетки». Стрелочница действительно оказалась советским человеком — постояльцы показались ей подозрительными и она на следующее же утро привела домой красноармейцев.

Оказавшись среди своих, Николай очень волновался, но докладывал четко и по существу. Со слов своего «друга», абверовского лейтенанта Александра Кранца, ему стало известно, что в годовщину начала войны — 22 июня — немецкое командование начинает крупное наступление на Сталинград. В связи с этим «Абверкоманда-101-А» забросит в тылы наших фронтов — Брянского, Юго-Западного и Южного — около двухсот агентов, окончивших Варшавскую, Брянскую, Полтавскую разведшколы и курсы в Мариуполе, Волновахе и Харькове. Заброска будет производиться главным образом по воздуху на территории Тамбовской, Саратовской, Сталинградской и Астраханской областей, а также в Ставропольский и Краснодарский края. Рахов подробно описал многих известных ему агентов, рассказал о методах их действий, паролях и экипировке.

Балакин срочно связался с Дубровиным, и тот принял решение вернуть Николая Рахова в «команду Локкерта». Там он должен был заявить, что своего напарника

ликвидировал при его предложении явиться к советскому командованию с повинной.

Благодаря данным, полученным от Рахова, чекисты особого отдела фронта и управлений НКВД Тамбовской, Саратовской и Сталинградской областей только в июле 1942 г. арестовали 110 гитлеровских агентов. Еще одна масштабно задуманная операция абвера была сорвана.

С момента ухода Рахова к немцам прошло уже больше трех недель, а мы не получали ни от него, ни о нем никаких известий. Никто из нас не хотел верить в наихудшее, хотя для опасений были основания. Ведь мы отправляли Рахова в спешке — срок выполнения его задания истек в день встречи его с Балакиным. Немцы могли заподозрить неладное и в тех сведениях, которыми был снабжен Николай: ведь их авиация вела в Придонье интенсивную разведку и могла обнаружить расхождения с раховскими разведданными. Но особую тревогу вызывали показания его напарника — Петера. На одном из допросов — к большому сожалению, уже после ухода Николая — бывший петлюровец заявил, что Рахову немцы полностью не доверяют и его, Петера, приставили к нему.

Шли дни за днями, но на наши запросы Харитон Карпович отвечал, что связи с Раховым нет по-прежнему и установить его судьбу не удастся. Борис Всеволодович Дубровин ходил мрачный как туча. Он терзался сознанием своего бессилия помочь Рахову. Не мог простить он себе за принятое решение о возврате его в «команду Локкерта».

Вместе с тем провал Рахова мог принести значительный ущерб нашей работе на этом участке. Наступление немцев на сталинградском направлении разворачивалось широким фронтом, а «зондеркоманде Локкерта», судя по всему, в оперативных планах гитлеровского командования отводилось далеко не последнее место. Все задержанные по ориентировке Рахова абверовские агенты показывали, что в Волновахе и Мариуполе проходят ускоренный курс обучения еще несколько групп диверсантов для работы в ближайших тылах советских войск и в самом Сталинграде, и мы необходимое о них должны были знать от Рахова.

Взвесив все это, руководство особого отдела фронта, который с 12 июля был переименован в Сталинградский,

приняло решение направить в Мариуполь, где проживала жена Николая, нашего человека. Там нужно было в кратчайший срок выяснить судьбу Рахова и в случае его провала постараться внедриться в «зондеркоманду Фаулидиса-Локкерта».

Начался срочный подбор кандидатуры для выполнения такого задания. Поиск ее шел среди младшего командного состава. Нужен был человек смелый, энергичный, беспрдельно преданный Родине и к тому же уже побывавший в немецком плену. Кроме того, нужен был если не уроженец Мариуполя, то, во всяком случае, человек, имеющий там близких родственников и, желательно, знающий, хотя бы слабо, немецкий разговорный язык.

После тщательного отбора остановились на одной из кандидатур.

Лейтенант Василий Гордиенко незадолго до начала войны окончил авиационное училище. Первый боевой вылет совершил 22 июня 1941 г. За два месяца боев сбил три фашистских самолета, за что был представлен к ордену Красной Звезды. В дни самых напряженных боев на киевском направлении подал заявление в партию. В одном из неравных воздушных боев в районе Кировограда сбил четвертого по счету гитлеровца, но и его И-16 получил несколько прямых попаданий, и обожженный лейтенант попал в плен. В бессознательном состоянии его доставили в санчасть при Днепропетровском лагере для военнопленных. Только стал на ноги — попытался бежать. Потом — вторая попытка, третья. Вначале гитлеровцы ограничивались штрафным баракком, а в начале октября отправили Гордиенко в лагерь смертников в Замостье. По дороге ему и еще таким же пятерым смертникам удалось бежать. Все шестеро после двухмесячного скитания по лесам, полям и болотам вышли наконец к своим на участке 21-й армии.

Проверку на сборном пункте Гордиенко прошел быстро. Когда однополчане узнали, что он жив, за Василием приехал сам командир полка, к тому времени уже Герой Советского Союза майор Капустин.

За Гордиенко особистам лучше всего теперь говорил тот факт, что к моменту знакомства с Дубровиным перечень его боевых дел весьма удлинился. Прибавилось звездочек на фюзеляже его «яка», а рядом с первым орденом появился еще один — Красного Знамени — и медаль «За

отвагу». Сам Василий тоже производил очень хорошее впечатление — крепко сложенный, энергичный, с острым умом, он схватывал все, что называется, на лету.

Не менее важным было и другое. Гордиенко родился в Запорожье, происходил из кадровой рабочей семьи. Там, на одной из заводских окраин, в маленьком домике жил его отец-пенсионер. К нему в самом начале войны эвакуировалась жена Гордиенко — Надя, медицинская сестра по специальности. Надины же родители жили в Мариуполе.

Такое стечение обстоятельств плюс личные качества Василия Гордиенко делали его подходящей кандидатурой для осуществления задуманной операции. Об этом прямо сказали лейтенанту, добавив, что последнее слово остается за ним.

— Я считаю, что рассуждать тут долго нечего. Партийная дисциплина для всех одна, — ответил он Дубровину.

— Но в данном случае речь идет не об обыкновенном риске.

— К опасности нам не привыкать. Когда фашистская сволочь из всех стволов по тебе шпарит, бывает, что за пару секунд всю жизнь вспомнишь. Я считаю, если моя личность по всем статьям для дела подходит, то мне его и делать. Вот подучиться некоторым тонкостям не мешало бы. Я ведь, знаете, больше по лобовым атакам специалист.

— За этим, лейтенант, дело не станет.

Потянулись дни учебы. И когда Дубровин лично убедился, что Василий готов к выполнению задания, ему вручили аусвайс, сделанный по образцу раховского, и в ночь на 8 августа отправили самолетом в партизанский отряд Беспалько. Приземлился Гордиенко удачно и на следующий день встретился с Харитоном Карповичем, который на месте детально ознакомил молодого разведчика с обстановкой.

От Рахова по-прежнему не было никаких вестей. Поэтому решили, как об этом и было оговорено с Дубровиным, что лучше всего Василию сразу же пробираться в Запорожье к отцу и жене, обжиться там, войти в доверие к гитлеровским властям, а потом, при первой же возможности, съездить в Мариуполь к родственникам жены.

Аусвайс сработал безотказно. Меньше чем за двое суток Гордиенко добрался до Запорожья и еще до начала комендантского часа был на пороге отчего дома.

Встреча была и радостной, и горькой. Услышав голос мужа, от которого целый год не было никаких вестей, Надя едва не лишилась чувств и с большим трудом смогла открыть дверь. Искренне обрадовался сыну и старик. Но даже при встрече кадровый запорожский металлист не сумел подавить в душе горькое чувство — не такой доли желал он своему младшенькому. Ведь строго придерживаясь легенды, Василий рассказал, что он отпущен из Бобруйского лагеря военнопленных к семье по состоянию здоровья и в связи с болезнью отца. И уже за скудным ужином старый Гордиенко не выдержал.

— Радость для нас с Надеждой большая, сынку, что живой ты. Но лучше бы ты сюда не приходил...

— Что так, отец?

— А то, что дорог на земле много, а для тебя здесь лишь две осталось — либо в услужение к фашистам идти, либо опять за колючую проволоку.

— Ну, может, как-то еще образуется.

— Мы тут за этот год всякого насмотрелись. Послушай меня, старика. Лучше бы ты из лагеря прямиком к своим пробирался. Не для того я тебя растил и страна тебя учила, чтобы ты в лихую для всего народа годину на печке пересидел или того хуже...

Василий с большим трудом удержался, чтобы не ткнуться лицом в грудь батьки, немощного, иссушенного голодом и болезнями старика, дух которого не смогли сломить никакие испытания, выпавшие на его долю. Хотелось рассказать отцу обо всем, но Василий не имел на это права. Он пленный, помилованный оккупантами, и все... Таким он должен оставаться для всех, даже для самых близких и дорогих ему людей. Это не его тайна...

На следующее утро Гордиенко явился в комендатуру для регистрации. У него отобрали аусвайс, документы отца и жены, которые он предусмотрительно захватил с собой, и заставили прождать в приемной больше двух часов. К полудню, когда Василий, что называется, истомился в безызначности, его наконец проводили в кабинет, где кроме пожилого гитлеровского офицера находился еще и какой-то гражданский тип, поздоровавшийся по-украински с типичным галичанским акцентом.

Разговор с гитлеровцем был непродолжительным. Тот лишь поинтересовался родственниками в Запорожье, с какого времени он находился в плену и какую должность до того занимал в Красной Армии, где работает жена. Но когда офицер, даже не кивнув на прощание, вышел из

кабинета, цивильный буквально засыпал Василия вопросами. Его интересовало все: и детские годы, и учеба в летной школе, и служба в армии, и поведение в лагере, и даже точное название хуторов и сел, через которые Гордиенко добирался из лагеря в Запорожье. Даже неискушенный в подобных делах Василий понял, что попал в руки опытного контрразведчика. Правда, в этом разговоре у лейтенанта неожиданно появился довольно веский козырь. Прослужив почти полтора года в Стрые, недалеко от Львова, Василий, который с детства хорошо знал украинский язык, без труда освоил наиболее характерные словечки и обороты местного диалекта. И сейчас, умело вставляя их в беседе с цивильным, он явно расположил того к своей особе.

Под конец беседа приняла доверительный характер.

— Мне очень приятно, пан Гордиенко, что Советы не вытравили из вашей души чувства национального достоинства.

— То, что впитано с молоком матери...

— Имейте в виду, дорогой пан Гордиенко, что борьба еще далеко не закончена, и в этой борьбе украинский народ должен сказать свое слово. Тогда после окончательной победы каждый из нас получит свое.

— Мой отец, собственно, не имел ничего.

— Будет иметь. Обязательно будет. Попомните мое слово. Но для этого у вас, военного к тому же человека, только один путь. Настоящие патриоты Украины формируют сейчас добровольческую украинскую армию.

— Опять на фронт?

— На святую борьбу, пан Гордиенко. На святейшую. И не волнуйтесь — окопов не будет. Наш фронт будет проходить там, где комиссары нас не ждут.

— Если бы можно отложить наш разговор хотя бы на недельку — устал я в лагере.

— Бога ради! Сейчас требуется только ваше согласие, ничего больше. Вначале отдохните, потом подучитесь.

Ситуация, в которой Гордиенко оказался столь неожиданно, не была предусмотрена в плане, разработанном в особом отделе фронта. Пока что Василий радовался полученной отсрочке — все-таки можно успеть и в Мариуполь смотаться, и Харитона Карповича повидать. Обнадеживали и намеки вербовавшего его националиста на какую-то специальную подготовку. Если не в Волновахе к Локкерту, то уж в какой-нибудь другой шпионский центр, на худой конец, обязательно направят. Значит,

пользу Родине можно принести и там. Придя к такому выводу, Василий успокоился и твердо решил не откладывать в долгий ящик свою поездку в Мариуполь.

По дороге домой зашел к Наде в больницу. Подробно рассказал обо всем, что с ним произошло в комендатуре, и, как бы вскользь, заметил, что неплохо было бы навесить тестя с тещей — когда еще доведется встретиться?! Жена сразу же загорелась этой идеей и побежала к главврачу отпрашиваться на несколько дней. Отцу, чтобы не волновать больного старика, они до поры до времени решили ничего не говорить о возможной предстоящей службе Василия у фашистов.

На следующий день Гордиенко снова в комендатуре, но теперь уже не один, а вместе с женой. Они поблагодарили гитлеровское командование за предоставленную им возможность быть вместе и вручили дежурному офицеру прошение с просьбой о пропуске в Мариуполь — это было бы для них большой радостью. К прошению Надя приложила записку от главврача больницы.

Как видно, результат беседы Василия с вербовщиком-националистом не был секретом для сотрудников комендатуры, и отношение к нему резко изменилось — разрешение на выезд и все необходимые документы они получили в тот же день.

Встреча с Надиными родителями была теплой и радостной, а угощение скудным. Как и большинство жителей разоренного гитлеровцами города, старики жили впроголодь.

Пользуясь «железными» документами, Василий и Надя безбоязненно разгуливали по городу, и вскоре Гордиенко хорошо изучил расположение улиц и даже несколько раз проходил мимо дома, в котором, по его данным, должна была жить жена Рахова, но зайти боялся. Если Рахов арестован, в квартире могла быть засада.

Тогда он решил прибегнуть к помощи жены. Во время одной из прогулок он сказал Наде, что в Мариуполе ему хотелось побывать еще и потому, что здесь должен жить один из его друзей по концлагерю лейтенант Коля Рахов. Парень он чудесный, всегда делился последним куском хлеба, который умудрялась передавать в лагерь тетка его жены. Она же помогла Николаю освободиться из плена еще в прошлом году. С тех пор срок прошел немалый, и он сам боится идти к Раховым. Лучше всего было бы выяснить через соседей, добрался ли он домой и как поживает сейчас. К счастью, недалеко от дома Раховых жила

старая Надина учительница, и жена охотно вызвалась навестить ее.

Полдня провел Василий в томительном ожидании. Наконец Надя возвратилась. По ее заплаканному лицу он понял, что оправдались самые худшие предположения товарищей. Немного успокоившись, жена слово в слово пересказала все, что услышала от старушки учительницы.

Еще в начале года Рахов было объявился на какое-то время в Мариуполе, но вскоре вновь исчез. Куда он делся, никто из соседей не знал, однако его жена с теткой не голодали. Изредка они даже помогали продуктами знакомым, и люди начали поговаривать, что продукты эти — иудины сребреники, что Рахов пошел на службу к фашистам, и, естественно, сторонились двух одиноких женщин...

Бедя произошла в конце июля. К их дому подъехала машина с эсэсовцами. Они перевернули в квартире все вверх дном и зачем-то разобрали по поленьям дрова, заготовленные на зиму. Жену Рахова вместе с теткой куда-то увезли. Соседи затем говорили, что у них искали радиостанцию. А уже потом через чиновника городской управы, который жил на этой же улице, стало известно, что Рахов был советским разведчиком и его расстреляло гестапо. Жену и тетку гитлеровцы отправили в концлагерь.

Вот какую печальную историю рассказала Надя мужу. Василий понимал, что обо всем случившемся он обязан срочно сообщить Дубровину. Он сказал жене, что под Полтавой живет еще один его друг по лагерю и что о случившемся необходимо предупредить и его. Но жена и слышать ничего не хотела. На уговоры Василий потратил много часов и под конец клятвенно пообещал, что через неделю, а то и раньше он обязательно возвратится и они уедут в Запорожье.

Путь в Полтаву занял сравнительно немного времени, но несколько раз Гордиенко едва не схватили патрули. На этом направлении его аусвайс был куском бесполезного картона. Остаток дороги Василий преодолел на открытой, с высокими бортами железнодорожной платформе, зарывшись с головой в антрацит. Поэтому уже в отряде Беспалько, который разыскал к исходу третьих суток, он был похож на трубочиста, а на зубах — сколько ни полоскал рот — скрипела угольная пыль.

Связавшись от партизан по радиации с особым отделом фронта, Гордиенко доложил о результатах проверки и о предложении, сделанном ему в гитлеровской комендатуре.

Известие о гибели Рахова глубокой скорбью отозвалось в наших сердцах. Анализируя причины этого провала, мы пришли к выводу, что контрразведка абвера не доверяла ему с первых дней появления его в Полтаве и затем, сопоставив обстоятельства массовых арестов своей агентуры в советском тылу, а также «измену» его напарника, пришла к выводу, что он работает на советскую разведку. Николай Рахов ушел из жизни в расцвете сил. Он многое мог бы еще сделать для своей Родины. Но в минуту смертельной опасности он не дрогнул, не покинул свой боевой пост, ценой своей жизни отвел занесенную для смертельного удара руку врага...

Той же ночью Гордиенко получил новое задание. Мы считали, что исчезновение лейтенанта из Запорожья может навлечь беду на его отца и жену. Поэтому Василий должен был немедленно возвращаться к жене в Мариуполь и вместе с ней ехать в Запорожье. И там уже, явившись в комендатуру, поблагодарить гитлеровцев за их великодушие и изъявить желание честно отработать это доверие во имя победы рейха. Попав в националистические формирования, он должен был служить там с усердием, не гнушаться повышений. Чем выше пост займет он в легиионе, тем ценнее будет его информация. Оговорил Дубровин с ним и новый канал связи.

Наш интерес к воинским подразделениям, формируемым гитлеровцами из числа националистов, предателей и уголовников, был далеко не случайным. К тому времени уже снискали себе дурную славу части, формируемые предателем и авантюристом Власовым, в калмыцких степях орудовали банды зондерфюрера Отто Вербы — сподвижника Фаулидиса, старого диверсанта, известного в абверовских кругах под кличкой доктор Долль. Работникам особых отделов 54-й и 57-й армий Сталинградского фронта немало труда стоило обезвредить этих воспитанников «команды Локкерта». Если немцы делали ставку на эти отбросы общества, мы, чекисты, должны были быть готовы и здесь дать им надлежащий отпор.

...Возвратившись в Запорожье, Василий Гордиенко разыскал в комендатуре своего «друга-украинца» и уже через несколько дней был зачислен в так называемый украинский легион.

Вскоре сотник Гордиенко стал одним из ревностных служак запорожского «коша». С его свинцовым кулаком познакомился не один «самостийнык». По правде говоря, если бы не эта отдушина, Василию трудно было бы вы-

держат в компании предателей, отщепенцев, бывших воров.

Свое откровенное сотрудничество с гитлеровцами, явное предательство интересов своего народа верховоды так называемой украинской народно-революционной армии маскировали всякого рода мишурой национальных традиций, якобы освященных веками. Всеми делами в «национальном воинстве» заправляли бывшие петлюровцы, махновцы, подручные Коновальца и Бандеры. Позаимствовав некоторые внешние атрибуты средневековой Запорожской Сечи, они теперь в националистических формированиях насаждали порядки и организационную структуру карательных подразделений вермахта, СС и абвера. Так, например, полицейские «коши» на юге Украины создавались по образу и подобию зловещего детища Канариса — полевых полицейских частей — гехаймфельдполицай. Вместе с гитлеровскими карателями предатели украинского народа зверствовали в прифронтовой зоне, грабили мирное население, пытали и расстреливали по указке абверовской контрразведки коммунистов, партизан, всех, кто так или иначе боролся против гитлеровских захватчиков.

В запорожском «коше» наиболее заметной фигурой был Семен Крячко, бывший хорунжий петлюровской армии, личный адъютант начальника ее контрразведки. Крячко еще в 1918 г. начал сотрудничать с немецкой разведкой, поэтому в гестаповских и абверовских кругах он был своим человеком.

Как удалось выяснить Василию, Крячко подбирал людей для спецподразделений абвера, намечаемых к заброшке в тылы Красной Армии. Гордиенко долго ломал голову, как войти в доверие к петлюровскому контрразведчику, но, как выяснилось впоследствии, все его мучения были напрасными. Руководство местной абвергруппы давно уже имело виды на бывшего красного лейтенанта и до поры до времени занимало выжидательную позицию, не спешило с вербовкой его, хотело окончательно убедиться в его верности «новому порядку».

Репутация ревностного служаки, раздающего на строевых занятиях налево и направо зуботычины кулацким сынкам, сыграла во время проверки решающую роль, и вскоре сотник Гордиенко был приглашен для деловой беседы к начальнику абвергруппы майору Шредеру.

Курсы по подготовке диверсантов и террористов расположились в семи километрах от города в усадьбе разграбленного гитлеровцами конного завода. Здесь Василий

встретил немало «старых знакомых» и еще раз убедился, что в спецподразделения абверовцы отбирали самых отпетых головорезов. Показательной была и система подготовки. Вся учебная программа строилась в расчете на то, чтобы как можно быстрее натаскать обучаемого в приемах массового уничтожения людей. Здесь готовили профессиональных убийц.

Ежедневная — от зари до зари — муштра вконец при-
тупляла последние всплески разума большинства обучавшихся, и нашему разведчику не стоило большого труда вскоре возвыситься над этой бандой человекоподобных существ. Гитлеровские инструкторы сразу выделили его из общей массы и довольно часто прибегали к его помощи, когда требовалось «растолковать» что-либо очень тупым ученикам. Больше всего Гордиенко любил отрабатывать с напарником силовые приемы. После таких демонстраций его партнеры, бывало, по нескольку дней не могли разогнуться. Кроме того, Василий в совершенстве овладел здесь стрельбой из всех видов оружия, подрывным делом, искусством верховой езды и вождения машины. К моменту выпуска он по праву претендовал на роль старшего команды.

Но все сложилось по-другому. Еще с времен первой мировой войны Шредер специализировался по «восточному направлению» и множество раз имел возможность убедиться в продажности, беспринципности и трусости буржуазных националистов всех мастей. Поэтому он принципиально не доверял своим союзникам и помощникам и отводил им роль исполнителей — не больше. Незадолго до заброски в советский тыл в группу Гордиенко, которая отныне должна была именоваться «отрядом патриотов-мстителей», прислали нового старшего — немца из одесских фольксдойче Александра Крафта.

С первых же шагов новое начальство взялось круто за дело. Не дослушав до конца доклад о степени подготовки и настроениях личного состава группы, Крафт грубо оборвал Гордиенко и приказал к завтрашнему утру быть готовым к «последней проверке». Но хуже всего было то, что этот фольксдойче с разрешения майора Шредера заменил радиста, которого за время совместной подготовки Гордиенко успел прибрать к рукам. Понимая, какую опасность таит в себе вышедшая из-под его начала и контроля банда «мстителей», Василий лихорадочно искал выход. Ведь он даже не знал пока предполагаемого района выброски их по воздуху. И Василий решил, что он в край-

нем случае взорвет самолет вместе со всеми пассажирами в воздухе. Внутренне Гордиенко уже был готов к этому.

Однако в самый последний момент, уже в полете, произошел случай, позволивший Василию отказаться от этой крайней меры. Диверсант по кличке Оглобля, едва только самолет пересек линию фронта, вдруг закатил истерику и наотрез отказался пристегивать карабин вытяжного шнура парашюта к тросу под потолком фюзеляжа. Крафт потянулся было за пистолетом, но Гордиенко, мигом оценивший ситуацию, сказал, что стрелять в воздухе нет смысла, что убрать Оглоблю они успеют и на земле.

Когда предпоследний рядовой диверсант исчез за бортом, они подхватили визжащего Оглоблю под мышки и поволокли к люку. Сделав вид, что прилаживает вытяжное устройство, Василий отцепил от своего поясного ремня гранату (ее-то он и готовил на крайний случай), и через пару секунд оглушенные по голове Крафт и Оглобля полетели вниз.

Чтобы не отрываться далеко от группы, Василий какое-то время не раскрывал свой парашют. Приземлившись, он сверился по компасу и поспешил к месту сбора. К утру все диверсанты, кроме Оглобли и Крафта, были налицо. Не вдаваясь в подробности событий в самолете, Гордиенко тут же организовал поиски пропавших. Их группы они нашли километрах в трех на дне неглубокого степного овражка. Радиист тут же связался с майором Шредером, доложил о случившемся и принял приказ о назначении старшим команды Гордиенко.

Теперь, когда планшет Крафта вместе с картой перекочевал к нему и в руках его была рация, Василий смотрел на мир совсем другими глазами. Избавиться на время от радиста не составляло большого труда. Отведя его в сторону, Гордиенко сказал, что после предательства Оглобли он не доверяет, кроме него, никому из группы, и приказал в разведку идти с другими и ему.

Получив радиограмму, Дубровин срочно принял меры, и к исходу того же дня банда Крафта была блокирована в небольшом лесочке. Схватка была короткой — ничего не подозревавшие диверсанты не успели даже толком организовать оборону. Уйти за линию фронта «удалось» только Гордиенко да, для достоверности, еще двум бандитам.

Слушая рапорт сотника, майор Шредер был вне себя: — Эти свиньи не в состоянии провести даже заурядную операцию.

Возвратившихся, как проштрафившихся, отчислили в тыловые полицейские подразделения. А некоторое время спустя Гордиенко принял взвод в «украинской армии», который охранял промышленные объекты в Запорожье и на криворожских рудниках. Но и с этой службой «добровольцы» справлялись из рук вон плохо. Не было ночи, чтобы подпольщики и партизаны не устраивали диверсий, не закладывали мины на подъездных путях.

Вскоре в «офицерских» кругах здесь начали поговаривать о том, что украинские националистические формирования гитлеровцы собираются перебросить в Югославию для борьбы с партизанами. Василий сообщил об этом в особый отдел фронта. Там взвесили сложившуюся обстановку, и разведчик получил приказ: при первой же возможности возвращаться к своим. И такая возможность вскоре наметилась.

В ходе осенних боев на подступах к Волге советские войска основательно перемололи ударные силы гитлеровцев и их сателлитов. На фронте ощущался недостаток пушечного мяса. Тогда фашистское командование объявило набор «добровольцев» для участия в боях под Сталинградом. Гордиенко одним из первых изъявил согласие и через несколько дней получил назначение в «кубанский эскадрон», формировавшийся на станции Миллерово. В районе Котлубани эскадрон попал в котел, и сотнику не стоило большого труда убедить легионеров без боя сдаться в плен.

За время пребывания во вражеском тылу Василий Гордиенко многое успел узнать. Большой интерес для советского командования и армейских партийных органов представляли не только сугубо разведывательные данные. Наши войска готовились к большому наступлению, и очень важно было знать новейшие данные об обстановке на оккупированной врагом Украине.

Разведчик составил подробнейший отчет о своей работе и жизни в фашистском тылу. Он широко осветил режим, установленный оккупантами в промышленных районах Украины, их карательную практику по отношению к мирному населению. Назвал имена, фамилии и адреса гитлеровских офицеров и изменников, помогавших фашистам, сообщил места расположения ряда лагерей военнопленных и о режиме, созданном в них. Особенно тяжелой была обстановка в лагере поселка Ремонтное. Здесь от голода, болезней и зверского обращения ежедневно умирали сотни людей.

Гордиенко подробно остановился на политических последствиях провала фашистского наступления, доложил об упадке морального духа окруженных под Сталинградом немецких войск и о том, что многие немцы в последнее время начали вести разговоры о целесообразности сдачи в плен русским.

Особый интерес представляло его сообщение о том, что гестаповская агентура и гитлеровская администрация после первых же наших наступательных ударов под Сталинградом начали широко распространять среди местного населения провокационные слухи: будто бы после возвращения Красной Армии в освобожденных от гитлеровцев районах все молодые люди расстреливаются чекистами за то, что в свое время не отошли на восток вместе с советскими войсками. Некоторая, хотя и незначительная, часть молодежи поверила в эту лодную ложь и при приближении наших войск стала уходить в западные области страны или уезжать в Германию.

Мы тотчас же информировали об этом политуправление фронта. Срочно было подготовлено обращение к населению оккупированных районов, в котором разоблачалась гнусная фашистская клевета. Пламенное слово партии сразу нашло дорогу к сердцам людей. Они уверовали, что с востока к ним идет освобождение от ненавистного фашистского ига. Молодежь стала уходить в партизанские отряды, поднималась на вооруженную борьбу с захватчиками.

Была учтена информация Гордиенко и о положении в лагере для военнопленных поселка Ремонтное. Войска Сталинградского фронта предприняли на узком участке частное наступление и с ходу заняли этот поселок. Помощь пришла вовремя — эсэсовское руководство уже приняло решение об уничтожении в лагере 12 тысяч заключенных.

Командующий фронтом генерал-лейтенант Константин Константинович Рокоссовский с учетом настроений, царящих в солдатской массе фашистской армии, обратился к гитлеровскому командованию с предложением сложить оружие, выдвигая гуманные условия капитуляции. Но генерал Паулюс тогда ответил категорическим отказом. Потребовалось еще несколько дней, чтобы заставить его безоговорочно принять советское предложение.

* * *

С января 1942 г. под самым носом матерых шпионов и контрразведчиков штаба «Валли», в их Варшавской разведшколе, на должности одного из преподавателей инженерного дела находился советский разведчик, подготовленный сотрудниками капитана государственной безопасности Б. В. Дубровина, старший лейтенант Красной Армии Константин Александрович Воинов.

Трудная судьба выпала на долю этого замечательного человека и настоящего советского патриота. В свое время он был несправедливо обижен, испытал лишения и недоверие товарищей по партии, но сумел сохранить в душе веру в правоту нашего общего дела, любовь к Родине, незыблемую верность идеалам, в которых его воспитали комсомол и партия. Эти прекрасные качества с особой силой проявились в годину лихих испытаний, выпавших на долю нашей страны, нашего народа.

...В двадцатых числах ноября 1941 г. боевое охранение 227-й стрелковой дивизии задержало при переходе линии фронта бывшего командира саперной роты нашей 6-й армии старшего лейтенанта Воинова. В те дни это было обычным явлением, и комбат хотел уже было отправить окруженца на армейский сборный пункт, но Воинов настоял на немедленной встрече с сотрудником органов госбезопасности. Начальнику особого отдела дивизии лейтенанту госбезопасности Днепровскому он заявил, что является агентом гитлеровской разведки и заброшен на нашу сторону со шпионским заданием.

В нашей тогдашней практике это был первый случай явки с повинной, и Днепровский об этом немедленно донес в особый отдел фронта. На следующий день Воинов уже находился в Воронеже. В беседе с нашими сотрудниками он подробно рассказал, при каких обстоятельствах его завербовали гитлеровцы, как готовили к заброске и какое дали задание. Но Дубровина, присутствовавшего на допросах, больше всего интересовали причины, побудившие старшего лейтенанта вначале согласиться сотрудничать с гитлеровцами, а потом явиться в особый отдел с повинной.

Константин Воинов родился в 1910 г. на небольшой железнодорожной станции недалеко от Астрахани в семье телеграфиста. Отец его был тихим, скромным человеком. Глядя на его тщедушную фигуру, трудно было предположить, что в его доме в одном из ящичков старенького комода бережно хранится именное революционное оружие, которое вручил комендору бронепоезда «Смерть Мамон-

тову» Александру Воинову Климент Ефремович Ворошилов.

В 1933 г. Константин Воинов после окончания Саратовского политехнического института был призван в Красную Армию. Служил командиром взвода в одной из саперных частей в Поволжье. С первых же шагов по службе зарекомендовал себя грамотным и толковым инженером.

На одном из вечеров в гарнизонном Доме Красной Армии молодой красивый комвзвода с кубиком в петлице познакомился с Ирмой Думлер, которая после окончания средней школы работала в городской библиотеке. Ирма родилась в Республике немцев Поволжья. Ее отец Федор Думлер считался в городе одним из лучших столяров-краснодеревщиков.

Отец Кости остался доволен выбором сына. А после рождения внучки, которую в честь покойной матери молодые называли Татьяной, всерьез начал подумывать о том, чтобы перебраться к сыну насовсем. Но неожиданная беда круто изменила все их планы. В 1937 г. были репрессированы родители Ирмы, за «потерю бдительности» лейтенант Константин Воинов был исключен из партии и уволен из армии, после чего был вынужден уехать с семьей к отцу под Астрахань.

Начинать пришлось с путевого обходчика. Товарищи по работе на первых порах сторонились Константина. При его приближении смолкали их разговоры, а соседские ребятишки не принимали Танюшку в свои игры.

Все это болью отдавалось в душе, но Костя не давал волю чувствам и сцепив зубы работал за троих. Взорвался он лишь один раз, когда, придя домой во внеурочное время, увидел, что жена укладывает чемодан. Плача, Ирма сказала, что не может вынести всего этого, что она не имеет права калечить любимому человеку жизнь и поэтому должна исчезнуть. Вспышка была короткой, и, взяв себя в руки, Константин начал успокаивать жену, а заодно и себя: «Мы с тобой, Ирма, честные советские люди. И доказать это окружающим сможем, не забившись от всех в глубокую нору, а только на виду у всех своими делами, всей своей жизнью».

Холодок недоверия вокруг Воиновых начал таять. На смену подозрительности пришло простое человеческое участие. Костя вскоре получил должность инженера в дистанции пути. Коммунисты станции уже обсуждали вопрос о восстановлении его в партии. Но грянула война...

В военкомате Воинову объявили о присвоении ему звания старшего лейтенанта и направили на Юго-Западный фронт. Со своей саперной ротой он отступал с боями в составе 6-й армии. Наводил переправы, взрывал мосты и заводские корпуса, чтобы не доставались врагу. В районе Умани гитлеровцы окружили остатки армии. Воинов попал в сводный отряд, который наскоро собирал генерал-майор Яков Григорьевич Тонконогов для прорыва вражеского кольца. Это был страшный в своем отчаянии бросок — почти безоружные люди шли на фашистские танки. В прорыв уходило около двух тысяч бойцов и командиров, а вышло к своим около двухсот человек. В этом бою Воинов получил два осколочных ранения и тяжелую контузию. Утром гитлеровские солдаты подобрали его и отправили на станцию Знаменка, где в открытом поле спешно оборудовался лагерь для военнопленных.

Четыре месяца провел Воинов в этом аду, который создали гитлеровцы на некогда цветущей кировоградской земле, — голод, пытки, травля собаками, изнурительная работа и за малейший проступок — смерть. Иногда ради развлечения охрана подпускала к проволоке местных жителей, приносивших военнопленным скудные харчи. И когда доведенные до отчаяния голодом люди бросались к еде, в зону спускались здоровенные овчарки или, захлебываясь, били с вышек автоматы охранников.

Постепенно вокруг Константина сколотилась небольшая группа надежных товарищей. Готов был уже разработанный в деталях план побега. Но в ночь на 10 ноября все это для него рухнуло. Военнопленные уже спали, когда его грубо растолкал эсэсовец и отвел в кабинет коменданта. Здесь кроме знакомого уже шарфюрера находился еще один офицер в общевойсковой форме. Гитлеровцы потягивали коньяк и, отпустив надзирателя, пригласили пленного к столу. Константину это показалось более чем странным. Разговор начал комендант. Он долго подбирал нужные русские слова, пока Воинов на чистейшем немецком языке не заметил, что необязательно говорить с ним по-русски. Офицеры многозначительно переглянулись.

— О, это меняет дело. Мы вызвали вас из барака, чтобы познакомиться с глупцом, который, самое малое, заслуживает порки на плацу.

— Я не знаю, чем я заслужил...

— Зато мы знаем. Мы все знаем о вас, господин Вои-

нов. Ваши бывшие сослуживцы оказались дальновиднее и умнее вас.

— Что я сделал, или чего я не сделал?

— Почему вы скрыли от нас, что вы есть коммунист, пострадавший от Советов?

— Меня никто об этом не спрашивал. И потом я не коммунист, а бывший коммунист, исключенный из партии четыре года назад.

— Это не имеет значения. И потом, почему вы умолчали о своей семье, о родителях жены?

Беседа длилась долго. Гитлеровцы интересовались местом жительства жены, дальнейшей судьбой ее родителей и других знакомых Воинова. В барак Воинов уже не возвратился. Здесь же в кабинете коменданта лагеря его переодели в довольно приличный штатский костюм и утром увезли на легковой машине в Кировоград. В тот же день Костя вместе с гитлеровским разведчиком вылетел в Полтаву.

На территории трикотажной фабрики он пробыл недолго. Выполнив все необходимые формальности, гитлеровцы поселили его на частной квартире, обеспечили всем необходимым и приказали молодой хозяйке хорошо смотреть за своим постояльцем. Скрытый смысл этого наставления Костя понял чуть позже, когда поздно вечером хозяйка без приглашения явилась к нему в комнату в довольно откровенном капотике. Воинову стоило большого труда ее выпроводить. Она ушла, презрительно поджав губы, что, правда, не помешало ей утром приготовить квартиранту отличный завтрак.

В течение дня к Воинову были приставлены два инструктора. Сменяя друг друга, они посвящали его в принципы шпионского ремесла, но в тонкости не вникали. Поняв, что для первого раза эти навыки ему не понадобятся, а на отработку их уйдет много времени, Константин старательно запоминал все, догадываясь, что методы подготовки агентуры могут заинтересовать советскую контрразведку. Решение сразу же после заброски явиться в советские органы госбезопасности он принял еще в кабинете коменданта Знаменского концлагеря.

Ускоренная подготовка Воинова заняла чуть больше недели. После беглой проверки знаний нового агента заместитель начальника разведшколы капитан Батцер заявил, что Воинов вполне готов для выполнения задания по ту сторону линии фронта. Ему присвоили агентурный номер, выдали тысячу рублей на расходы и, переодев в рва-

ную крестьянскую одежду, отвезли в прифронтовую деревню. В течение десяти дней он должен был выяснить, есть ли на Юго-Западном фронте реактивная артиллерия и в каких местах она располагается.

Все это Воинов рассказал в особом отделе фронта. Были приняты меры к проверке его показаний, а затем после неоднократных и обстоятельных бесед с ним Бориса Всеволодовича Дубровина Воинов согласился возвратиться в абверовское логово и сообщать нам обо всем, что там происходит. Костя просил лишь известить жену и отца, что он жив, но Дубровин честно ответил ему, что сейчас он сделать этого не может. Для всех он должен оставаться пока пропавшим без вести. В то же время Борис Всеволодович пообещал, что попросит астраханских товарищей позаботиться о его семье.

Так в сейфе Дубровина появилась еще одна напка, на обложке которой было выведено всего одно слово: «Луч».

Подготовкой Воинова Борис Всеволодович поручил заниматься опытному своему сотруднику лейтенанту госбезопасности Александрову. Работал он с Воиновым по двадцать часов в сутки, но Константину казалось, что он не замечает усталости. Еще свежи были в памяти наставления абверовских инструкторов, и он теперь мог оценить их методы. Для гитлеровской разведки человек, тем более русский, не представлял никакой ценности. Провалится один — велика беда — найдут другого. Поэтому во время работы с Александровым его поразила особая забота советской разведки о жизни своих людей, их конспирации. Его поведению в стане врага была посвящена добрая половина всех бесед. Отрабатывались и способы связи.

Гитлеровцев интересовали в данное время наши «катюши», и руководство особого отдела, чтобы придать достоверность собранной для Воинова информации, попросило командование фронта перебросить на время в район Обояни дивизион реактивных установок. Через несколько дней после ухода Воинова на ту сторону «катюши» «сыграли» здесь по скоплению фашистских танков и артиллерии.

Воинову была дана явка в Полтаве к одному из связных Харитона Карповича и, на крайний случай, пароль к связному от командира местного партизанского отряда.

Гитлеровцы остались довольны своим новым агентом и собранной им информацией. Его снова поселили у фрейлейн Кати, которая, судя по встрече, видимо, еще на

что-то надеялась, и выдали ему довольно крупную сумму оккупационных марок. Обнадеживало и другое. Хотя занятия по-прежнему проходили на квартире, Батцер лично вручил Воинову пропуск, позволяющий проходить на территорию школы и бывать в городе.

Воспользовавшись относительной свободой, Костя стал выходить в город и несколько раз это сделал даже вместе со своей хозяйкой. На третий или четвертый день он установил, что слежка за ним снята, но для верности решил еще повременить с посещением явки.

Премудрости закулисных дел абвера он усваивал быстро, и его гитлеровские наставники скоро убедились, что им самим в пору брать уроки у своего ученика. Однако руководство школы не спешило отсылать его в абверкоманду для получения нового задания за линией фронта. Как-то капитан Батцер предложил Воинову прочитать в школе ряд лекций по устройству русского железнодорожного полотна и мостов. Поскольку с азами диверсионного дела знакомили всех без исключения обучающихся, Костя быстро составил их словесные портреты и стал знать примерное количество готовящихся к заброске на нашу сторону. Это принудило его к ускорению установления контакта со связником для передачи собранных данных Дубровину.

Через пять-шесть дней он получил благодарность за присланные ценные сведения, и ему предлагалось делать все возможное, чтобы остаться в школе в занимаемой должности.

Видимо, Воинов преуспел в этом, потому что в один из январских дней Харитон Карпович обнаружил в своем тайнике короткую записку, написанную его связным, в которой сообщалось, что Константину приказано быть готовым к длительной командировке.

Дубровин получил донесение об этом, когда «Луча» в Полтаве уже не было. Долгое время о его судьбе мы ничего не знали. Но Борис Всеволодович не спешил «сдавать» его в архив, и он не ошибся.

...Транспортник развернулся над погруженной в темноту Полтавой и взял курс на запад. Костя с тоской вслушивался в надрывный гул моторов. В самолете ему сказали: «Летим в Варшаву». Что ждет его там? Увидит ли он когда-нибудь отца, Ирму и Танюшку? Вдохнет ли полной грудью воздух приволжских степей? Как сообщить

товарищам о своем новом назначении? Десятки вопросов и ни одного мало-мальски вразумительного ответа. Так выюжной январской ночью 1942 г. старший лейтенант саперных войск советский разведчик Константин Воинов летел в неизвестность.

В пригородном местечке Сулеювек нового преподавателя инженерного дела Варшавской разведшколы принял сам начальник штаба «Валли» полковник абвера Гейнц Шмальшлегер. Аудиенция была непродолжительной. Не вдаваясь в подробности его биографии и обязанностей, полковник заявил, что, если Воинов не оправдает оказанного ему доверия, он горько пожалеет об этом, близко познакомившись с гестапо. Одновременно предложил выдавать себя в школе за сына русского эмигранта, проживавшего сначала в Париже, а затем в Германии, где он, Константин, и выучил хорошо немецкий язык.

В курс школьных дел его вводили другие офицеры. На это ушло некоторое время. Трудно, очень трудно было справиться Косте с навалившимся на него чувством одиночества, с новыми обязанностями. Особенно удручало отсутствие связи со своими и полное бессилие что-либо предпринять для этого. Но он старался взять себя в руки, не расслабляться, не поддаваться нахлынувшей на него тоске. Главное, он жив и проник в один из центров вражеской разведки. Нужно терпеливо ждать и искать случай. Он обязательно представится.

Варшавская школа располагалась в двадцати километрах от столицы Польши. Под штаб «Валли» и канцелярию абвер занял здание бывшей богадельни, а учебные классы, радиостанция и казармы курсантов расположились в бараках на обширной территории, примыкавшей к вековому сосновому бору. Вскоре Воинов убедился, что Варшавская школа по праву считается образцово-показательным учебным заведением абвера. Здесь были созданы все условия для подготовки квалифицированной агентуры: прекрасно оборудованные классы для изучения различных дисциплин, необходимых для разведчика, полигоны для подготовки диверсантов-подрывников, просмотровые кинозалы и тщательно подобранная библиотека. Обеспечением агентуры документами занималась особая группа высококвалифицированных граверов и фальшивомонетчиков, собранных абвером из многих европейских тюрем. При этой группе находился специальный консультант, знающий советское гражданское и военное делопроизводство. Были здесь также мастерские, изготавлиющие

обувь, военное обмундирование и гражданскую одежду для агентов.

Третий, контрразведывательный отдел штаба «Валли» занимался тщательной фильтрацией кандидатов в шпионы и диверсанты, которых специальные сотрудники абвера вербовали в лагерях для советских военнопленных.

Другими словами, Варшавская школа была своего рода эталоном заведений подобного типа, и Воинов очень скоро понял, какую скрытную силу против Советской страны и ее армии таит она в себе. Сознание этого тяжелым пластом ложилось на сердце.

Но дни шли. Отзвенела капелю весна, лето уже клонилось к закату, сто двенадцать курсантов школы несколькими группами улетели в распоряжение фронтовых абверкоманд, все крикливей становились сообщения геббельсовской пропаганды о победных боях на сталинградском направлении, а связи с Дубровиным все не было.

За семимесячное пребывание в школе Воинов сумел раздобыть негативы фотографий ряда ее преподавателей и многих выпускников, составить характеристики на них, уточнить их клички, установить характер заданий и выяснить некоторые районы заброски. Все это пока мертвым капиталом покоилось из предосторожности во взрыв-пакете. Константин залил прорезиненный мешочек со своим донесением расплавленным в горячей воде толом. Терзаясь в поисках выхода, Воинов наконец решился на крайнюю меру...

24 августа 1942 г. в тридцати километрах северо-восточнее Астрахани выбросились с самолета на парашютах три гитлеровских агента. Все трое — Кузин, Паромов и Гузенко — в прошлом были командирами Красной Армии и после вербовки обучались в Варшавской разведшколе. После приземления эта группа задержана не была. Закопав в землю имеющиеся при себе радиостанцию, топокарты, оружие и десять тысяч рублей, они отправились в Астрахань и разыскали здесь особый отдел 28-й армии. Старший группы Кузин попросил дежурного по отделу проводить их к старшему начальнику. Через несколько минут Кузина, Паромова и Гузенко принял оказавшийся в это время на месте начальник особого отдела армии капитан госбезопасности Воистинов. Все трое сознались в своей принадлежности к гитлеровской разведке. Но заявили, что никакого вреда Советской стране они не при-

несли и приносить не собирались. В особый отдел они обратились по поручению одного из преподавателей Варшавской разведшколы, который просил Кузина разыскать товарища Борисова (служебный псевдоним Дубровина), который в конце 1941 г. работал в Воронеже, передать ему привет от человека, имеющего родственников в Астрахани, и вручить толовую шашку, внутри которой находятся очень важные сведения.

...Это произошло за неделю до заброски группы Кузина в советский тыл. Преподаватель, дежуривший в тот день по столовой, придрался к Кузину, который будто бы пытался дважды получить на свою группу порцию обеда. Он приказал Кузину явиться к нему в дежурную комнату при столовой для объяснения. Когда они остались вдвоем, преподаватель неожиданно взял его за плечи и сказал: «Я считаю, что ты, Кузин, остался советским человеком. Через несколько дней твоя группа уйдет на ту сторону. Если тебе дорога честь твоих детей и седины твоих родителей, куда бы ты ни попал на той стороне, попроси, чтобы тебя связали с особым отделом Юго-Западного фронта. Передашь там Борисову все, что я тебе скажу, и тем самым хоть немного отмоешь пятно позора, которым ты себя покрыл, подавшись в гитлеровские шпионы». Кузин с радостью ухватился за представившуюся ему возможность. По его словам, он и два его товарища про себя давно решили явиться с повинной, как только окажутся на нашей стороне.

В тот же день оперативные работники особого отдела армии доставили в Астрахань снаряжение шпионско-диверсионной группы, в том числе и толовую шашку, за которой из Сталинграда прилетел лейтенант госбезопасности Александров.

В день, когда объявился Воинов, Борис Всеволодович Дубровин ходил с внутренне приподнятым чувством. Для всех нас, и особенно для него, это было большим праздником. Человек, в которого он поверил, оправдал высокое доверие Родины. Он в невероятно сложных условиях сумел сделать невозможное. К. А. Воинова представили к высокой правительственной награде и попросили астраханских товарищей сообщить его жене и отцу, что Константин жив и, по имеющимся проверенным данным, отважно сражается в одном из партизанских отрядов на Украине.

Присланная «Лучом» «картинная галерея» и другие данные об абверовских сотрудниках и шпионах сослужи-

ли нам неоценимую службу. До 5 сентября 1942 г. работниками особых отделов Сталинградского и Юго-Восточного фронтов в полосе от Борисоглебска до Моздока были арестованы почти все 112 выкормышей абверовского гнезда, свитого под Варшавой.

Особого внимания заслуживало сообщение Воинова также и о том, что в районе местечка Сулеюевк группа предателей во главе с бывшим генералом Красной Армии формирует из военнопленных так называемую русскую освободительную армию и разного рода «национальные легионы». Эта информация была учтена Наркоматом внутренних дел, что позволило своевременно предпринять контрмеры, направленные на разложение изнутри этих антисоветских формирований.

Временная изоляция «Луча» окончилась. В глубокий гитлеровский тыл к нему был направлен связник с рацией. Константин Александрович Воинов полной мерой оправдал символику своего псевдонима. Ему удалось высветить один из самых тайных и темных арсеналов гитлеровского абвера.

Так в течение июля—сентября 1942 г. только по данным двух наших зафронтовых разведчиков — Николая Рахова и Константина Воинова — особистами Сталинградского и Юго-Восточного фронтов (бывший Юго-Западный фронт) было обезврежено более двухсот агентов. Адмирал Канарис был вынужден прекратить с конца сентября массовую заброску своей агентуры в тылы советских войск на сталинградском направлении. Это была наша крупная победа над абвером — срыв его планов в генеральном наступлении вермахта на юго-востоке нашей страны. Это был скромный вклад чекистов в великую победу, одержанную советским народом и его армией над фашистской Германией на Волге.

Попавшие тогда к нам в плен руководящие работники фашистских разведорганов, объясняя этот свой провал, вынуждены были признать, что они допустили просчет, делая ставку на массовое использование агентов из числа советских военнопленных, так как они оказывались ненадежными, сохраняли свою верность Советской Родине. Однако матерые абверовские разведчики не могли полностью объяснить причины своих провалов. Им было стыдно признаться в том, что советские контрразведывательные органы оказались на голову выше и сильнее их,

что главный просчет абвера был в недооценке таких постоянно действующих у нас факторов, как руководящая роль нашей Коммунистической партии во всех сферах государственной жизни страны, дружба народов СССР и морально-политическое единство советского народа, который всегда оказывал неоценимую помощь своим чекистам в их борьбе с врагами Родины.

В ДНИ ИЗГНАНИЯ ОККУПАНТОВ

РАСЧЕТЫ И ПРОСЧЕТЫ

В результате разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом стратегическая обстановка на советско-германском фронте в начале 1943 г. резко изменилась в пользу Советских Вооруженных Сил.

Но враг тогда был еще силен. Он рассчитывал взять реванш за поражение на Волге и достигнуть тех целей, которые ставил, начиная захватническую войну. Гитлеровское командование спешно производило перегруппировку сил. Блестящая победа советских войск под Сталинградом нанесла чувствительный удар и по гитлеровским разведывательным органам. В стане врага лихорадочно принялись за их качественную перестройку, выработку новой тактики и стратегии тайной войны.

В это время агентурные кадры абвера основательно пополнились за счет тех лиц, которые помогали оккупантам устанавливать «новый порядок» на временно захваченной советской земле. Главным образом это были «обласканные» фашистами разного рода чиновники: бургомистры, управляющие, старосты, переводчики, а также полицейские и т. п. Многих из них оккупанты не брали с собой при бегстве, передав абверу и войсковой разведке (1-Ц). Расчет у врага был прост: при освобождении советскими войсками своей территории такие люди могут быть призваны в Красную Армию, где станут вести подрывную и разведывательную деятельность.

В этих же целях противником использовались и некоторые советские военнопленные, которые, проявив малодушие, дали обязательства помогать гитлеровским контрразведывательным и разведывательным органам. Их отпускали к своим семьям и знакомым, проживающим на оккупированной территории. Расчет у противника был тот же: бывшие военнослужащие Красной Армии при освобождении ею от оккупации того или иного района на верняка вновь окажутся в рядах советских войск.

Задания всей агентуре из упоминаемой категории лиц заранее дифференцировались с учетом предполагаемого их должностного положения на нашей стороне.

Поединок разведок и контрразведок противоборствующих сторон с весны 1943 г. становился все более напряженным. Для обеспечения успешной борьбы с тайным врагом Советское правительство реорганизовало особые отделы в органы контрразведки «Смерш» («Смерть шпионам»), передав их из ведения НКВД в подчинение Наркомата обороны. Таким образом, на решающем этапе войны дело обороны страны и обеспечения государственной безопасности ее войск сосредоточивалось в одних руках. Этим еще больше приковывалось внимание командования фронтов, армий, корпусов и дивизий к работе наших контрразведывательных органов.

В это время Советское Верховное Главнокомандование готовилось к новому решающему сражению. Еще в середине марта оно начало сосредоточивать за тылами двух действующих фронтов — Центрального и Воронежского — свои стратегические резервы, оформленные затем во фронтовое объединение, называвшееся в разное время Резервным, затем Степным и позже — 2-м Украинским фронтом. Использование этих резервов предполагалось лишь в летнюю кампанию. Перед контрразведчиками нового фронта встала задача сохранить в полнейшей тайне существование крупнейшей группировки советских войск. Весной и летом 1943 г. наша деятельность была в основном подчинена решению этой важной задачи. К тому времени мастерство наших оперативных работников заметно возросло. Значительно упрочились наши позиции и в стане врага. От зафронтовых товарищей мы знали, что против советских войск, расположенных на юго-западном направлении, действовали «Абверкоманды-101, 101-А», «Зондеркоманды-203, 204» и филиал «Цепелина», находившийся в Кировограде. А поставщиками агентуры для этих органов являлись в основном разведшколы абвера в Полтаве, Смоленске и Варшаве.

Словом, накануне летней кампании 1943 г. в подрывной деятельности немецко-фашистских разведок против советских войск ясно прослеживались линии шпионажа, попыток разложения наших войск (на что гитлеровцы еще питали надежды), диверсий, террора и дезинформации.

Из того периода напряженной работы военных чекистов мне запомнилось несколько дел с разоблачением гит-

леровских шпионов, о которых и будет рассказано ниже.

...Майор Е. Р. Яровенко не был человеком чрезмерно впечатлительным. Но светящиеся стрелки на циферблате наручных часов ушли далеко за полночь, а сон все не шел. Поворочавшись на скрипучей лавке в крестьянской хате еще с полчаса, он встал и решил пройтись по легкому морозцу. Прогулка освежила. Замедлил свой лихорадочный бег по кругу калейдоскоп лиц, всплывающих в памяти, а успокоение не наступало. Вот уже второй месяц приходится ему вести разговоры с бывшими военнослужащими-окруженцами, явившимися в полевые военкоматы после освобождения от оккупантов восточных районов Курской и Харьковской областей. Разные люди, разные судьбы — и каждую нужно не только проверить, но и прочувствовать. Кто перед тобой: жертва трагических обстоятельств, трус, приспособленец или враг?

Порой трудно было ему, коммунисту, офицеру-чекисту, отступавшему с боями от западной границы до Волги, смотреть теперь в бегающие глаза тоже офицера, который на вопрос о документах односложно бубнил: «Утеряны во время боя». Но высшим гуманизмом советских чекистов того сурового времени было дать возможность человеку искупить вину, кровью смыть позор. В стране на учете был каждый человек, каждый штык.

Среди тех, с кем пришлось в эти дни беседовать майору Яровенко, особенно заинтересовала его личность подполковника Федора Захаровича Малахова. Предварительная проверка и опрос свидетелей, да и поведение Малахова, здесь, на фронтовом пункте сбора офицеров, вроде бы свидетельствовали о том, что он — честный человек. Однако что-то тревожило и настораживало в нем военного чекиста. И он снова и снова перебирал в памяти все, что знал о Малахове.

Накануне войны, будучи сотрудником особого отдела 5-й армии, входившей в состав Киевского особого военного округа, майор Яровенко слышал об офицере с такой фамилией. Командарм тогда лестно отзывался о Малахове, даже хотел заполучить его на службу в свой штаб. Но в то время Яровенко не довелось познакомиться с Малаховым. А в сентябре 1941 г. подполковник был зачислен в списки пропавших без вести.

И вот теперь, спустя полтора года, Малахов появился в отделе кадров фронта с вдовой погибшего летчика Брагина.

В первой же беседе Малахов рассказал Яровенко, как получил в бою под Черниговом тяжелую контузию. Он был в госпитале Конотопа, когда город заняли фашистские войска. Малахова пленили, но дали долечиться. Потом гитлеровцы отпустили его с условием, что он будет проживать на оккупированной территории у каких-нибудь родственников или знакомых. У Малахова в городе Мерефы имелся знакомый железнодорожник Григорий Федотович Котько. Туда и направился Малахов с разрешения гитлеровцев. Позже он перебрался к другим знакомым, в город Чугуев, якобы для того, чтобы в благоприятный момент перейти линию фронта. Однако такого момента не наступило. И он, Малахов, был вынужден устроиться в Чугуеве слесарем на завод трактородеталей, где ремонтировались гитлеровские танки и автотранспорт.

О гражданской жене Малахова — Раисе Лаврентьевне Брагиной майор Яровенко знал пока очень мало. В декабре 1941 г. в домике железнодорожника Котько появились три уставшие и продрогшие женщины, попросившие приютить их хотя бы на ночь. Женщины рассказали, что они — жены командиров Красной Армии, надеются перейти линию фронта и попасть к своим. Через несколько дней двое ушли от Котько, а Брагина осталась. И вот почему. Брагина вдруг решила поближе познакомиться с Малаховым. Она поведала ему, что ее муж был летчиком, который погиб в июле 1941 г. Полк, где он служил, стоял под Киевом, и поэтому Брагины жили в городе. А когда Киев заняли фашисты, начались массовые расстрелы жителей, она решила любым способом выбраться с оккупированной врагом территории. Тем более, ничто не удерживает: детей и близких родных у нее нет. У Малахова тоже не было детей, а с женой он развелся года за два до войны. Брагина жаловалась на свое одиночество, намекала Малахову на то, что им вдвоем легче будет добраться до своих. В конце концов Федор Захарович с этим согласился. От Котько они ушли в Чугуев и поселились на квартире у работницы мебельной фабрики.

Военным чекистам удалось установить, какой образ жизни вели Малахов и Брагина в домике железнодорожника, чем занимались и даже о чем говорили они долгими вечерами. В этих вопросах Яровенко тоже ничего противоречащего логике событий не обнаружил. Малахов работал, Брагина занималась домашним хозяйством. Как вспоминали соседи, они редко выходили из дома. Объясняли это тем, что не желают общаться с гитлеровцами.

Тем временем советские войска, сломав оборону врага, приближались к Чугуеву. Введенная гитлеровским командованием в бой на этом участке фронта эсэсовская дивизия «Адольф Гитлер» несла большие потери. Уже отчетливо слышалась приближающаяся к Чугуеву артиллерийская канонада.

Малахова, естественно, очень волновала предстоящая встреча с представителями Красной Армии. Он говорил об этом Брагиной, а она с горечью напоминала о своих постоянных попытках уговорить его вместе перейти линию фронта. Малахов действительно все не решался, тянул. Он понимал, что будет трудно объяснить военным чекистам слишком гуманное отношение гитлеровцев к нему, подполковнику Красной Армии, бывшему офицеру штаба Юго-Западного фронта. Как ни крути, а шестнадцать месяцев он, советский офицер, проживал на территории, оккупированной врагом, работал на них и пальцем не пошевелил для исправления создавшегося положения. В конце концов, можно сказать, что собирался уйти за линию фронта, но помешала болезнь. Только поверят ли?

— Ты должен сказать советским контрразведчикам всю правду, не выкручивайся, — поучала его Брагина. — Иначе какая-то фальшивая мелочь может запутать тебя и нас разъединят. А мы должны сделать так, чтобы нам остаться вместе на фронте. У меня очень большой счет к фашистам...

Эта на первый взгляд простая история не давала покоя майору Яровенко, гнала сон. Что-то настораживало его и в поведении Брагиной. Случайной ли была ее встреча с Малаховым? И еще одно странное обстоятельство давало Яровенко пищу для размышлений: Брагина сохранила в дни оккупации советский паспорт, а там указано, что она еврейка. Почему она не избавилась от этого смертельно опасного для нее документа, зная, что гитлеровцы истребляют евреев?

Утром Яровенко сформулировал свои сомнения в служебной записке. Руководство особого отдела Юго-Западного фронта согласилось с ним и приняло решение тщательно проверить Малахова и Брагину.

Майор Яровенко хорошо знал Киев. Он здесь жил, учился и с должности секретаря комсомольской организации электромеханического техникума был призван в 1939 г. на работу в органы государственной безопасности. Практику проходил в особом отделе Киевского военного округа и в 1940 г. был назначен на должность оперупол-

помощного особого отдела 5-й армии. В первые три тяжелейших месяца войны он с частями этой армии отступал от западной границы до Полтавщины. Потом был оставлен на работе в особом отделе Юго-Западного, а впоследствии Сталинградского и Донского фронтов. И хотя теперь перед Яровенко стояла трудная задача (города Мерефа, Конотоп, Чернигов, Киев, где должна была вестись проверка Малахова и Брагиной, еще были заняты оккупантами), она его не пугала. Он был знаком со многими офицерами штабов частей и соединений 5-й армии, в том числе и 22-го механизированного корпуса, находясь в котором в сентябре 1941 г., как показывал Малахов, он был контужен и пленен гитлеровцами.

Мы знали, что абверовцы вербовали женщин, в том числе и отдельных жен командиров Красной Армии, оказавшихся на оккупированной территории, и направляли их с разведзаданиями в расположение советских частей. К сожалению, подобными материалами особый отдел Резервного фронта тогда еще не располагал¹. Но они могли быть на других, «старых» фронтах, и прежде всего на Центральном, который до недавнего времени назывался Донским, а еще ранее — Сталинградским и Юго-Западным. Именно Юго-Западному фронту в труднейший период первого года войны пришлось отходить с боями из Львова, Житомира, Чернигова, Киева, Конотопа, Харькова. У чекистов этого фронта могли быть интересовавшие нас материалы. Туда и командировали майора Яровенко.

А пока Малахов и Брагина были направлены на сборный пункт офицерского состава фронта. Здесь подполковнику была временно предоставлена должность командира сводной офицерской роты, а Брагина устроилась машинисткой в канцелярии.

В сводной роте, которой командовал Малахов, дела пошли неплохо. И Брагина трудилась исправно. Жили они в расположении пункта, отдельно друг от друга, но встречались ежедневно.

Примерно через месяц Малахов поинтересовался у начальника отдела кадров фронта своей дальнейшей судьбой. Его беспокоило, когда и на какую должность он получит назначение. Об этом говорить было еще рано, так

¹ Все управленческие органы Резервного (Степного) фронта в тот период находились еще в стадии формирования.

как проверка Малахова продолжалась. Однако начальник отдела кадров фронта высказал предположение, что его могут назначить на должность заместителя командира танковой бригады. Малахов был крайне недоволен. Он, видимо, рассчитывал получить более высокую должность, с учетом своего довоенного положения в танковых войсках. Но в один из апрельских дней на пункт приехал начальник тыла армии. Он подбирал кадры в свой аппарат. Познакомившись с работой Брагиной, начальник тыла сразу же предложил откомандировать ее в свое управление.

Малахов после отъезда Раисы Лаврентьевны затосковал. Теперь некому было высказать мучившие его мысли. Волей-неволей он стал делиться ими с сослуживцами. Малахов откровенно говорил, что обеспокоен недоверием, которое проявляют к нему чекисты. Иначе, мол, чем объяснить столь длительную проверку его образа жизни на оккупированной территории? Как выяснилось впоследствии, он особо боялся проверки его по Конотопу, где могли найтись люди, которые знали о том, что он не был в госпитале. И теперь он с каждым днем все яснее себе представлял, что даже пребывание его в должности командира сводной роты зависит от дня изгнания фашистов из Конотопа. Вскоре Малахов обратился по телефону к начальнику отдела кадров фронта с просьбой помочь ему встретиться с майором Яровенко.

Свою новую исповедь в кабинете Яровенко Малахов начал словами:

— Пришел к вам, чтобы повиниться. При предыдущих встречах я не сказал вам всей правды о себе. На излечении в немецком госпитале в Конотопе я не был. В Конотопе я жил при штабе армии Гудериана и неоднократно встречался с ним.

Даже готовый ко многому, майор удивился:

— Как же это произошло? Расскажите все по порядку.

— 16 сентября 1941 года начальник штаба Юго-Западного фронта генерал Тупиков приказал мне выехать из Прилук в направлении Чернигова, разыскать на этом маршруте командование 22-го мехкорпуса и помочь ему связаться со штабом 5-й армии, — медленно, голосом смертельно уставшего человека начал Малахов. — Но этого мне сделать не удалось. Я добрался лишь до окрестности села Воловица и здесь при налете немецкой авиации был тяжело контужен. Пришел в себя через двое суток на

хуторе в доме колхозницы Кириченко. Она и еще одна женщина подобрали меня у Воловицы, в которой уже были гитлеровцы. Видя, что я советский офицер, решили укрыть. Но дня через три гитлеровцы появились и на хуторе. Так я попал в плен. Они поняли, что я командир, хотя Кириченко срезала с моей гимнастерки петлицы и нарукавные нашивки. Немцы обыскали меня, посадили на грузовую машину и повезли в направлении Бахмача. Других советских военнослужащих на хуторе не было, и в машине с немцами я оказался один. В пути в разговоре между собой они восторгались успехами своей 2-й танковой армии и ее командующего генерала Гудериана. Я сначала молча слушал их разговор, а потом на немецком языке сказал, что я знаю господина генерала Гудериана и в прошлом, когда он был еще подполковником, встречался с ним. Мое вступление в разговор на немецком языке произвело на них впечатление, и старший фельдфебель спросил у меня звание и фамилию. Я ответил.

— Зачем вы сказали фашистам о своем знакомстве в прошлом с Гудерианом? — спросил Яровенко.

— За прошедшие месяцы войны я уже много был слышан о расправах, чинимых гитлеровцами над советскими военнопленными. Я надеялся, что знакомство с Гудерианом спасет мне жизнь в плену.

— Что же было дальше?

— Поздно вечером мы приехали в Бахмач. Сюда фашисты стогнали пленных. А утром следующего дня меня представили офицеру. Он уточнил, действительно ли я в прошлом был знаком с генералом Гудерианом? Я ответил, что встречался с ним по долгу службы на маневрах. Но это было уже давно, лет десять тому назад. Мы с Гудерианом вели тогда обстоятельные беседы о роли танков в будущих войнах. После разговора с офицером меня сразу же отделили от других военнопленных. А потом отвели на квартиру, где я прожил четыре дня. Затем меня отвезли на легкой машине в Конотоп. Здесь в штабе армии я был принят Гудерианом.

— Гудериан узнал меня сразу, — продолжал Малыхов. — И, еще до того как предложить мне сесть, покровительственно сказал: «Вот что время делает с судьбами людей». Когда-то, дескать, мы были на равных служебных ступенях и считались большими специалистами бронетанкового рода войск. А вот теперь, спустя десять лет, один командует «армадой» танков и имеет чин гене-

рал-полковника, а другой так и остался в старом чине и «без всяких войск». Он не сказал «военнопленный», а просто подчеркнул «без всяких войск». Затем он начал говорить, что мои русские начальники якобы не захотели оценить меня по достоинству. Но чего не сделали они, могут сделать немцы, их командование. И он предложил мне должность при штабе его армии, что-то вроде советника или консультанта, обещая через месяц надеть на меня немецкий мундир с полковничьими погонами.

Я отклонил такое предложение и сказал, что не хочу быть по отношению к своей стране предателем. Потом добавил, что господин Гудериан, окажись он на моем месте, наверное, поступил бы точно так же. Гитлеровский генерал с безразличностью ответил: «Этого случиться не может. А вам, Малахов, теперь надо учитывать сложившуюся критическую обстановку для России. Сейчас каждому мало-мальски правильно мыслящему военному, к какой бы воюющей стороне он ни принадлежал, ясно одно: в войне победит Германия».

После этого Гудериан рекомендовал хорошо подумать о сделанном мне предложении и не спешить с ответом. «Вам надо сначала отдохнуть, а уже потом отвечать на такие предложения», — сказал он.

Майор Яровенко прервал рассказ Малахова и спросил:

— Какие еще вопросы задавал вам Гудериан? К чему он проявлял интерес, что спрашивал тогда о командовании нашего бывшего Юго-Западного фронта?

— Никаких других вопросов Гудериан мне не задавал, — ответил Малахов. — Он лишь спросил, где моя семья. Я ему ответил. А потом он перешел на воспоминания о наших прошлых встречах на учениях. Но об этом мы говорили недолго. И он предложил мне идти отдыхать.

Хозяйка квартиры, на которой разместили Малахова в Конотопе, видимо, в прошлом была учительницей немецкого языка. Она разговаривала теперь с ним только на немецком и проявляла заботу не только о его пище, но и о «духовном» воспитании. При каждой беседе она находила предлог похвалить немцев. Охрану этого дома нес часовая.

— Дней пять меня не беспокоили, — продолжал рассказывать Малахов, — а затем снова пригласили к Гудериану. На этот раз в его кабинете находился майор. Как потом мне стало известно, это был разведчик из ведомства адмирала Канариса. Фамилия его Фурман. Я ее точ-

но запомнил, так как на немецком языке она означает «извозчик». Фурман родился в Одессе, но в юности выехал в Германию. Он хорошо говорил по-русски.

Гудериан напомнил мне о его недавнем предложении. Я опять ответил отказом служить в гитлеровской армии. Тогда Гудериан ехидно улыбнулся и спросил: «Что же в таком случае нам с вами делать? Чего же вы хотите?» Я молчал. И в разговор вступил Фурман. «Может, вы хотите быть на стороне Красной Армии?» — спросил он. «Да, хочу», — ответил я. «Это можно сделать, — заявил Фурман, — только и на той стороне вам придется работать на господина Гудериана». Я ответил: «Нет, этого не будет». После такого ответа Фурман с разрешения Гудериана ушел. А Гудериан снова стал меня убеждать в ошибочности принимаемых мной решений. Он говорил, что война выиграна Германией и я, не соглашаясь с их предложениями, лишаю себя благ, которые мог бы получить после войны. Следовательно, не думаю о своем будущем.

Я молчал, в полемику с ним не вступал. Тогда он вызвал адъютанта и меня снова проводили на квартиру.

Прошло еще недели две. Штаб Гудериана уже выбыл из Конотопа, а я под охраной продолжал жить у «заботливой» хозяйки. Затем в Конотоп дошли слухи, что гитлеровцы взяли Харьков. И дня через три за мной пришла легковая автомашина с двумя сопровождающими. Ехали мы часов шесть молча. Вечером оказались в городе Севск Брянской области. На почлег меня определили в школу. А утром я вновь был принят Гудерианом. Он очень спешил, но снова спросил меня о моем решении. И я снова ответил отказом. Тогда Гудериан сказал, что он понимает меня и по отношению ко мне, как старому знакомому, сделает гуманный шаг. Он не будет передавать меня в гестапо, а отпустит из плена с единственным условием: не возвращаться в расположение советских войск, а остаться на жительство где-нибудь на занятой немцами территории. И сам же назвал такое место — Харьков. Он сказал, что на харьковских заводах будут ремонтироваться танки, а возможно, и производиться новые. Если я соглашусь, то он отдаст распоряжение предоставить мне там «большую работу». Я ответил, что «большой работы» принять не готов. И было бы лучше, если бы мне разрешили выехать под Харьков, на станцию Мерефа, жить там у моего хорошего знакомого и работать слесарем. Гудериан спросил: «Кто этот знакомый?» Я назвал Григория Федотовича

Котько — дальнего родственника моей бывшей жены. Гудериан что-то записал и сказал, что я получу ответ дней через пять. Но я его получил уже через два дня. Мне разрешили выехать в Мерефу, выдали аусвайс, обязали по прибытии туда в двухсуточный срок зарегистрироваться в комендатуре города.

Так я оказался у Котько. Он и его жена немало были удивлены моему появлению. С ними я не виделся лет пять. Я им рассказал лишь о том, что, будучи контуженным на фронте, попал в плен к фашистам, где все время болел. Меня отпустили из лагеря с условием, что я буду проживать на оккупированной территории у кого-то из своих родных или знакомых. Я выбрал их.

Как вы уже знаете, у Котько я познакомился с Брагиной. Поскольку она и я не были связаны семейными узами, мы решили тогда сойтись. Я в Мерефе работал в железнодорожном депо слесарем и ежемесячно являлся в немецкую комендатуру на регистрацию. В январе 1942 г. мне предложили зарегистрировать и Брагину, но не в комендатуре, а в бургомистрате. Пришлось это сделать. В феврале сорок второго мы с разрешения фашистских властей переехали жить в Чугуев.

— Я должен заявить, — сказал Малахов, — что с первых же дней знакомства с Раисой Лаврентьевной она все время склоняла меня к переходу линии фронта, чтобы быть со своими. Она настоящая советская патриотка и ненавидит фашистов. По профессии она машинистка высшего класса. И так же, как и я, знает немецкий язык, но об этом никому не говорит.

Майор Яровенко уточнил у Малахова еще ряд вопросов и отправил его в отдел кадров. В тот же день он на попутной машине прибыл на сборный пункт командного состава.

В особом отделе нашего фронта проанализировали материалы, привезенные Яровенко с Центрального фронта, и последнюю исповедь — покаяние Малахова, которое, кстати, не вызывало у нас особых сомнений. Все более интересной становилась личность Брагиной. Среди документов, с которыми Яровенко ознакомился на Центральном фронте, внимание военных чекистов привлекла запись допроса унтер-офицера 94-й гитлеровской пехотной дивизии Эрвина Штибе, взятого в плен в декабре 1942 г. под Сталинградом.

Из его показаний следовало, что в декабре 1941 г. он был офицером 507-го отделения полевого гестапо (ГФП),

которое находилось в Киеве. Однажды начальник отделения приказал ему лично расстрелять французскую журналистку, задержанную гестапо по подозрению в шпионаже. Каким образом оказалась журналистка в стане гитлеровцев, не было ясно. Впрочем, суть не в этом. Штибе отказался выполнить приказ и был предан военно-полевому суду, приговорившему его к смертной казни. Но эта мера наказания была заменена ему разжалованием в унтер-офицеры. Произошло это только потому, что буквально перед судом он успешно выполнил просьбу генерала Гудериана и абверовского офицера при его армии. Они обратились тогда в 507-е отделение ГФП с просьбой разыскать в Киеве «одну фрау». Фамилии ее унтер не помнил, а звали ее Руфимой. Еще в двадцатых годах она пыталась бежать в Германию, но была задержана советскими пограничниками и возвращена в Киев. И вот теперь, спустя двадцать лет, он, Штибе, все же смог ее разыскать и доставить в Конотоп к майору Фурману. Ей было уже сорок лет, внешне привлекательна.

Показания — вещь очень ценная. Но в данном случае живой Эрвин Штибе был просто незаменим. И снова Яровенко отправился в путь. Теперь уже на восток. А спустя некоторое время в расположении управления тыла нашего фронта состоялась встреча унтера с Раисой Лаврентьевной. Они столкнулись нос к носу при выходе из столовой, узнали друг друга и поздоровались. Раиса Лаврентьевна сделала знак Штибе и быстро завернула за угол. Но здесь ее уже ждал... майор Яровенко.

Брагина Раиса Лаврентьевна оказалась Боровской Руфимой Лазаревной, уроженкой Одессы. Там она окончила гимназию и двухгодичные курсы стенографии со знанием немецкого языка. Потом переехала в Киев и стала здесь любовницей одного из сотрудников германского консульства, с которым в двадцатых годах пыталась бежать в Германию. Затем несколько лет жила в Житомире. В 1936 г. вышла замуж за военного летчика, но через год разошлась с ним. Накануне войны возвратилась в Киев, где в ноябре 1941 г. ее разыскал офицер гестапо Штибе и доставил в Конотоп к майору Фурману. Тот объявил, что «немецкие друзья» хотят воспользоваться ее услугами.

Возражений со стороны Боровской не было. После нескольких обстоятельных бесед Фурман вручил ей паспорт на имя Брагиной Ревекки (Раисы) Лаврентьевны, выдал 500 рублей и отправил в Мерефу на квартиру к Котько, обязав познакомиться там с советским подполковником

Малаховым, войти к нему в доверие, а лучше стать его женой и склонить к выходу в расположение советских войск на харьковском направлении. Оказавшись на стороне Красной Армии, она должна была использовать служебное положение мужа для устройства машинисткой в какой-либо крупный штаб. Если же таких возможностей у Малахова не окажется, то самой явиться в военкомат и, как «жене погибшего летчика», предложить свои услуги для службы в Красной Армии, где обязательно заслужить доверие высокого командования. Достигнув этой цели, Боровской вменялось в обязанность быть в курсе жизни и дел командования. Ничего не записывать, а только запоминать. За сведениями к ней будет приходить курьер с паролем. Чтобы иметь возможность в любой день встретить его, она должна проживать на частной квартире и ходить на работу и с работы одна.

Для убеждения Малахова, что она является женой погибшего летчика, Фурман рекомендовал ей в пути до Мерёфы познакомиться с двумя-тремя женщинами, уходящими на восток, и рассказать им свою легенду.

Боровская показала, что войти в доверие к Малахову ей особого труда не потребовалось. Но склонить «этого труса» к переходу линии фронта так и не удалось.

Чтобы у читателя не сложилось мнения о даже косвенной причастности Малахова к разоблачению шпионки, отмечу, что люди такого пошиба в тот период представляли для гитлеровской разведки большой интерес. Любой моральный изъян, любое проявление соглашательства брались на вооружение врагом. Тактика абвера заключалась в том, что, не надеясь на открытое предательство наших военнослужащих, он использовал их втемную, делал ставку на те душевные и моральные качества, о которых сами люди предпочитали умалчивать.

Честно и мужественно поступил Малахов, отвергнув покровительство Гудериана. Однако не смог проявить стойкость до конца. Результат этого уже известен...

Но в тот период войны в нашей практике были случаи и посложнее, когда чекисту приходилось свои личные добрые чувства к человеку, стойчески выносившему все тяготы суровой войны, ставить под сомнение.

Однажды оперработник майор Ключников доложил автору этой книги о фактах, компрометирующих одного из старших офицеров 40-й армии. Назовем его полковником Гавриным.

Военная судьба свела меня с ним еще ранней осенью

1941 г. Тогда он занимал ответственный пост в штабе другой армии, входившей в состав Юго-Западного фронта. Жестоко обошлась судьба с этим человеком — бывшим прапорщиком старой русской армии. Жена и сестра Гаврина погибли во время эвакуации. Единственный сын, студент второго курса Всесоюзного государственного института кинематографии, ушел в московское ополчение и тоже погиб.

С сына все и началось. Примерно за год до войны во время вступительных экзаменов во ВГИК он встретился с Ритой Тараскевич из Белоруссии. Он поступил, она — нет. Но молодые люди полюбили друг друга. Целый год переписывались, дважды Рита приезжала в Москву, познакомилась с родителями жениха. Вопрос о свадьбе был решен. Но началась война. И обстановка сложилась так, что армия, в штабе которой служил полковник Гаврин, отступала через белорусский городок, в котором жили Тараскевичи. Эвакуироваться они не могли, так как мать только что перенесла инсульт. Родители упростили полковника спасти хоть дочь.

В свои двадцать лет Маргарита не имела никакой специальности, и ее определили на работу в столовую начсостава штаба армии. Как выяснилось потом, «будущей кинозвезде» это не очень нравилось, но полковнику она об этом так и не успела сказать. Шли тяжелейшие месяцы войны. Армия уже находилась на территории Курской области, когда пришло извещение о гибели Гаврина-младшего. Но это страшное известие для отца не стало горем для пустой, самовлюбленной девчонки. У нее начала вызревать мысль о предательстве Родины.

Всю зиму 1941/42 г. армия, в которой воевал Гаврин, вела тяжелые бои на обоянском направлении, а в марте полковника назначили с повышением в штаб соседней 40-й армии. Вскоре сюда, в столовую, по его просьбе была переведена и Тараскевич. Полковника можно было понять. Для него Маргарита была единственным напоминанием о самом близком человеке.

Но Тараскевич уже созрела для предательства. В конце июня 1942 г. она решила «задержаться» в оставляемом нашими войсками городе, создав перед хозяйкой квартиры видимость, что опоздала к отходу штабных автомашин. Так Маргарита Тараскевич оказалась на территории, оккупированной фашистами. Когда их линейные части продвинулись на восток и в городе остался лишь небольшой гарнизон, а затем стали организовываться органы власти

«нового порядка», явилась в бургомистрат и предложила создать в городе театр. Ее предложение одобрили, но для окончательного решения этого вопроса направили в СД. После разговора здесь она попала к абверовскому офицеру, которого очень заинтересовал рассказ Маргариты о ее работе в столовой штаба 40-й армии и о ее близком знакомстве с полковником Гавриным.

Вскоре несостоявшаяся артистка начала выступать в сумском театре-балагане для немецких офицеров. Она сразу же попала в поле зрения наших зафронтовых товарищей.

Вот примерно все, о чем доложил мне в рапорте военный чекист майор Ключников. Но пока мы размышляли, как бы поделикатней побеседовать на интересующую нас тему с полковником Гавриным, он сам позвонил в отдел контрразведки «Смерш» армии и сообщил, что Тараскевич «удалось прорваться» через линию фронта. В тот же день с ним состоялся доверительный разговор. Подробности его опустим.

Мы могли арестовать Тараскевич, но решили пока этого не делать. Ее допустили к работе в столовой армейского госпиталя. Вскоре нам стало известно о том, что, направляя шпионку на нашу сторону, абверовцы дали ей задание: обязательно возвратиться на свою «старую работу» в столовую штаба, используя для этого знакомство с полковником Гавриным.

В результате тщательного наблюдения за ней через несколько дней удалось установить, что в каждые понедельник и среду с 17 до 17 час. 30 мин. она появляется у здания почты города, в котором располагался штаб. Сюда в один из майских дней 1943 г. к ней пожаловал связник. Обменявшись паролями, они побеседовали минут пять и разошлись. Связник был задержан. Им оказался некий Блицкерн.

Анализируя линию поведения абверовцев, и особенно явный риск с направлением Тараскевич к Гаврину, а потом к ней своего курьера, мы были в некотором недоумении. Что это? Непродуманность, опрометчивость или стремление нашего противника завязать с нами игру? Но вскоре мы убедились, что к этому его принудила сложившаяся обстановка на фронте.

Летом 1943 г. гитлеровскому генералитету безотлагательно нужны были данные о планах нашего командования. Не исключали мы и влияния прусской надменности — пренебрежение к «нечеловекам», вера в то, что

другие глупее их и что все должно вершиться так, как было задумано в «Абверкоманде-101». Но это пренебрежение вновь привело их к провалу.

В день встречи Блицкерн и Тараскевич мы решали, как поступить со шпионкой. Высказывалось пожелание воспользоваться ее «услугами» на той стороне. Но это было рискованно. Подготовка к летнему наступлению подходила к завершению, и малейшая утечка информации могла принести большой вред. Остановились на аресте.

Прошло дня два-три. Поздним вечером меня вызвал к себе начальник управления контрразведки «Смерш» фронта. У него я застал... полковника Гаврина. И сейчас, спустя десятилетия, я не знаю, что мне принесло тогда большую радость — проведенная операция по аресту двух агентов врага или то, что я со спокойной совестью мог пожать руку этому замечательному патриоту нашей Родины.

И ЧИСЛОМ И УМЕНИЕМ

Не достигая успеха в операциях по внедрению агентуры в крупные штабы советских войск и подразделения, обслуживающие их, руководство абвера стремилось компенсировать просчеты своих разведывательных служб в других местах, главным образом на коммуникациях наших фронтов. Особое внимание уделялось тылам советских войск по линии фронта от Дмитровск-Островского до Волчанска. Они располагались здесь в так называемом Курском выступе.

Забегая несколько вперед, скажу, что в этом был серьезный стратегический просчет абвера. Даже не имея других разведывательных данных (а они у советского командования были), сам факт интенсивной заброски шпионов и диверсантов именно на этом направлении должен был насторожить советскую контрразведку и разведку, тем более что и здесь абвер терпел крупные неудачи. Многие из его агентов задерживались сразу же после их выброски, а некоторые являлись с повинной. Таким образом, мы могли получать данные о проявляемом противником интересе к советским войскам от самих его исполнителей, и даже больше — знать от них обстановку у врага.

Массовая заброска гитлеровских агентов обязывала оперсостав органов «Смерш» быть в постоянной боевой готовности. В оперативно-розыскной работе огромную помощь оказывало нам местное население. Бдительно нес

службу и личный состав постов ВНОС, осуществлявший контроль за воздухом. Да и наши позиции в стане врага, в его разведывательных органах и школах, к весне 1943 г. были несравнимо прочнее, чем прежде.

В большинстве случаев мы знали заранее о времени заброски абверовской агентуры, а иногда и о местах предполагаемой ее выброски и даже приметах отдельных агентов. Один случай мне запомнился особенно. В нем как бы сконцентрировалось все то, чем мы были сильны и что напрочь перечеркивало усилия подручных Канариса.

Мы получили сообщение от нашего зафронтового разведчика (назовем его Оводом) о том, что в ночь на 1 мая 1943 г. готовится выброска шести разведывательно-диверсионных групп в тылы нашего и соседнего Юго-Западного фронтов.

В сообщении Овода также отмечалось, что одна из этих групп может представлять для нас особый интерес. Она состояла всего из двух человек, одетых в форму Красной Армии: капитана и лейтенанта. Диверсанты имели на руках несколько офицерских удостоверений на разные фамилии и предписания, в которых указывалось, что они, офицеры тыла крупного воинского соединения, командируются в населенные пункты для заготовки продовольствия. Тогда нам удалось задержать только три группы. Остальные надо было еще искать на территории примерно до 600 км по фронту и 200 км в глубину. Поиск начался без промедления, однако в течение двух последующих суток положительных результатов он не дал.

3 мая около шести часов утра «капитан» и «лейтенант» вышли на опушку леса у деревушки Подгорье. Шагах в ста от них двое детей пахали небольшое поле. Девочка лет девяти тащила за собой худую корову, а мальчик лет двенадцати, держась за чапыги однолемешного плуга, старался проложить прямую борозду. Минут через пять пахари и корова совсем выдохлись. Мальчик оторвался от плуга и только тогда увидел неподалеку двух военных. Он что-то шепнул девочке, и та, бросив налыгач, побежала в деревню, а он смело пошел к стоявшим.

— Здравствуйте. Не заблудились, часом?

— Здравствуй, — ответил «капитан». — Все нормально. А ты кто такой?

— Я — Коля Тургунов. Вон из той деревни.

По логике фашистской разведки такого смелого свидетеля требовалось немедленно ликвидировать. Но, как

потом давал показания «капитан», у него от этой мысли «все внутри перевернулось». Он вдруг особенно остро ощутил, как низко пал, его обожгло чувство стыда перед Родиной и беззащитным мальчишкой. Может быть, теперь и его сын Сергей, такой же босоногий пацан, пашет в Приобье. А он, «без вести пропавший» отец, стал убийцей, верой и правдой служит фашистам. И, сглотнув подкативший к горлу комок, он сказал:

— Мы ищем немецких диверсантов, которых два дня тому назад выбросили с самолета.

— Я так и понял, — ответил Коля. — Вот и послал Наташку в деревню за молоком. Вчера тоже искали здесь диверсантов, но будто бы не нашли. Очень стомились солдаты и заходили в деревню молоко пить.

— Мы тоже устали, — сказал «капитан». — Значит, говоришь, побежала в село за молоком? Это — хорошо! Наша полуторка сломалась, и мы ее с водителем и бойцами оставили километрах в четырех отсюда. Будем добираться в часть по железной дороге. Далеко еще до станции Карповка?

«Капитан» посмотрел на карту в планшете.

— Это не станция, а полустанок, — ответил Коля. — Станция Карповка не здесь. Она правее. А на этом полустанке поезда не останавливаются и вы не сможете там сесть на поезд.

— Ничего, попросим начальника полустанка, он остановит.

Молчавший до этого «лейтенант» включился в разговор:

— А может, у вас в колхозе есть какая-нибудь машина? Доедем на ней до Острогжска, а там заправим и возвратим. И ты поехал бы с нами.

— Нет в деревне машин. Да и правление колхоза находится в соседнем селе Тристенки. Здесь живет только одна бригада колхоза. Сейчас она на дальнем поле. Сеют просо. А вот мы с Наташкой пашем под огороды.

Коля глубоко вздохнул и продолжал:

— Мужики все на фронте. Многих убили. Погиб на фронте и наш отец...

По полю от деревни шли девочка и старуха, опирающаяся на палку. Девочка несла крынку. Они подошли и поздоровались. Коля взял у сестренки крынку с молоком и подал «капитану». Тот жадно стал пить. Потом передал крынку «лейтенанту». «Капитан», обращаясь к девочке, похвалил молоко. А старуха спросила:

— Кто же вы, родненькие, будете и откуда идете?

За военных поспешил дать ответ Коля:

— Они ищут немецких диверсантов, сброшенных с самолета. У них сломалась машина, и они теперь идут на полустанок, чтобы там сесть на поезд.

Бабушка осведомилась:

— Нашли ли извергов? Говорят, что у немцев в диверсантах служат какие-то русские. Неужели такое может быть?

— Нет, бабка, мы пока не нашли диверсантов, — ответил «капитан».

— Плохо. Вчера тоже искали и не нашли, — сказала бабушка. — А вам не приходилось на фронте встречаться с Тургуновым Петром Алексеевичем, моим сыном, а вот их отцом. — Старуха показала на детей. — Уже второй год не имеем от него весточки. Кто говорит, что погиб, а кто — пропал без вести.

— Нет, бабка, мы с Тургуновым не служили и на фронте не встречались. Спасибо за молоко. Ну, лейтенант, нам пора. Пошли, — заспешил «капитан».

«Лейтенант» поднялся с земли и молча побрел по полю в сторону полустанка. «Капитан» направился следом.

Как он потом утверждал, после этой встречи ему до боли хотелось пристрелить идущего впереди «лейтенанта».

Николай, как только военные отошли подальше, затараторил:

— Бабуля, так это и есть те диверсанты, которых ищут. Мне вчера офицер обрисовал их приметы. Я побегу в Тристенки к деду Акиму. Офицер сказал, что, если встречу похожих, надо немедля сообщить в сельсовет деду Акиму. А он уже знает, что делать дальше.

— Ты, Николка, часом, не очумел? — перекрестилась старуха. — Откуда тебе известно, что это немецкие диверсанты? Диверсанты постреляли бы нас, а эти поговорили задушевно. Да и пошли они не в лес, а на станцию.

— Бабуня, ты смотри, — настаивал Николай, — они ищут диверсантов, а не знают ни названия нашего села, ни полустанка. И лейтенант сказал, что если бы у нас в селе была грузовая автомашина, то они поехали бы на ней в Острогжск и меня с собой взяли. По-моему, они толком даже не знают, где находится Острогжск. А разве можно искать и ничего этого не знать? Да и то, что Наташка побежала домой, я заметил, их напугало. И обмундирование, и планшетки у них новенькие: не такие,

как у наших вчерашних. Ей-богу, они. Те, которых ищут... Так я побегу.

— Но до Тристенок неблизкий путь, — сказала бабушка.

— Они пошли шагом, а я — бегом. В сельсовете буду через час. Сначала побегу по оврагу, а когда отсюда буду уже далеко, то выйду на поле. А вы с Наташкой начинайте пахать, чтобы они, если оглянутся, видели, что мы нашим.

И Николка побежал.

Часа два спустя в Острогожске из расположения отдела контрразведки «Смерш» танковой армии вышли две автомашины с оперативными группами: одну из них возглавлял майор И. А. Пояркин, а другую — капитан Ф. В. Андреев. Пояркин направился на станцию, а Андреев — на полустанок Южный. Примерно еще через два часа следовавший с юга в направлении Острогожска товарный эшелон был остановлен у входного семафора. С тормозной площадки одной из цистерн чекисты сняли «капитана» и «лейтенанта». У них были изъяты радиостанция, шифры, коды, чистые бланки расчетных книжек трех наших частей и 52 тысячи советских денег.

При задержании они не оказали сопротивления и на первом же допросе сознались, что являются абверовскими агентами. «Капитаном» оказался бывший командир саперной роты Тишин, а «лейтенантом» — бывший командир радиовзвода Федин (назовем их так). Попад в гитлеровский плен, они были отправлены в Дарницкий концентрационный лагерь, в котором фашистские разведорганы и гестаповцы вели активную работу по подбору кадров. Абсолютное большинство военнопленных с презрением относилось ко всем посулам врага, но попадались и отдельные идейно не стойкие лица, которые шли в услужение к фашистам. Среди них были Тишин и Федин. После четырех месяцев пребывания в лагере они дали согласие идти в гитлеровские шпионы. При этом якобы желали надежду на возможность возврата к своим.

В июне 1942 г. Тишин и Федин были направлены в Варшавскую разведшколу. Потом их как специалистов саперного и радиодола назначили инструкторами в «Зондеркоманду-203». Но в конце апреля 1943 г. Тишину и Федину приказали готовиться к высадке в тылы советских войск. Приказ, естественно, испугал изменников Родины. Начальник «Зондеркоманды-203» капитан Рейнгардт был вынужден подбодрить Тишина, «доверительно» по-

бещав, что это «первое и последнее» для него трудное задание. В тылу красных им придется быть не более двух месяцев. Немецкое командование готовит грандиозное наступление, с началом которого они получат распоряжение о возвращении. А к осени 1943 г. война закончится «победой Германии», и тогда Тишин и Федин получат обещанные блага и почести от рейха.

В соответствии с абверовским заданием Тишин и Федин стали «офицерами-заготовителями». По предположению руководства зондеркоманды, это обеспечивало им свободное передвижение по тылам двух наших фронтов. От них требовалось взять под контроль передвижение всех воинских эшелонов и транспортов через узловую железнодорожную станцию Лиски. Кроме того, они должны были активно общаться с населением Аннинского, Бутурлиновского, Острогожского и Лискинского районов и из разговора черпать сведения о местах сосредоточения советских войск. Сведения передавать в центр по радио по вторникам, четвергам и субботам с пяти до шести утра.

Склонен верить, что вплоть до разгрома на Курской дуге фашистских войск у начальников этих агентов не было ни малейшего основания упрекнуть их в бездеятельности. Мы обеспечивали абвер такой обильной «информацией», что капитан Рейнгардт, доведись ему попасть в район станции Лиски, от деревни к деревне смог бы пройти с завязанными глазами. Тишин и Федин без малейших колебаний включились в эту игру. Как недавние инструкторы зондеркоманды, они добавили много интересного и важного к тому, что мы уже знали о действующих против нас гитлеровских разведывательных и диверсионных органах.

От них мы получили данные на 107 агентов, заброшенных в апреле и предполагаемых к заброске в мае 1943 г. Тишин и Федин также показали, что начиная с апреля при «Зондеркомандах-203 и 204» будет постоянно содержаться резерв агентуры в 120—150 человек в каждой. Пополнение сюда будет поступать в основном из Варшавской и Полтавской разведшкол. Но эти школы в ближайшее время должны перебазироваться в другие места: Варшавская — под Кенигсберг, а Полтавская — в Кировоград или Кривой Рог. Необходимость перевода Варшавской разведшколы руководители абверовских органов объясняют тем, что она более двух лет находится на одном и том же месте и советская контрразведка мно-

гое о ней знает. Поэтому якобы и происходят провалы агентов, подготовленных в этой школе, после заброски их в расположение советских войск. Перебазирование Полтавской разведшколы мотивировалось приближением к Полтаве фронта, что стало отрицательно сказываться на моральном состоянии обучающихся в ней агентов.

Заинтересовал нас и тот факт, что руководящие офицеры «Абверкоманды-101» и «Зондеркоманды-203» в разговорах между собой упоминают о недовольстве Гитлера делами абвера на восточном фронте и что по его приказу Гиммлер еще в 1942 г. создал новый разведывательно-диверсионный орган под названием «Цеппелин». Он стал конкурировать с абвером. Филиал такого органа, ведущий подрывную работу против советских Воронежского, Юго-Западного и Южного фронтов, находился в Кировограде. «Цеппелин» при подборе кандидатов в агенты отдавал «предпочтение» военнопленным летчикам.

Руководство абверовских органов групп войск «А» и «Юг» было тоже очень обеспокоено провалами своей агентуры. Срочно вносились коррективы в методы ее подбора и заброски в тылы советских войск. Руководителей абвера подстегивало и то, что успехи Красной Армии сказывались на настроении агентуры. Ее контингент значительно сократился. Пополнять агентурные кадры приходилось главным образом за счет предателей, работавших на гитлеровцев на оккупированной территории. Но такой сброд абвер не мог использовать в полной мере, так как советская контрразведка быстро обезвреживала его. Поэтому основным местом вербовки агентов пока оставались лагеря военнопленных. Однако принцип подбора их здесь должен был несколько измениться. В чем конкретно произойдут изменения, Тишин и Федин не знали.

Вносились коррективы и в метод заброски разведывательно-диверсионных групп. Поскольку кратковременное пребывание агентов в зоне советских войск желаемых результатов абверу не приносит, было решено четко делить задания на разведывательные и диверсионные. По мнению гитлеровской разведки, сочетая в тылу советских войск то и другое, их агенты не могут сосредоточить свои усилия на сборе важной информации, тем более что диверсионные акты, как правило, затрудняют возможность доставить полученные сведения через линию фронта. Дескать, такие акты сразу же приковывают внимание советских военных чекистов и местного населения, а это ведет к провалам агентов.

Одновременно вносились изменения и в экипировку забрасываемых агентов с разведывательными и диверсионными заданиями. Раньше они зачастую забрасывались в форме рядовых и младших командиров Красной Армии. Это крайне сковывало их действия, потому что приходилось избегать встреч с офицерами, которые могли их задержать. Теперь агентов-разведчиков было решено забрасывать под видом офицеров из тыловых органов (заготовителей или организаторов сбора трофейного имущества и вооружения), что будто бы создавало им условия более свободного передвижения по территории, занятой советскими частями.

Уже с учетом всех этих изменений и были заброшены Тишин и Федин. Но особого желания выполнять абверовское задание, как заявили они, не имели. А после встречи с пахавшими детьми и старухой были полностью деморализованы. Они были рады, когда их задержали.

Все данные, полученные нами от Тишина и Федина, представляли для работников «Смерш» большой интерес. Они дополняли и подтверждали уже имевшиеся у нас материалы об обстановке в гитлеровских разведорганах. Но главное, военным чекистам стало ясно, что абвер и гитлеровское командование ничего не знают о создании нового, Степного фронта.

5 июля 1943 г. относительное затишье на юго-западном направлении советско-германского фронта закончилось и гитлеровское верховное командование приступило к осуществлению крупнейшего наступления — операции «Цитадель». Готовилась она долго, всесторонне и тщательно. Ее исполнение было возложено на войска группы армий «Юг» и правого фланга группы армий «Центр».

Здесь были сосредоточены лучшие корпуса и армии вермахта, оснащенные новейшей техникой и оружием. Командовали ими опытные и наиболее преданные Гитлеру фельдмаршалы и генералы.

Гитлер и его сподручные надеялись, что успешное проведение операции «Цитадель» позволит решить вставшие после поражения под Сталинградом задачи: вернуть утраченную инициативу, изменить ход войны в свою пользу, внести разлад в антифашистскую коалицию, предотвратить распад блока фашистских государств и их сателлитов.

Итоги битвы на Курской дуге достаточно хорошо известны. Советское командование не дало застигнуть себя врасплох. Наши войска были готовы здесь не только к

отражению ударов врага, но и к нанесению ему мощных контрударов. Советские воины показали высокую боевую выучку, непревзойденные образцы упорства, стойкости, мужества и героизма. Победа Красной Армии на Курской дуге явилась одним из важнейших событий Великой Отечественной войны. Она открыла новые величественные перспективы борьбы с немецким фашизмом и освобождения захваченной врагом советской земли.

Эта победа была и ударом по гитлеровским разведывательным и контрразведывательным органам, особенно по находившимся при группе армий «Юг».

В Харькове и Полтаве нам удалось захватить некоторые документы разведорганов противника, их школ, курсов, а также ценную документацию СД, ГФП, СС и полиции, что также представляло для нас большой интерес. Этот оперативный «багаж» дополняли гитлеровские прихвостни, арестованные или явившиеся к нам с повинной. И разумеется, очень ценную информацию в те дни мы получали от наших зафронтовых товарищей.

Все эти источники «оперативных накоплений» повседневно и повсечасно выдвигали перед советскими военными чекистами новые задачи.

Судя по всему, враг опять пытался поправить дела в своем шпионско-диверсионном ведомстве. Нам, например, доподлинно стало известно, что Варшавская разведшкола перебазировалась в Восточную Пруссию и расположилась в лесу, километрах в шести от Кенигсберга. Наскоро выстроенные бараки были рассредоточены на большой территории. По мнению руководства гитлеровской разведшколы, изоляция групп будущих агентов друг от друга сократит провалы агентуры при ее заброске в расположение советских войск. Ускорили и срок обучения в ней, заменили многих преподавателей и усложнили принцип подбора «слушателей». Теперь между концлагерем, откуда поступали кандидаты в шпионы и диверсанты, и школой появилась еще одна инстанция — сборный пункт. Здесь военнопленные подвергались антисоветской обработке, определялась их благонадежность и способность быть агентами гитлеровской разведки. Этими мерами руководители абверовских органов также надеялись сократить случаи провалов своей агентуры.

Продолжали гитлеровцы совершенствовать и способы заброски к нам агентуры, более тщательно стали отрабатывать характер даваемых ей заданий. При этом заброска агентуры должна была происходить не только по

воздуху, но и по суше, путем переходов, прорывов через линию фронта пешим порядком и даже на машинах. Агенты в тылу советских войск должны были выдавать себя не только за заготовителей и организаторов сбора трофеев, но и за военнослужащих полевых комендатур, дорожно-регулирующих служб, контрольно-пропускных пунктов.

Словом, враг не собирался сдаваться и прибегал к новым ухищрениям. Но за этими «реформами» угадывалась агония. Разгром гитлеровцев на Курской дуге ни у кого уже не вызывал сомнения, что их карта бита. Надеяться захватчикам было не на что.

Еще 16 июля 1943 г., на четвертый день после величайшего танкового сражения под Прохоровкой, в управлении контрразведки «Смерш» Степного фронта было получено срочное донесение нашего зафронтового разведчика Овода.

«Здесь ¹, — сообщал он, — растерянность полнейшая. Руководители готовятся «класть головы на плаху». Фюрер не простит провала. Замыслы советского командования и силы, сосредоточенные им на курском направлении, были полной неожиданностью. Ничего не знали в Берлине и о наличии у нас Степного фронта. Завтра мы уходим в Умань. Там, видимо, будут только руководящие органы, а школы и курсы, предположительно, в Кировограде, Кривом Роге, Запорожье, Львове. Полагают «перевести дух», прикрывшись Днестром. В порядке отмщения и оправдания перед старшими сегодня ночью в Кировограде расстрелян один из инструкторов «Зондеркоманды-204» по имени Миша. Он заподозрен в причастности к провалам агентуры, забрасываемой на нашу сторону.

Два дня назад из Полтавы исчезла сотрудница городского СД — некто Мария, армянка по национальности. Работала у немцев около двух лет, имела доступ к картотеке. Полагаю, что с ней исчезли и некоторые документы. СД очень обеспокоено этим и вместе с «Командой-101» ведет активный ее розыск.

¹ В абверовских органах в Полтаве, находившихся при командовании группы армий «Юг».

С Платоном виделся сегодня. Это сообщение он передаст через партизанскую радиосвязь. Его вышла из строя. Мой подробный отчет он оставит у Петра, который будет его хранить до вашего прихода сюда.

Платону его хозяин не предложил уходить с ним, хотя дед и «просил» об этом. Не исключено, его передадут СД и оставят для «работы» в Полтаве.

15.7. 1943 г.

Овод».

Поскольку в данном донесении упоминаются некоторые имена, то теперь, спустя сорок лет, считаю возможным, хотя бы коротко, сказать о них. Вклад этих людей в наше общее дело переоценить трудно.

Оводу было примерно 42 года, он москвич, сын крупного нефтепромышленника России, эмигрировавшего в первые годы Советской власти за границу. Мать Овода, в прошлом учительница, осталась в России с сыном. Овод имел высшее образование, отлично знал русский, азербайджанский, армянский, немецкий и французский языки, имел родственные связи в Германии, Франции, США и Китае. В Красную Армию был призван из запаса в июле 1941 г. и служил переводчиком в штабе стрелковой дивизии. На Юго-Западный фронт прибыл в октябре того же года.

В то время две армии Юго-Западного фронта вели бои за чугуевский плацдарм. Они основательно потрепали 44-ю и 297-ю гитлеровские пехотные дивизии и взяли в плен несколько сот вражеских солдат и офицеров. В их числе были начальник штаба одного из полков в чине подполковника и начальник полевой дивизионной почты, унтер-офицер.

Первые допросы этих двух пленных были произведены в штабе дивизии, где переводчиком служил Овод. Подполковник был кадровым военным, сыном прусского помещика, а унтер-офицер призван в вермахт из резерва в начале войны. До этого он служил спецкурьером у своего дяди — гаулейтера нацистской партии одной из южных земель Германии — по доставке особо важных партийных документов лично фюреру. В связи с этим даже встречался с Гитлером.

Оба пленных оказались убежденными фашистами, на допросах вели себя надменно. Но когда унтер-офицера повели в землянку, отведенную для пленных, он поинте-

ресовался у переводчика, кем он был до войны, отметив «высокую культуру его немецкой речи». Овод ответил, что немецкий язык он изучил еще в детстве дома и что его отец, бывший нефтепромышленник (назвал его фамилию), умер и похоронен в Берлине в 1930 г.

На следующий день пленных на старой полуторке повезли в Купянск, в разведотдел армии. В числе сопровождавших был и переводчик. Стояли крепкие декабрьские морозы. Машина часто буксовала, останавливалась. И «пассажирам» для согревания приходилось «разминаться» вокруг нее. При одной из таких разминок унтер-офицер и предложил переводчику помочь им бежать. А еще лучше, бежать с ними вместе, обещая за это предоставить ему в «стране, где похоронен его отец» все блага жизни. Переводчик «согласился». И на лесной дороге во время очередной вынужденной остановки они бежали.

Через два дня беглецы были в Полтаве. Переводчиком здесь занялись абверовцы. Оказалось, что у них служит белогвардеец П. З. Самутин¹, хорошо знавший отца переводчика по эмиграции. Все показания бежавшего советского переводчика о себе и родных, естественно, были проверены самым тщательным образом, и ему, сыну нефтепромышленника, предложили должность в «Абверкоманде-101». Он согласился. А через несколько дней мы получили первое донесение с подписью: «Овод».

С другим советским разведчиком — Платоном, Харитоном Карповичем Плаксюком, — читатель уже знаком. Ниже мы еще вернемся к славным делам этого мужественного человека, беззаветного патриота.

Упоминаемый в донесении Овода Петр — лесник, помощник Платона по работе на советскую военную контрразведку. У него хранилась рация, и он отвечал за связь с партизанами.

Здесь следует заметить, что Овода, Платона и Петра подготовили для работы в сложных условиях в стане врага замечательные чекисты особого отдела Юго-Западного фронта — М. П. Ткачев и Б. В. Дубровин. Оба они к началу вероломного нападения фашистской Германии на СССР уже имели более чем десятилетний опыт оперативной работы.

¹ Самутин П. З. — бывший офицер царской армии, петлюровец, бежавший в годы гражданской войны за границу. В 1932 г. в Варшаве окончил военную академию. О нем и сотруднице СД, исчезнувшей из Полтавы, будет рассказано несколько позже.

К сожалению, Ткачев весной 1942 г. был переведен на другую работу, а Дубровин после разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом в рядах Донского фронта ушел на новое направление.

Автору этой книги довелось работать вместе с Б. В. Дубровиным в особых отделах Юго-Западного и Сталинградского фронтов около двух лет. За это время нам приходилось участвовать и в боевых операциях войск на передовой и в тылу врага. И Борис Всеволодович всегда проявлял чекистское мужество и хладнокровие. Он был коммунистом, беспредельно преданным делу партии Ленина, человеком большого обаяния, ума и высокой культуры.

О Мише — одном из инструкторов «Зондеркоманды-204» — у нас, в управлении «Смерш» фронта, были очень скудные данные. В середине мая 1943 г. в тылы войск нашего фронта была заброшена разведывательно-диверсионная группа. Ее руководитель — бывший военнопленный Красной Армии Кожушко, явившись с повинной, показал, что сдаться советским властям сразу же после выброски ему посоветовал инструктор «Зондеркоманды-204» по имени Миша. За этим именем якобы скрывается советский офицер. Кожушко и другие участники его группы о Мише больше ничего не знали.

Вначале мы восприняли появление в поле нашего зрения Миши как возможную приманку абвера. Выяснить его личность было поручено товарищам за линией фронта. Но не успела сработать связь, как еще одна группа абверовских агентов явилась с повинной, а ее старший — Струев заявил, что такое задание получил от инструктора «Зондеркоманды-204» Миши. Он просил передать советским чекистам следующее: в прошлом — беспризорник, воспитывался на Харьковщине в детской коммуне имени Дзержинского, знал Макаренко. В действующей армии был лейтенантом. В плену оказался в первые дни войны, тяжело раненным. На службу в гитлеровскую разведку идти согласился в надежде, что как-нибудь сумеет при удобных обстоятельствах принести пользу Родине. И вот теперь он после тщательного изучения агентов поручает некоторым старшим «улетающих на Восток птичек» не выполнять там абверовских заданий, а являться с повинной. Он знает, что для него это очень опасно, но иначе жить не может. «Тебе, — заявил Миша Струеву, — первому приоткрываю завесу о себе. И делаю это потому, что ты уже восьмой старший, которому я даю такие поруче-

ния. И из семи предыдущих шесть групп не возвратились. Остались там. Но одна недавно вернулась. Видимо, промахнулся, попал на гада. Гитлеровцы, по-моему, взяли меня теперь на прицел. Но ничего, родных у меня нет. Плакать по мне некому. Была невеста, но и с ней разлучила война. Считаю, что свою короткую жизнь я прожил не зря. Предателем Родины не был. Так и скажи дома. Я, наверное, не доживу до встречи со своими. Большого о себе сказать мне нечего».

Большого об этом настоящем советском патриоте, к сожалению, тогда не удалось узнать и нам.

Овод, Платон, Петр, Миша были людьми, глубоко преданными нашему общему делу. Они ненавидели фашистов, и каждый в меру своих сил и возможностей старался нанести урон врагу, сознательно рискуя своей жизнью. Без таких самоотверженных людей была бы невозможна наша победа. Несгибаемый дух, глубокая ненависть к захватчикам, верность долгу перед Родиной практически сводили на нет все усилия разведывательной службы фашистской Германии. Ведь Великая Отечественная война была не просто военным противоборством. В первую очередь, это было бескомпромиссное, не на жизнь, а на смерть, столкновение противоположных общественно-политических систем, идеологий. Она явилась суровым экзаменом социалистической системы, на уничтожение которой международный империализм бросил огромные силы.

Сегодня на Западе пытаются фальсифицировать историю второй мировой войны. Нередко в печати появляются всякого рода домыслы, злобно искажающие решающий вклад советского народа в разгром фашистской Германии и милитаристской Японии. Порой в них слышится откровенная горечь по поводу того, что вторая мировая война, дескать, не принесла желаемого для империализма результата — уничтожения Советского Союза. Мол, только чудо помешало Гитлеру победоносно завершить восточную кампанию.

Если следовать этой концепции, то чудо действительно было — советские люди. Воспитанные и закаленные Коммунистической партией, Ленинским комсомолом, советским образом жизни, они в лихую военную годину, когда гитлеровские захватчики вероломно напали на нашу Родину, грудью встали на ее защиту. Миллионы защитников социалистического Отечества не дожили до светлого Дня Победы, Немалому количеству советских людей до-

велось испытать ужасы фашистского плена. Гитлеровские палачи всячески старались подавить их волю к сопротивлению, растоптать человеческое достоинство, заставить их отказаться от самого дорогого — любви к социалистической Родине. Но ни пытки, ни угрозы физического уничтожения не смогли толкнуть советских патриотов на путь предательства. Мы, фронтовые контрразведчики, имели точные сведения, что абсолютное большинство советских воинов и находясь в плену не поддавались угрозам или уговорам гитлеровцев, при любой возможности они продолжали борьбу с врагом.

Однако в повседневной практике фронтовых чекистов были и такие случаи, когда к ним приходили с повинной люди, сотрудничавшие с фашистами по собственному желанию. Для примера расскажу об одной операции, которую провел наш старый знакомый Платон, или, точнее, Харитон Карпович Плаксюк, и бежавшая из Полтавы с приближением советских войск сотрудница городского гестапо Мария.

Майор В. Г. Бондаренко встретился с Платоном на другой день после освобождения Полтавы. Встреча происходила на конспиративной квартире, так как еще не пришло время обнародовать, чье задание на оккупированной врагом территории выполнял этот человек. Дед Харитон сиял от радости, взволнованно то и дело притрагивался к подпаленным самосадом запорожским усам и рассказывал о своей работе на «гитлеровской каторге». А у него было столько новых сведений, интересующих советских контрразведчиков, что для записи потребовалось бы не менее недели. Тогда-то вновь всплыло имя Марии, которую мы уже разыскивали.

— Как-то недавно я зашел к гебитскомиссару Шульцу доложить, что завез ему на квартиру бочонок меду, — рассказывал Харитон Карпович. — Шеф был в подавленном состоянии. Он только закончил разговор по телефону со штабом командующего группой армий «Юг», а там, судя по всему, дела обстояли плохо. Шульц подывылся (в русскую речь Харитон Карпович вставлял украинские слова) на меня и сказал, чтобы я ему больше ничего не возил. Спрашиваю, дескать, это почему же, господин хороший? А он в ответ: «Будем уходить». «Куда? — вырвалось у меня. — В Харьков?» «Нет, — отвечает, — в Ровно, а оттуда в Германию».

— Тут я решил разыграть из себя верного гитлеровского холоуя, — продолжал Харитон Карпович. — Стал

просить забрать меня с собой. Шульц — ни в какую. Отказывает, и все. «Зачем уезжать из Полтавы? — убеждает меня Шульц. — Здесь у тебя домик, хозяйство, могла жены». (Четыре месяца назад Харитон Карпович похоронил жену.) Тут уж я разыграл обиду, заявил, что мне оставаться в Полтаве никак нельзя. Дескать, красные, как придут, сразу посадят в тюрьму или даже расстреляют. Да и не смогу я больше работать при красных, не нравятся мне их порядки. Однако Шульц и слушать не хотел мои доводы. А я чувствую, он что-то не договаривает. Так оно и оказалось. Когда я, изображая отчаяние, сообщил Шульцу, что с приближением Красной Армии уйду на Запад самостоятельно, Шульц, как бы из жалости, пообещал замолвить за меня словечко перед гауптштурмфюрером Гирзе¹. Он, мол, сможет верному Германии человеку помочь. «А что, если тебе все-таки остаться в Полтаве, но одновременно выполнять определенную работу в интересах германского командования?» — спросил как бы между прочим Шульц. Це вже було интересно, однако я и виду не подал, сразу же отказался. Дескать, шпионом быть не согласен, боюсь. И потом, какой из меня шпион?! Я — заготовитель. Могу работать управляющим небольшого хозяйства или приказчиком по закупке зерна, мяса, овощей, фруктов, а шпионом — никак не могу. Слезно прошу германское командование забрать меня с собой.

Такая «торговля» деда Харитона с Шульцем шла еще минут десять. Потом гитлеровцу, наверное, надоело и он отправил Харитона Карповича домой, пообещав что-нибудь для него придумать.

Шагах в ста от комиссариата повстречалась ему переводчица городского гестапо Мария. Возможно, у нее было другое имя, но в городе все с малых лет ее звали именно так. Поздоровались и остановились. Он знал эту женщину чуть ли не с ее малолетства. Знал и родителей — армян. Говорили, что до революции они были очень богатыми людьми, да и при напе не последними торговцами считались. Мария была в семье единственным ребенком. Когда старики умерли, девушка очень бедствовала.

В эту нечаянную встречу Платон сразу заметил, что Мария чем-то сильно встревожена.

— Что случилось? — поинтересовался Платон.

¹ Начальник СД в Полтаве.

— Дедушка Харитон, что же теперь будет с нами? — спросила она. — Меня приглашал к себе штурмбанфюрер Брауне¹ и предупредил, чтобы я в любую минуту была готова к отъезду с ними. Меня почему-то из городского отдела передают теперь в полевое отделение. А оно, как я поняла, собирается уезжать.

— Куда? — спросил я.

— Не знаю, — ответила она, — наверное, на фронт в какую-нибудь часть. Видите, как немцы заматались? Скоро здесь будет Красная Армия.

— А что же ты ответила на предложение Брауне?

— Его мой ответ и не интересовал. Предупредил о готовности, и все. Вот я и спешу теперь к господину Гирзе, чтобы узнать, почему он отдал меня Брауне, а сам и все его сотрудники остаются здесь. Не хочу уезжать из Полтавы. Когда придут русские, пусть уж лучше покарают меня.

Это было что-то новое. Но Платон и виду не подал.

— А я вот сейчас просил господина Шульца взять с собой. Меня красные сразу посадят, — сказал он.

Мария как-то странно посмотрела на Харитона Карповича и промолчала. Тогда тот решил немножко прощупать ее. Ведь она очень много знает. Как-никак с первых дней прихода немцев в Полтаву служит у них в гестапо. Может, уже сейчас по заданию гитлеровцев, как говорится, нюхает деда Харитона, чем он пахнет?

— Харитон Карпович, вам бояться нечего, — произнесла Мария. — Ни один человек из местных жителей не пострадал от вас. Вам надо оставаться дома, в Полтаве. Со мной сложнее. Я лично тоже никого не предала. Но одно название «переводчица гестапо» уже дает основание ненавидеть, презирать, а может, даже и покарать меня. Ведь я помогала немцам на допросах. И родственники замученных знают об этом...

Она долго плакала, а успокоившись, рассказала о своей встрече с армянским националистом Дро Каканяном. Пригретый гитлеровцами, он пытался склонять советских граждан армянской национальности, проживающих на временно оккупированной фашистскими войсками территории или находящихся в плену, к измене Родине. Когда-то он знал отца Марии. Поэтому рьяно принялся убеждать ее, что необходимо, дескать, и впредь так же

¹ Начальник 560-го отделения ГФП, находившегося в то время в Полтаве.

добросовестно служить Германии. Мол, придет время, немцы вернут Марии отобранные большевиками богатства отца.

— А я не хочу больше служить немцам, — с горечью сказала Мария. — Жить не хочу!..

Харитону Карповичу стало жаль девушку, он посоветовал:

— К немцам сейчас не суйся. А хочешь остаться в Полтаве — оставайся.

— Все равно немцы найдут меня и увезут с собой.

И тут подпольщик решил рискнуть:

— Подумай, ведь уже не маленькая... Было бы неплохо и чем-то оправдаться тебе за службу у немцев. Положи за пазуху какой-нибудь документик, нужный для представителей Красной Армии.

Мария аж рот раскрыла после этих слов.

— Поняла или нет? — спросил Харитон Карпович.

Она кивнула.

— Ну раз поняла, то приходи завтра рано утром ко мне домой. Подоишь мою корову, а то она уже четыре месяца не чувствовала женских рук, сам дою. Может, я за ночь что-то и придумаю.

В голове Харитона Карповича уже созрел план, как помочь Марии, но он решил пока ей ничего не рассказывать. На рассвете должны были прибыть партизанские связные Петро и его племянник Мыкола за новостями, которые подготовил для советских контрразведчиков Харитон Карпович. Своя радиостанция у него вышла из строя, и теперь приходилось обращаться за помощью к партизанам. Подпольщик отправил Марию со связными в отряд.

— Сейчас живет там в шалаше. Это верст за шестьдесят отсюда, — доложил он Бондаренко.

— Вы надежный помощник чекистов, Харитон Карпович, огромное вам спасибо за все, — сказал Бондаренко. — Надеюсь, ваши дела в тылу врага отметит и командование. Помогите мне срочно встретиться с Марией. Кстати, гитлеровцы долго не могли смириться с ее исчезновением?

— Когда утром Мария не пришла на службу, а затем ее не оказалось и дома, гестапо подняло всех на ноги. Искали день и ночь. Но потом кому-то из гитлеровцев пришла в голову мысль, что она могла утопиться. Может, она где-нибудь и ляпнула подобное с отчаяния. Я тоже подлил масла в огонь, подтвердив, что у девки,

мол, было такое настроение. Требовалось подстраховаться на случай, если нас с ней видели у гебитскомиссариата. Да и гитлеровцы не дураки. Красная Армия вот-вот нагрянет в Полтаву. Каждый из них думал, как бы побыстрее унести отсюда ноги и увезти все награбленное. Словом, Марию искать перестали. А меня Шульц все-таки «уговорил» остаться в Полтаве и «поработать» здесь на Германию.

— К этому вопросу мы еще вернемся, Харитон Карпович. Доставьте ко мне поскорее Марию.

Вернувшись в свое хозяйство, майор Бондаренко засел за донесение Овода. Он всегда снабжал советских контрразведчиков интересной оперативной информацией. Вот и на этот раз Овод подробно ориентировал нас о новостях в разведорганах противника, действовавшего против Степного, Воронежского и Юго-Западного фронтов.

Овод писал: «14 июля вечером, после того как стало известно, что Манштейн добился от Гитлера согласия на приостановление наступления под Курском и Белгородом, я решил нанести визит Бойко¹. Застал его в обществе Краузе и Вайде². Они были очень пьяны и явно расстроены. На мой взгляд, все, что я услышал от Бойко, может представлять для вас интерес. Поэтому воспроизвожу услышанное почти дословно.

Бойко спросил меня, кивнув на немцев:

— Ну что, нефтепромышленник, будешь отступать с ними за Днепр, а потом в Германию?

Я решил промолчать, дать возможность ему до конца высказаться. Бойко, глядя на немцев с каким-то вызовом, сказал мне по-русски, что в Германии нефти нет, следовательно, и я, нефтепромышленник, нужен им как прошлогодний снег. Тем более теперь.

Оба немца, видимо, догадались, о чем шла речь, потому что Вайде резко оборвал его:

— Хватит об этом. Германия все равно победит Россию, иначе не может быть. Так давайте выпьем за здоровье нашего фюрера.

И он налил в стаканы рому. Но я заметил, что Бойко пил с неудовольствием.

Затем снова начался разговор на большую тему — о

¹ Бойко — упомянутый выше белогвардеец П. З. Самутин — советник по оперативной работе на Украине при начальнике «Абверкоманды-102».

² Краузе — заместитель начальника «Абверкоманды-102». Вайде — один из заместителей начальника «Зондеркоманды-204».

положении на фронтах. Краузе при этом уже еле-еле ворочал языком, и Вайде, сильно ударив его ладонью по щеке, сказал:

— Пойдем спать. А то мне завтра рано улетать. Думал, что за вчерашнее дадут какую-нибудь награду, а сказали: «Обожди». Пусть здесь русские посплетничают сами и немного успокоятся. За нас позаботится фюрер. Он не спит.

Немцы ушли.

После их ухода Бойко начал говорить еще более откровенно. Он называл немцев и Гитлера сволочами и твердил, что война проиграна.

Затем Бойко сказал буквально следующее:

— Наши дела плохи. Столько лет ждал, когда найдется человек, который покончит с большевиками, а его все не было и не было. Ну, думал, Адольф справится. Но в войне с Советами промазал и он. А почему? Да потому, что он проводил неумную политику. Ты же хорошо знаешь, что я родом с Киевщины. Я честно служил царю-батюшке и дослужился при нем до ротмистра. Потом я исповедовал «веру» Петлюры и ушел с ним в 1920 году в Польшу. Мы хорошо оттуда щипали Советы и строили большие планы. Но нас тогда не поддержали ни Германия, ни Антанта. Дело дошло до того, что Петлюру убили.

Гитлер начал войну с большевиками и зачем-то посадил в тюрьму нашего Степана. И за что? За то, что тот с ведома гимmlеровского агента митрополита Шептицкого посмел объявить людям, что немцы за нашу помощь им в войне предоставят Украине «самостийность». Правда, вскоре Степана выпустили из тюрьмы, но теперь он должен был действовать с оглядкой.

Гитлер сделал это потому, что не любит разговоров о будущем дележе власти и завоеванных территорий. Он проявил недалекость. Если бы Гитлер предоставил украинцам самостоятельность, мы (т. е. лидеры украинского национализма) создали бы раду и свою двухмиллионную армию во главе со Степаном. Сегодня она не пустила бы большевиков на Украину. Насмерть бы дрались за каждый клочок ее земли. Нам, Андрей, пришлось время подумать, как жить дальше. Работать на немцев больше желания нет, потому что задаром служат только дураки и фанатики. Мы с тобой вроде бы ни те, ни другие. К большевикам нам с тобой дорога закрыта навсегда. Пора сматывать удочки. Кое-кто это уже сделал. Гестапо ищет исчезнувшую переводчицу, армянку. Предполагают,

что это она прихватила с собой секретные документы. Причем в них идет речь не о немцах, а о тех, кто им служит. Но армянку ищут не потому, что теперь нависла смертельная угроза над германской агентурой. Немцам плевать на «русских свиней», которых переловят и расстреляют большевики. Они дрожат за свои шкуры. Начальству гестапо не дает покоя мысль, что в их секретном ведомстве работал советский агент. И те, кто пригрел его, могут жестоко поплатиться за это.

Потом Бойко признался, что в 1939 г. он, будучи офицером генерального штаба Войска Польского, бежал в Германию с документами куда более секретными, нежели эта армянка.

— Напрасно я старался, — сказал Бойко. — Думал, немцы зачтут мои заслуги перед Германией и выделяют долю. Как видишь, не выделили. Есть у меня к тебе хорошее предложение: давай, пока не поздно, драпанем за океан. Только для этого нам нужны деньги, много денег. Подумай, как их достать...»

В кабинет к Бондаренко вошел дежурный по управлению «Смерш» фронта и доложил:

— Привезли.

Более семидесяти дней прожила Мария в лесу. Много передумала за это время. На первой же встрече с Бондаренко твердо сказала:

— Поймите меня правильно. Я не шкуру спасаю, а пытаюсь искупить свою вину за вольно или невольно причиненное мной зло Родине.

Она передала ему список из 99 гитлеровских агентов. Большинство из них числилось в особой картотеке Полтавского отдела СД. Этот список Мария составила еще 13 июля вечером, после того как встретила с дедом Харитоном, и забрала с собой в лес. Мария назвала и многих других предателей Родины, которых знала в лицо, могла опознать и изобличить их, как бы они ни маскировались и ни отрицали своей вины. За долгое время пребывания в стенах СД ей пришлось многое видеть и слышать. Видеть самых отъявленных садистов, приезжавших в Полтаву по «делам» или за получением из рук высокопоставленных особ фашистского рейха высоких наград за злодеяния, чинимые ими над советскими людьми. Мария была свидетелем страшных и грязных расправ гестаповцев и их пособников.

Полтава в те годы оказалась центральным местом встреч не только высшего командования группы армий

«Юг», штаб которой располагался здесь, но и двух других групп армий, находившихся на восточном фронте. Сюда также съезжались рейхсминистры, рейхскомиссары, рейхссекретари и оберфюреры, для того чтобы обсудить, как лучше грабить оккупированные советские земли и закабалить украинский народ. Марии приходилось видеть в Полтаве многих из них, в том числе и самого Гитлера.

На службу в СД она попала при следующих обстоятельствах.

На второй день после вступления немцев в Полтаву в сентябре 1941 г. во двор, где разместилась эта служба, было согнано до трехсот советских граждан, в основном коммунистов, комсомольцев и активистов. Гитлеровцы начали «разбираться» с ними. Для этого им потребовались переводчики. Первой сюда явилась преподаватель немецкого языка немка Эмма Фридриховна, долгие годы проживавшая в Полтаве, и предложила свои услуги. Она назвала гитлеровцам некоторых жителей города, знавших немецкий язык, в том числе и Марию. В тот же день фашисты привезли Марию во двор СД и предложили переводить их разговор с обреченными.

Так продолжалось несколько дней. А после того как количество задержанных несколько уменьшилось, Мария перестала ходить на «работу» в СД. Но у нее дома появилась Эмма Фридриховна и стала упрекать в «непочтительности» к новым властям. Одновременно она доказывала Марии, что с приходом немцев в Полтаву ее мучения как наследницы украденного большевиками состояния закончатся. Эмма Фридриховна решительно заявила: «Завтра быть в СД», подчеркнув, что это приказ шефа. Мария повиновалась.

Потом в Полтаву приехал дашнакский генерал, эмигрант Дро Канаян. Он тоже потребовал, чтобы Мария, как он выразился, «обиженная Советской властью», честно служила немцам.

Сначала Мария была переводчицей. Позже, как хорошо знавшую язык, ее произвели в секретари-переводчицы. Она помогала офицерам гестапо при допросах, переводила документы. Ей даже доверили вести картотеку в СД. Так она получила доступ и к секретам.

Мария рассказала оперработникам, как она тяготилась своей службой в СД и как у нее неоднократно появлялось желание уйти за линию фронта. Но такой возможности все не представлялось. Первая надежда на то, что она сможет это сделать, зародилась после разгрома

немецко-фашистских войск на Волге. А реальность для этого создалась после их разгрома на Курской дуге.

Беседы с Марией длились несколько дней. Она обстоятельно рассказала о многих генералах крупных штабов вермахта, ведомства Коха, гитлеровских разведчиках, контрразведчиках, гестаповцах и их помощниках из разного рода отщепенцев. Сведения, полученные от Марии, помогли советским контрразведчикам обезвредить многих гитлеровских агентов, что способствовало созданию необходимых условий нашему командованию для сохранения в тайне стратегических планов наступления.

ВОЗМЕЗДИЕ

Донесения, получаемые от наших зафронтовых товарищей, показания арестованных гитлеровских агентов и другие источники повседневно пополняли наши списки лиц, совершивших особо опасные преступления перед советским народом. Розыск их велся активно. При этом мы учитывали и тот факт, что справедливая кара, которая настигает гитлеровцев и их прихвостней, отрезвит не одну задурманенную фашистами голову. И если человек еще не пал окончательно, то он найдет в себе силы повиниться, а для отъявленных негодяев постоянным спутником в их черных делах отныне станет страх перед неизбежной карой.

Но прежде чем перейти к описанию операции под условным названием «Возмездие», я хочу остановиться на одном из эпизодов, характеризующих коварство фашистских наймитов, что, на мой взгляд, отчасти поможет сегодняшнему читателю, далекому от суровых дней войны, уяснить, почему именно армейские органы госбезопасности назывались тогда «Смерть шпионам».

В двадцатых числах сентября 1943 г. мы получили донесение от нашего сотрудника, назовем его Русланом, недавно внедренного в абверовскую команду, находившуюся тогда в Кировограде. Он сообщал: «В эти дни «Зондеркоманда-204» ведет разведку в районе села Чернобыль на Киевщине на предмет выброски туда на автомашине диверсионно-террористической группы».

Село Чернобыль расположено при впадении реки Припять в Днепр и находилось в зоне действия Центрального фронта. Были приняты необходимые меры, и уже на следующий день в указанном районе опергруппа, которую возглавил А. П. Котовенко, задержала агента с рацией.

Он показал, что заброшен сюда два дня назад с заданием: изучить на участке Чернобыль, Остер обстановку, подобрать здесь место для организации ложного контрольно-пропускного пункта и радировать в Кировоград о готовности к приему группы. Она будет небольшой, но мобильной, вероятнее всего, на автомобиле «додж»¹. Группа должна выдавать себя за регулировщиков.

Агент довольно быстро понял, чего от него хотят советские контрразведчики, и передал гитлеровцам о том, что к приему диверсантов все готово. Чекисты хорошо продумали операцию по обезвреживанию группы, заранее расставили автоматчиков.

Диверсанты были вооружены до зубов и экипированы так, как это показал радист. Старший группы в форме капитана Красной Армии, хорошо говоривший на русском языке, предъявил майору Котовенко удостоверение на имя командира комендантской роты штаба 13-й армии капитана Т.² Он заявил, что ему приказано в квадрате «24-А» создать новый КПП. Действуя по инструкции, Котовенко «усомнился» в целесообразности организации еще одного контрольно-пропускного пункта и предложил «капитану» поставить машину на обочину, а самому пройти с ним к телефону, находившемуся здесь же, метрах в пятнадцати, в шалаше, для уточнения. «Капитан» вначале замешкался, но машина все-таки съехала на обочину, и он вышел из кабины. В то время, когда Котовенко и «капитан» шли к шалашу, один из диверсантов, сидевший в кузове машины, дал очередь из автомата по находившимся у шлагбаума красноармейцам. Завязалась перестрелка, в результате которой пятеро из семи диверсантов были убиты. Наши товарищи потеряли старшего оперуполномоченного капитана Филатова.

Известие о его гибели болью отозвалось в сердцах всех, кто знал этого скромного, молчаливого человека. Лично мне пришлось познакомиться с ним при очень запоминающихся обстоятельствах...

30 августа 1942 г. я был ответственным дежурным по опергруппе особого отдела Сталинградского фронта. Опергруппа занимала подвал разрушенной водолечебницы. Обстановка была до крайности тяжелой и напряжен-

¹ «Додж» — военный автомобиль американского производства с опускаемым тентом. В то время наша страна получала их по ленд-лизу.

² В удостоверении были указаны подлинные фамилия и воинское звание командира комендантской роты штаба 13-й армии.

ной. Бомбы и снаряды рвались рядом с подвалом, а к нам беспрерывно поступала информация, требовавшая принятия неотложных мер. Почти все наши товарищи и сам начальник особого отдела — старший майор госбезопасности Николаев — находились в боевых порядках войск. В один из коротких перерывов между налетами ко мне в подвал и вошел незнакомый капитан. Он не успел тогда сказать и слова — потерял сознание и упал на кучу щебня. Часа два шифровальщик и машинистка приводили его в чувство.

Капитан оказался Дмитрием Филатовым, коренным сталинградцем, коммунистом, два месяца тому назад направленным на работу в органы госбезопасности. Назначение получил оперуполномоченным в один из артиллерийских полков 62-й армии. Полк более месяца воевал с фашистами на правом берегу Дона и, когда в нем осталось всего шестнадцать человек, был отведен к Сталинграду. Сегодня утром начальник одного из подразделений особого отдела Сталинградского фронта подполковник Васильченко направил остатки полка на пополнение зенитно-артиллерийского дивизиона¹, переведенного в противотанковое положение. А его, Филатова, назначили к нам в опергруппу. Подполковник разрешил капитану забежать на полчаса домой, повидаться с семьей. Филатов нашел лишь груды развалин, под которыми погибла его жена. О судьбе дочери он ничего узнать не смог.

На следующий день мы начали ее розыски, и вскоре было установлено, что шестилетняя Юлия Филатова погибла на станции в день отправки в тыл страны сталинградских детей. Несмотря на то что детей погрузили в санитарные поезда, на крышах вагонов которых были красные кресты, гитлеровские стервятники наносили по ним бомбовые удары. Всего в тот день гитлеровцы уничтожили около семисот детей.

Филатов быстро вошел в курс дела и вскоре зарекомендовал себя одним из лучших работников в нашей опергруппе, которая тогда по заданию Военного совета фронта оказывала помощь командованию в поддержании порядка в городе и на переправах. Потом по его просьбе был возвращен в резерв оперсостава особого отдела 62-й армии, где до полного разгрома немецко-фашистских войск на Волге заменял в частях выходивших из строя

¹ По указанию Военного совета фронта работникам особых отделов приходилось решать и такие вопросы.

оперработников. А в феврале 1943 г. он был отозван в особый отдел Донского фронта (ставшего позже Центральным), где был назначен в отделение, занимавшееся розыском и задержанием агентуры врага. Свой долг военный чекист Филатов выполнил до конца...

Разгромленная нами в районе Чернобыля группа диверсантов состояла из бывших уголовников, только что прошедших обучение на краткосрочных курсах в Кировограде. Возглавлял ее инструктор «Зондеркоманды-204» обер-лейтенант Абец. Диверсанты должны были организовать КПП, при проверке документов захватить советского генерала и доставить его в распоряжение немецких войск. В случае если придется применить оружие, ставилась задача перестрелять охрану генерала, а его взять живым, допросить: где и когда советское командование намечает форсирование Днепра крупными силами. Получив эти данные, генерала ликвидировать, а самим срочно возвращаться обратно. Гитлеровское командование и руководство абвера предполагали, что в этом районе находится командный пункт командующего 13-й армией, а возможно, и командующего войсками Воронежского фронта.

Враг всячески тогда изощрялся в своих попытках задержать победоносное продвижение советских войск на запад. Но ничего у него не получилось. К концу сентября наши войска вышли к Днепру на протяжении почти шестисот километров. Во многих местах Днепр был форсирован с ходу, и на его правом берегу захвачены плацдармы. Предстояла борьба за их расширение, за полное освобождение от фашистских захватчиков всего Правобережья Украины и Советской Молдавии.

В такой обстановке сотрудникам управления «Смерш» 2-го Украинского фронта (бывшего Степного фронта) и предстояло провести несколько операций «Возмездие».

Из числа военных преступников, названных Марией, останавлиюсь лишь на двух: Рихтгофен Франц, унтерштурмфюрер из саперного батальона дивизии СС «Мертвая голова», и Николай Левчук, бывший командир взвода, помощник резидента абверовского органа «Зондерштаб-Р».

Еще в начале февраля 1943 г. немецко-фашистское командование ввело в бой на участке Белгород, Харьков свой лучший танковый корпус СС в составе трех дивизий: «Мертвая голова», «Адольф Гитлер» и «Райх». Корпус был переброшен сюда из Западной Европы после

переформирования. Гитлер лично поставил перед его командованием задачу: не допустить вторжения советских войск на Украину с севера, не дать возможности овладеть Донбассом. Чем это кончилось для гитлеровских дивизий СС, хорошо известно. И тогда Гиммлер отдал приказ, в котором войскам СС вменялось в обязанность при отступлении с советской территории сжигать на ней все живое, взрывать мосты, разрушать шоссе и железные дороги, сжигать дотла населенные пункты и угонять в Германию все работоспособное население. Такие «обязанности» в упомянутых дивизиях возлагались прежде всего на саперные батальоны.

В феврале — марте 1943 г. на юге Курской и севере Харьковской областей зверствовал личный состав саперного батальона дивизии «Мертвая голова». В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. гитлеровские убийцы подлежали задержанию и преданию военно-полевому суду.

И вот уже известная читателям Мария подробно рассказала об одном из убийц — унтерштурмфюрере из саперного батальона дивизии «Мертвая голова» Франце Рихтгофене. В конце марта 1943 г. он был вызван в Полтаву для получения награды. Сотрудники фашистских карательных органов в Полтаве очень завидовали Францу. В честь кавалера Железного креста организовали вечеринку. У Рихтгофена это была уже четвертая награда. И он как бы между прочим заметил, что «сегодняшний крест он получил за то, что со своей командой сжег всего-навсего около пятидесяти населенных пунктов, а сколько погибло при этом «русских свиней» — он не считал».

В рассказе Марии была одна примечательная деталь. На вечеринке присутствовала некая Антонина Ерошенко, дочь бывшего кулака, уроженка Больше-Троицкого района Курской области. До мая 1942 г. она была учительницей в одной из сельских школ Донецкой области. Оттуда выехала с немецким офицером в Германию, но месяца через три возвратилась в Курскую область к родителям. Кто-то из гестаповцев привез Ерошенко в Полтаву. Нередко бывая у гитлеровцев на вечеринках, она обычно садилась рядом с Марисей и пыталась все время говорить с ней на немецком.

Ерошенко была яркой женщиной, и унтерштурмфюрер Рихтгофен сразу обратил на нее внимание. Узнав, что она будет возвращаться из Полтавы к родителям в Курскую область, Рихтгофен пообещал доставить туда Ерошенко

прямо «на печь». Гитлеровец объяснил, что с родительским домом соседствует его воинская часть.

Рихтгофен и в самом деле увез Ерошенко с собой, а некоторое время спустя она вдруг прислала Марии письмо, в котором расписывала свои отношения с очередным «женихом». Оказывается, он уже перевез ее из Больше-Троицкого района в Теткинский район Курской области, подальше от фронта. Ерошенко просила «жениха» отвезти ее к родственникам в Кировоградскую область, но получила отказ. Рихтгофен сослался на большое расстояние. Из-за этого, дескать, он не сможет видаться с ней. В Теткинском районе Рихтгофен договорился с комендантом, и тот взял Ерошенко к себе писарем.

С тех пор прошло около четырех месяцев. За это время советские войска разгромили гитлеровские полчища на Курской дуге, нанесли ряд тяжелых поражений на других фронтах. Обескровленная боями под Белгородом, Харьковом и Полтавой дивизия «Мертвая голова» находилась на правом берегу Днепра — где-то в районе Кременчуга.

Полученные от Марии сведения представляли для нас ценность. Эсэсовец Рихтгофен был объявлен Советским Союзом государственным преступником. Военные чекисты получили приказ отыскать, пленить его и передать в руки советским органам правосудия. Операцию по розыску и пленению гитлеровского преступника возглавил капитан М. А. Кочкин.

На работу в органы госбезопасности Кочкин был направлен в начале войны с должности доцента кафедры почвоведения Казанского сельскохозяйственного института. Он неплохо знал немецкий и английский языки. По виду Кочкин был неказист: ниже среднего роста, щуплый, невыразительное, простоватое лицо. Только внешние данные были обманчивы. Этот человек отличался умом, образованностью, решительностью и находчивостью.

В ноябре 1941 г. рядовой Кочкин в составе спецбатальона отправился за линию фронта. В тылу врага на западном направлении батальон осуществлял диверсионные акты, совершал налеты на воинские штабы противника, помогал подпольным партийным комитетам создавать партизанские отряды. Так что руководитель операции, которую наметили провести военные чекисты в районе Кременчуга, был, как говорится, тертый калач. Но было одно обстоятельство, которое смущало наше командование. Кочкин не знал украинского языка, да и самой

Украины, ее обычаев. И все же руководство управления «Смерш» фронта¹ остановилось на кандидатуре Кочкина. Преданность этого человека Родине и его почти полуторагодовой опыт работы в тылу врага предопределили выбор. Когда у Михаила Андреевича спросили, согласен ли он взяться за такую операцию, он, несколько смутившись, ответил: «К выполнению задания готов...»

Дней десять потребовалось ему, чтобы побывать в тех местах, где родилась, жила, училась и работала Антонина Ерошенко — близкая знакомая эсэсовца Рихтгофена. Возвратился он к себе в управление не с пустыми руками — привез с собой подругу Антонины. Назовем ее Груней. Он разыскал ее в Харькове среди арестованных гитлеровских пособников. Груня была у гитлеровцев переводчицей и четыре месяца до их бегства из Харькова работала в продотделе бургомистра города.

Война застала Груню в Белой Церкви, где она учительствовала в средней школе. Здесь же во время оккупации «подружилась» с офицером 560-го отделения ГФП Эдуардом Кребсом. В течение года затем он возил ее с собой, пока в хуторе Голубинском Сталинградской области не попал под советскую бомбу. «Овдовевшая» Груня возвратилась на Харьковщину и предложила гитлеровцам свои услуги как переводчица. В апреле 1943 г., когда Рихтгофен и Ерошенко проездом оказались в Харькове, подруги встретились и долго рассказывали друг другу о своей жизни.

После нескольких бесед с Груней в Харькове Кочкин решил взять ее с собой. Они съездили в Больше-Троицкий район, где жили родители Ерошенко. У них Груня поплакалась на свою «вдовью» судьбу, позавидовала их дочери, поинтересовалась, не знают ли, где ее разыскать, чтобы попросить помочь каким-нибудь образом удрать в Германию. Старики подтвердили, что у дочери действительно хорошие отношения с Францем. Об этом можно судить хотя бы по тому, что при отступлении унтерштурмфюрер из уважения к родителям «невесты» не сжег хутор, на котором они живут. Где Антонина сейчас, роди-

¹ До 17 апреля 1943 г. в Красной Армии контрразведывательные органы назывались особыми отделами без добавления «Смерш». Затем они были реорганизованы в органы, получившие от дивизии до армии название отделов контрразведки «Смерш». Фронт имел управление контрразведки «Смерш».

тели не знали, но предполагали, что она могла обосноваться в селе Елизаветградка Кировоградской области у двоюродной сестры ее матери — Стецко Ефросиньи Петровны. Кировоградская область находилась тогда еще в руках оккупантов. Отец Ерошенко дал Груне адрес Стецко, мать нацарапала дочери письмо, в котором желала счастья и просила не забывать старых.

Военные чекисты придавали розыску Ерошенко большое значение потому, что через нее намеревались выйти на Рихтгофена. 14 октября 1943 г. Кочкин с Груней прибыли в нашу опергруппу на правый берег Днепра. Здесь еще раз были оговорены несколько возможных вариантов организации «ловушки» для Рихтгофена. Но окончательное решение с учетом обстановки на месте оставалось за Кочкиным.

А на следующий день он и Груня с территории, занимаемой частями 7-й гвардейской армии, были заброшены в партизанское соединение имени Н. А. Щорса¹. Выполняя задание в тылу врага, Кочкин и Груня должны были выдавать себя за дядю и племянницу, убежавших из Харькова с немцами, и имели на руках документы. Кочкин по ним значился счетоводом торгового отдела харьковского бургомистра, а Груня — сотрудницей продовольственного отдела.

У партизан пока не было точных данных о месте нахождения саперного батальона из дивизии «Мертвая голова». Поэтому решено было идти к тетке Антонины в Елизаветградку. К сожалению, партизаны не имели там надежных связей, однако они подробно охарактеризовали старост двух соседних сел — Цыбулево и Иванковцев. Было решено для начала направить в Елизаветградку цыбулевского старосту Никиту Герасимовича Петренко с заданием уточнить, проживает ли у Ефросиньи Стецко ее племянница Антонина.

Через неделю Петренко вериулся. Ему удалось узнать, что Ерошенко действительно жила у тетки, но недавно эсэсовец Рихтгофен увез ее на мотоцикле куда-то ближе к станции Знаменка. При отъезде она сказала тетке: Франц хочет держать ее ближе к себе, а его часть находится в Знаменке. Скоро часть отправится в Германию и Франц возьмет ее с собой. А пока она собиралась остановиться на квартире у кого-то из знакомых в селе

¹ Это партизанское соединение располагалось в то время на Правобережье Днепра, в районе Черкасы, Чигирин.

Дмитровка. Это неподалеку от Знаменки, и Францу не надо ездить по дороге через Черный лес, где начали «попаливать» партизаны. Немцы стали осторожными — на днях в Ровно убили двух немецких генералов¹.

Полученные сведения обязывали Кочкина поторопиться. Но тут возникла новая трудность. В Дмитровке старостой был дед Матвей Соловей, бывший кулак. По отношению к местным жителям он проводил жесткую политику, хотя иногда и помогал партизанам продуктами. Поэтому в Дмитровку решили послать старосту из Иванковцев Ивана Свиридовича Сенченко, которому партизаны вполне доверяли. Сенченко участвовал в русско-японской и первой мировой войнах, за солдатскую храбрость был награжден двумя Георгиевскими крестами. Нрав у него был крутой, мог при случае и дать волю рукам, считая, что делает это «в интересах пострадавших и нашего общего дела».

Итак, Кочкин и Груня отправились в Иванковцы на встречу с Сенченко. Сопровождали их три партизана. В Иванковцах гитлеровцы гарнизона не имели, но до села нужно было пройти около 30 км, где на каждом шагу «дядю» и «племянницу» подстерегала опасность. Кочкину и Груне пришлось даже вести за собой корову. По версии, они собирались подарить ее старосте Сенченко — «крестному отцу» Груни, который якобы уезжает с немцами в Германию.

— Было около четырех часов дня, — рассказывал потом Михаил Андреевич Кочкин, — погода стояла ненастная, моросил дождь. Подойдя к дому старосты, я вошел без стука. У порога возле шестка возилась с чугуном женщина лет шестидесяти, а за столом в переднем углу сидел, как я понял, сам Иван Свиридович Сенченко. Я громко поздоровался и, не раздеваясь, прошел к столу. Староста и его жена с удивлением смотрели на меня. Спросил: «Вы Иван Сенченко, староста села?» «Кто такой и что надо?» — сердито произнес хозяин. Вместо ответа я снова задал вопрос: «Ну как, зуботычины односельчанам продолжаете давать?» «Даю, если они этого заслуживают», — не робея отвечал Сенченко.

Я снял мокрый брезентовый плащ, переложив парабеллум во внутренний карман пиджака, произнес пароль-

¹ Видимо, имеются в виду операции, проведенные легендарным советским разведчиком Н. И. Кузнецовым 8 и 20 октября 1943 г., в результате которых один из фашистских генералов — Пауль Доргель был тяжело ранен, а второй — Ганс Гель — убит.

ную фразу: «Ну... тогда одевайте свои кресты». Несколько было оторопевший староста повеселел и ответил: «А я уже думал вклеить вам пулю в лоб».

Иван Свиридович оказался гостеприимным хозяином, пригласил за стол, его жена быстро приготовила поесть. И хотя не было времени рассиживаться в гостях, Кочкин присел. Мало ли кто мог заглянуть к старосте, а тут, как говорится, обычное домашнее застолье. Первым делом Кочкин в основных деталях обрисовал задачу, с которой он прибыл к Сенченко. Объяснил, что с ним послана Груня, которую староста должен теперь выдавать за свою крестницу.

Сенченко отозвался о старосте села Дмитровка самыми не лестными словами.

— Нелюдимый, зверь, а не человек. Одним словом, кулак он и есть кулак, — подытожил Иван Свиридович. — Можно сказать, этот Матвей Соловей только со мной во всей округе нормально себя и ведет.

Вечером, когда стемнело, Кочкин и Сенченко привели в Иванковцы трех партизан и Груню, которые ожидали Михаила Андреевича в лесочке в километре от села. После ужина Иван Свиридович обстоятельно познакомился с похождениями своей новоявленной «крестницы», а рано утром следующего дня, в расчете застать Соловья еще дома, они выехали в Дмитровку. Часом раньше из Иванковцев ушли партизаны на хутор Плоский. Этот хутор находился в километре от Дмитровки и примерно на таком же расстоянии от Черного леса. Немцы побаивались заглядывать сюда даже группами.

В Дмитровке Сенченко прежде заехал к своей куме Пелагее Трофимовне, оставил у нее Кочкина, а сам с Груней направился к деду Соловью. Он велел «крестнице», как посетительнице, подождать старосту у крыльца, а сам вошел к нему в дом. Соловей уже собирался уходить. Как было принято тогда у старост, Сенченко, переступив порог хаты, перекрестился на образа и тепло поздоровался с хозяевами. Матвей Прокопович был грустен и сказал то, о чем, видимо, давно думал:

— Ну вот и кончается наша служба у немцев. Скоро нагрянет сюда Красная Армия и висеть нам с тобой, Свиридыч, на березах — по соседству.

Сенченко сочувственно посмотрел на Соловья, и ему на какой-то момент стало жалко сверстника, потерявшего надежду на снисхождение от Советской власти. Поэтому он сказал:

— Оно, конечно, всякое может быть. Но вроде бы вешать нас не за что. Хватит с нас и Сибири. Только я вот как рассудил. Бежать с немцами нам с тобой не следует. На чужбине-то ждет верная погибель.

Расспросив о цели приезда соседа, Соловей немного помолчал и сухо произнес:

— Твоя крестница, наверное, такая же шлюха, как и та, которую вы разыскиваете. Ее на прошлой неделе привез в Дмитровку высокий молодой немец из СС. и предупредил, что, если хоть один волос упадет с ее головы, мне будет крышка. Немец на следующий день уехал, а она осталась жить у вдовы Петра Чмыря — Матрены, известной всей округе сводни.

Сенченко облегченно вздохнул:

— Вот давай и отведем мою крестницу к ней. Пусть обе и живут там, у Мотри.

— Ну нет, — ответил Соловей, — много чести. Рас толкую ей, где живет Мотря, и пусть катится туда сама.

Минут через сорок Груня постучала в дверь хаты. Ей открыла женщина, неопределенных лет, полная, непричесанная, грязная, босая, несмотря на холодную погоду.

— Здесь живет Тоня Ерошенко? — спросила Груня, но женщина подозрительно осмотрела ее с ног до головы и промолчала. — У меня письмо от родителей Тони. Уже больше двух месяцев таскаю с собой, не могу передать.

На лице женщины появилось что-то вроде улыбки:

— Заходи.

Встреча подруг была теплой. Они обнимались, целовались, беспричинно хохотали.

— Славу богу, наконец-то я тебя нашла, — радостно говорила Груня, и в ее словах была большая доля правды.

Желая хоть как-то искупить свою вину перед Родинной, она искренне хотела помочь Кочкину. Груня отпорола подкладку пальто, вынула оттуда письмо и отдала Антонине. Та быстро прочла и забросала Груню вопросами: когда она была у родителей, как они живут, как она сама оказалась здесь.

Как ни готовили Груню чекисты, при последнем вопросе она заметно стала волноваться. Но Антонина поняла это волнение по-своему:

— Успокойся, — сказала она. — Теперь все твои муки позади. Чувствую, не случайно ты меня разыскивала.

— Угадала, — улыбнулась Груня. — Вся надежда на

тебя. От Красной Армии ничего хорошего дожидаться не приходится, а уходить на Запад на своих двоих да без надежного покровителя рискованно. Правда, у меня недалеко от Кременчуга, в селе Иванковцы, живет крестный. Он уже два года там старостой. Вот побывала у него и попросила узнать, не проживает ли Антонина Ерошенко в Елизаветградке. Крестный посылал туда к тетке человека. Она и подсказала, где тебя теперь искать.

Пока подружки беседовали, хозяйка накрыла на стол. На нем появилась жареная картошка, сало, соленые огурцы и бутылка самогону. За завтраком шел разговор о женской доле. И когда тетка Мотря ушла доить корову, Антонина призналась, что она и сама имеет мало шансов попасть в Германию. Уже седьмой месяц Рихтгофен возит ее за собой и все только обещает поставить свое начальство в известность о намерении забрать русскую в Германию. Да и здесь, на Украине, старается поселить ее где-нибудь подальше от своей части. Видимо, боится, что ему попадет от начальства за интимные отношения с русской.

— Сегодня у нас пятница, значит, завтра вечером он должен приехать. По субботам, когда они не воюют, он всегда приезжает. Оставайся у меня. Познакомлю, поговорим о тебе. Ты скажешь, что «дружила» с немцем больше года. Он, мол, обещал взять тебя в Германию, но погиб. Теперь тебе оставаться здесь нельзя, — поучала Антонина.

Груня на радостях расцеловала подругу.

Мотря возвратилась в хату с новой бутылкой самогону. И за столом продолжился «женский разговор».

Тем временем дед Соловей сходил в свою канцелярию, а Сенченко побывал у кумы, дал лошадям корму и встретился с Кочкиным. Он рассказал, что Антонину привез в Дмитровку к гулящей бабе Мотре Чмырь унтерштурмфюрер на прошлой неделе. Сейчас Груня и Ерошенко, видимо, «обмывают» встречу.

Кочкину оставалось только ждать. Сенченко вернулся к Соловью, чтобы вместе пообедать. Прошло уже порядком времени, а Груни все не было. Тогда Соловей послал свою старшую дочь к Мотре сказать, чтобы Груня поторапливалась. Дескать, дело уже идет к вечеру и надо уезжать домой. Девицы явились тотчас же. Антонина поклонилась старостам и объявила, что дело, ради которого к ней приехала подружка, требует, чтобы она оста-

лась у неё до завтрашнего вечера, а возможно, и до воскресенья. «Крестный» не упирался, разрешил остаться.

Возвращаясь к Мотре, Груня решила, что пора действовать, и выложила Ерошенко легенду, разработанную капитаном Кочкиным.

— Я, Антонина, еще не сказала тебе самое важное, — начала Груня. — Я подружилась с Эдуардом в августе 1941 г. в Белой Церкви. У него уже тогда скопилось много драгоценностей. Это были его «приобретения» во Львове, Ровно, Бердичеве, Житомире, Белой Церкви. Было у него примерно с полсотни золотых колец с дорогими камнями, много карманных золотых часов, браслетов, сережек, брошей, ожерельев из янтаря и жемчуга и других дорогостоящих предметов. Все это он возил с собой в маленьком железном сундучке. Но боялся, что начальство дознается и отберет это богатство. И поскольку тогда считалось, что война скоро закончится, то мы с ним, уходя из Белой Церкви, зарыли этот сундучок там, в Александрийском парке. Решили, что, когда будем уезжать в Германию, заедем и заберем его. Я и он хорошо заприметили то место. Но, как видишь, бог не дал Эдуарду возвратиться домой. Он остался в донской земле навечно. Будет вечно лежать и это богатство в земле Киевщины, если его не забрать теперь. Вот пусть твой Франц поможет мне съездить в Белую Церковь и забрать сундучок. Или пошлет кого-нибудь из подчиненных со мной. Вот будем богачками!

Антонина слушала Груню, затаив дыхание, и, когда та замолчала, сказала:

— Ты, что, Груня, с ума сошла? Разве можно поручать такое другим? И тебя, боже сохрани, говорить еще кому-то. Я завтра же, как только приедет Франц, все ему расскажу, и, думаю, что он сам проведет эту операцию.

— Сам он не проведет, — возразила Груня. — Не найдет.

— А мы с тобой поможем, — сказала Антонина. — Он как архангел летает на своем мотоцикле. Важно только, чтобы Франц завтра приехал, чтобы его отпустили. А то они сидят в Знаменке и ждут погрузки... Ну ты, Грунечка, и весть мне привезла! Недаром мне сегодня ночью сон хороший снился. И карты утром хорошо легли... Смотри, об этой тайне не проговорись хозяйке...

Сенченко поблагодарил Соловья за оказанную ему услугу, пообещал приехать за «крестницей» в понедельник.

— Ну а если она останется жить у Чмырихи — пусть живет. Как говорится, баба с воза — кобыле легче. Хорошо бы они в придачу с Матреной махнули с немцами в Германию. Туда им и дорога.

Сенченко попрощался с семьей Соловья и направился к куме. У нее он сразу же стал запрягать лошадей. Та было принялась уговаривать остаться, но Сенченко отказался:

— Нет, нет и не упрашивай. Поеду. Надо до темноты проскочить Черный лес. Партизаны больно сильно стали докучать.

— А где потерял свою крестницу-то? — поинтересовалась кума.

— Решила обосноваться на время у Мотри Чмырь. Ничего, приеду за ней в понедельник.

Пелагея Трофимовна с негодованием всплеснула руками:

— У Мотри? У этой шлюхи?!

— Опа и сама, наверное, такая, как Мотря, — раздраженно ответил Сенченко и, обращаясь к «дяде», добавил: — Вот какая у тебя племянница, а у меня крестница!

А кума продолжала негодовать:

— Я бы всех таких баб вешала головами вниз. На другое наказание они не имеют права.

В пути до хутора Плоский Иван Свиридович рассказал Кочкину все, что ему стало известно об Антонине. Не преминул подчеркнуть, что Антонина — баба видная. Немец, видимо, не зря возит ее за собой.

Капитан Кочкин остался на хуторе Плоском. Ходом событий он был в основном доволен. Антонина Ерошенко — главный «конь», на котором можно подъехать к Рихтгофену, — была найдена. Да и сам Рихтгофен, вероятно, находится в Знаменке, раз собирается приехать в Дмитровку на воскресенье. Правда, Кочкина беспокоил вопрос: сделала ли уже Груня ход «главным козырем»? И если да; то как на это реагировала Ерошенко? Он надеялся, что Антонина и Рихтгофен клюнут на такую приманку. Тогда придется крепко поразмыслить над тем, когда именно и по какой дороге они поедут. Беспокоила и дальнейшая судьба Груни. Фактически она осталась у Антонины заложницей. Ранее предполагалось, что после первой встречи с Антониной Груня сошлется на ожидание «дяди» и покинет хату Мотри. Но так не получилось..

Пришлось Кочкину обсуждать с партизанами вопрос захвата Рихтгофена, учитывая, что Груня может стать заложницей гитлеровца. Партизаны предложили самый простой вариант. В Дмитровке немецкого гарнизона нет. Поэтому было решено на следующий день установить наблюдение за хатой Мотри, и как только появится Рихтгофен, взять его и всех трех женщин. Однако не было гарантии, что такая операция пройдет тихо. И если о ней станет известно в Знаменке, то эсэсовцы сожгут Дмитровку и Иванковцы, навверняка повесят старост этих сел, да еще проведут карательную операцию против партизан по Черному лесу. Поэтому Кочкин не согласился с таким вариантом. Он считал, что захватить эсэсовца нужно в «нейтральном» месте, без шума и свидетелей. Тогда его исчезновение поставит контрразведку гитлеровцев в тупик.

После долгих споров решили обратиться за советом к командиру ближайшего партизанского отряда М. М. Скирде. Отряд располагался километрах в двенадцати от хутора Плоский. Отправились туда немедленно. Время торопило наших товарищей. Кочкин не исключал, что если Рихтгофен приедет к Мотре в субботу вечером, то в воскресенье с рассветом кинется в Белую Церковь за «драгоценностями».

Скирда поддержал план Кочкина. Определили и место захвата: примерно в двух километрах от Дмитровки в направлении к Знаменке.

Часам к семи утра в субботу не спавшие всю ночь Кочкин и партизаны со средствами захвата возвратились на хутор Плоский. А вечером на хуторе появился четырнадцатилетний Дима Пархоменко. Он сообщил, что два часа назад к тетке Мотре приехали на мотоцикле с коляской два немца: один высокий, молодой, а другой — среднего роста, полный, пожилой. Этот был за рулем, с автоматом. Мотоцикл оставили во дворе под навесом. Полный немец в светлое время два раза выходил к мотоциклу, осматривал его и что-то брал в коляске. Гитлеровцы, видимо, останутся ночевать у Мотри. Сейчас в хате началась пьянка.

В воскресенье на рассвете все участники предполагаемой операции были на своих местах. Место для захвата было выбрано действительно удобное. Здесь, примерно в двух километрах от Дмитровки и четырех от Знаменки, дорога шла возле небольшой высоты, с которой в бинокль хорошо просматривалась во все сто-

роны местность. А на ней были и небольшие рощицы, и овраги, тянувшиеся к речке Ингулец, огибавшей южную часть Черного леса, и главное, дорога к высоте от Дмитровки шла на подъем. Она была грязная, разбитая, тяжелая для мотоцикла.

Около восьми утра с высоты был замечен вышедший из Дмитровки мотоцикл. За рулем сидел Рихтгофен, на заднем сиденье, обхватив его руками, расположилась Антонина. Груня ехала в коляске. Мотоцикл «ковылял» по дороге, видимо объезжая большие выбоины и рытвины. Партизаны подали сигнал к действию. И через несколько минут от оврага, склоны которого заросли кустарником, выехала подвода, запряженная парой добрых коней. Возле подводы шли два гитлеровских солдата: один высоченный — ездовой, он правил лошадьми, а второй — ниже среднего роста, прихрамывая, шел сзади телеги, держась за ее борт. В телеге барахталось десятка два связанных лапами кур и с полдюжины гусей. Все говорило о том, что мародеры обшарили находившийся недалеке здесь хутор Васино и теперь выбирают на грейдерную дорогу. Мотоцикл догнал подводу и стал рядом с ней медленно подниматься в гору. Сидевший за рулем Рихтгофен, увидев в телеге птиц, пошутил:

— Хорошую закуску везете, господа!

Шедший позади телеги в форме гитлеровского солдата Кочкин, кивнув на женщин, ответил:

— У вас тоже неплохая закуска, господин офицер. Только этих баб надо бы ссадить. Иначе ваш мотоцикл в гору не въедет.

Женщины неприветливо посмотрели на неучтливового солдата. Груня сразу же слегка покраснела, и Кочкин понял, что она узнала его. Пока Рихтгофен размышлял, принять ему совет или рискнуть с ходу преодолеть крутой подъем, один из солдат произнес:

— Ладно уж, пусть сидят. Мы поможем.

Он подошел к мотоциклу, который уже начал буксовать. Оставив лошадей, подошел и другой солдат. Выхватив пистолет, он приставил его к груди Рихтгофена и потребовал поднять руки вверх. Эсэсовец, недоумевая, попытался было вынуть из кобуры свой парабеллум, но Кочкин сильно ударил его рукояткой пистолета по затылку. Женщины испуганно закричали, соскочили с мотоцикла и бросились в кусты. Но из засады им навстречу вышли партизаны.

Тем временем Кочкин с помощью партизан заломил Рихтгофену руки за спину, связал, всунул ему в рот приготовленный кляп. Гитлеровца положили в телегу, прикрыв сверху сеном и птицами, и она не спеша тронулась в сторону Черного леса. Антонину и Груню партизаны повели в отряд напрямик через кустарник. Через несколько часов все благополучно добрались до места.

Исчезновение эсэсовца Рихтгофена вызвало у гитлеровцев большой переполох. Начались повальные обыски, аресты, допросы. Надо было обеспечить безопасность семьи Сенченко в случае, если гитлеровцы пронюхают о связях старосты с партизанами. И как-то староста села Дмитровка дед Соловей поднял на крыльце своего дома письмо. В нем говорилось: «Имей в виду, Соловей, если будешь так же, как иванковецкий староста Сенченко, танцевать вприсядку перед недобитыми фашистами, устроим тебе то же самое, что и ему. Приезжай к нам в Черный лес и полюбуйся, как он болтается на суку».

А Сенченко в эти дни в кругу партизан праздновал в лесу большие события: 26-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции и освобождение от фашистских захватчиков столицы Украины — Киева. Это была огромная радость советского народа. И особенно для ее воинов и партизан. Победа звала их на новые подвиги, на борьбу за полное изгнание оккупантов с советской земли.

В партизанском отряде эсэсовца Рихтгофена допрашивать не стали. У него были изъяты личные документы и дневник, который он вел и всегда возил с собой в надежде получить за «подвиги» новые награды рейха. Из дневника Кочкин узнал, что Рихтгофен родился в Австрии. В детстве переехал с родителями в Германию. Его отец открыл в Баварии мастерскую по ремонту автомобилей, в которой работал и Франц Рихтгофен. В юности он состоял в молодежной нацистской организации «Гитлерюгенд». В вермахт был призван в 1938 г., где и стал членом национал-социалистской партии. На службу в дивизию «Мертвая голова» был направлен в феврале 1942 г.

Фанатичный фашист Рихтгофен совершил на оккупированной советской земле массу кровавых преступлений. В зго дневнике значилось, что только с февраля по сентябрь 1943 г. он со своей командой сжег полно-

стью или частично в Курской области и на Украине 70 населенных пунктов. При этом были сожжены и расстреляны сотни беззащитных советских граждан, в том числе дети и старики.

Рихтгофен откровенно сожалел, что так глупо попался русским, во всем винил свою возлюбленную Антонину, которая «привязала» его к себе. В субботу он приехал к ней не один, а с водителем мотоцикла Кальденом, который также хотел «немного отдохнуть». Известие о том, что Кребс спрятал в 1941 г. в Белой Церкви крупные драгоценности, сильно взволновало Франца. Ехать решили вместе с Кальденом, естественно, прихватив с собой Груню. Антонина должна была остаться у Мотри. Но она закапризничала. Видимо, Антонина боялась, что ей меньше всего перепадет при дележке драгоценностей. Так или иначе, но Рихтгофен согласился взять Антонину с собой, оставив у Мотри Кальдена. Тот должен был возвратиться в Знаменку на попутной машине и доложить командованию, что Рихтгофен задерживается по служебным обстоятельствам.

Рихтгофен уже все рассчитал. Он собирался заехать в Знаменку, взять здесь запас горючего и переодеть женщин в форму немецких солдат. Выдавая их за свою охрану, легче было проскочить посты полевой жандармерии на пути в Белую Церковь. Возвратиться в Знаменку с драгоценностями предполагал к вечеру в понедельник.

Дней десять спустя, в середине ноября, когда войска 2-го Украинского фронта вновь начали активные действия по расширению плацдарма на правом берегу Днепра, капитан Кочкин со своими «трофеями» с помощью партизан перешел линию фронта в расположение 7-й гвардейской армии. Здесь Рихтгофену было предъявлено обвинение. За совершенные им чудовищные зверства и насилие над мирным советским населением военно-полевой суд приговорил матерого фашистского палача к высшей мере наказания. Это был один из первых таких процессов, и он имел большое политическое значение. Наказание гитлеровца Рихтгофена должно было послужить назидательным уроком для всех, кто вершил злодеяния на временно оккупированной советской территории, надеясь на безнаказанность.

После выполнения ответственного задания капитан Кочкин убыл от нас к новому месту службы в механизированный корпус на должность помощника начальни-

ка отдела контрразведки «Смерш». В этой должности он и закончил войну в Германии...

Предательство испокон веков считалось самым презренным поступком у всех народов земли. Особенно отвратительно предательство, если оно совершается в трудную для Родины пору.

История Великой Отечественной войны свидетельствует, что абсолютное большинство наших солдат и офицеров, оказавшись в фашистском плену, до конца остались советскими людьми. Сделке с врагами они предпочитали голод, побои, истязания, печи крематория. И их трагическая, но высокая судьба — достойный ответ на исповедь одного из предателей, арестованного нами осенью 1943 г. Дни этого человека были сочтены, но даже на грани жизни и смерти он не был до конца искренен. В какие бы красивые одежды ни рядилось предательство, оно таковым и останется. А судьба бывшего комсомольца и командира Красной Армии Николая Левчука показательна и в другом. Оправдывая сделку со своей совестью, он пытался подвести под нее психологическую базу, дескать, потерял веру.

Помощник резидента «Зондерштаба-Р» по Полтавской области Николай Левчук был разыскан военными чекистами тоже с помощью Марии. На первом же допросе он изъявил желание написать показания собственноручно. На мой взгляд, стоит привести это «саморазоблачение» предателя Родины, так сказать, в первоизданном виде и полностью.

«Мне 26 лет, — писал он, — родился в Кировоградской области, в хорошей советской семье. Дома, в школе и в комсомоле меня воспитывали в духе преданности социалистической Родине. В 1939 г. окончил Харьковский университет и был призван в Красную Армию. Служил в Киевском особом военном округе и занимал командирскую должность. Осенью 1941 г. истек срок моей службы и я ожидал демобилизации в звании лейтенанта запаса.

Но 22 июня фашистская Германия напала на СССР. Началась страшная, проклятая всеми честными людьми война. Моя часть, в которой я командовал четырьмя зенитно-пулеметными расчетами, в тот же день прибыла в Тернополь. Здесь мы прикрывали с воздуха командный пункт генерала Кирпоноса. Но через пять дней пришлось отступать. Вначале охраняли штабную колоц-

ну, а спустя несколько дней — прикрывали войска, отходившие через переправы.

В сентябре 1941 г. вместе с другими частями Юго-Западного фронта наш полк, понесший большие потери, оказался в окружении. Мне удалось тогда пробиться к своим.

Зимой 1941/42 г. наша часть прикрывала штаб фронта в Воронеже. А в мае 1942 г. участвовала в харьковском наступлении, столь плачевно закончившемся для нас. Мой взвод в те дни находился у переправы через речку Оскол у Красного Лимана. Когда расстреляли последние боеприпасы, я вывел из строя зенитно-пулеметные установки и с шестью красноармейцами трое суток бродил по территории, уже занятой противником. Пытались выйти к своим, но безуспешно. Мы попали в плен.

Я, как офицер, сразу же был отделен от своих подчиненных и после двухнедельного пребывания в лагере на Лысой горе (Харьков) этапирован в Дарницу.

В Дарницком концлагере содержались в основном офицеры. И видимо, поэтому особо активно велась антисоветская обработка. Здесь, как я узнал позже, подбирались кадры для Варшавской разведшколы, где к этому времени при абверовском штабе «Валли» был организован контрразведывательный орган под названием «Зондерштаб-Р». В течение двух месяцев (до выхода немецких войск к Волге) нас обрабатывали, предлагали поступить в разведшколу. Однако из нескольких сот человек в нашем бараке согласились только пятеро, в том числе и я. Чистосердечно теперь признаюсь, что согласие я дал потому, что в голове начала зарождаться мысль: «Красная Армия не победит немцев. Поэтому надо кончать с войной. Не оказывать дальнейшего сопротивления противнику».

Теперь я сознаю, что это было ошибочное мнение. Заблуждение.

Группа, состоявшая из тех, кто дал согласие учиться в разведшколе, прибыла в Вустравский спецлагерь в конце сентября 1942 г. Здесь две недели нас потчевали антисоветчиной, а потом я оказался в варшавском контрразведывательном органе «Зондерштаб-Р».

В Вустраве и в Варшаве бросалось в глаза прежде всего то, что командовали здесь в основном выходцы из России — офицеры царской армии, бежавшие за границу еще в годы гражданской войны. Начальником «Зондер-

штаба-Р» был белогвардеец, полковник царской армии Смысловский.

Учеба продолжалась около шести месяцев. По окончании я получил назначение в Полтаву на должность помощника резидента «Зондерштаба-Р» на Украине. Организационная структура этого «чисто российского контрразведывательного органа» на захваченной немцами территории выглядела следующим образом: главные резиденты находились в Симферополе¹, Киеве и Минске. В районах и кустах соответственно районные и кустовые резиденты. Связь с низовыми резидентами осуществлялась с помощью курьеров.

Главные резиденты и их помощники были штатными сотрудниками «Зондерштаба-Р». На них лежала обязанность подбора из местных жителей лиц, лояльно относившихся к оккупационным властям. Мы должны были вербовать их и направлять на учебу в школы. Если позволяли способности и преданность тех или иных отобранных нами людей, внедряли их в антифашистское подполье, партизанские отряды и даже создавали из таких лиц лжепартизанские отряды. Вся деятельность велась в тесном контакте с руководством гитлеровских карательных органов ГФП, СД и войск СС.

Я прибыл в Полтаву на должность помощника главного резидента в начале мая 1943 г. А в конце августа в связи с большими успехами Красной Армии на Украине вместе с главным резидентом, располагавшимся в Киеве подполковником царской армии Бобриковым, бежал в Варшаву. Но в «Зондерштабе-Р», который к тому времени объединился со штабом Русской освободительной армии (РОА), мне должности не дали. Было приказано возвратиться на Украину к матери, дожидаться прихода войск Красной Армии, попасть на службу в одну из советских частей и уже там выполнять задания абвера.

Прошу верить, что пишу обо всем этом далеко не с легким сердцем, хотя в данный момент действительно чувствую огромное облегчение. Все самое страшное, как мне представляется, теперь уже позади. А самым страшным были повседневные душевные терзания на протяжении почти полутора лет. И особенно с того дня, когда я дал согласие оказывать помощь врагу. Какое бы суровое наказание мне теперь ни вынес советский суд, я готов его принять...»

¹ Крым тогда входил в состав РСФСР.

Как следует из этих «чистосердечных» признаний предателя Родины, о фактах своих кровавых дел он умолчал, но их разыскивали советские контрразведчики.

Следствие по делу Левчука вели старший следователь капитан В. Н. Твердохлебов и оперработник майор М. Ф. Романченко. Это были люди с большим жизненным опытом, знающие свою трудную профессию досконально. Романченко — уроженец Полтавской области, из рабочих, в Красную Армию был призван в 1935 г., где через год его избрали секретарем комсомольской организации авиаполка. Осенью 1938 г. Романченко направили на работу в особый отдел Киевского военного округа. Накануне войны он оперативно обслуживал штаб ВВС округа. В первые же дни войны был направлен в Тернополь.

Романченко отступал с боями до Волги, а с июля 1943 г. неоднократно участвовал в боевых действиях наших танковых и механизированных корпусов, вводимых командованием фронта в прорывы. На него в таких операциях возлагались задачи захвата гитлеровских разведчиков, гестаповцев и других государственных преступников. При решении этих задач ему приходилось устанавливать контакты с партизанами.

Словом, опыт чекистской работы в сложнейших боевых условиях очень пригодился майору при ведении следствия по делу Левчука. Было установлено, что этот предатель Родины чинил кровавые преступления против мирных советских граждан. Предвидя, что ему рано или поздно придется отвечать за свои преступления, гитлеровский пособник старался не оставлять следов. Он тщательно следил за тем, чтобы ни одна его жертва никогда уже больше не могла стать живым свидетелем. Однако предатель Родины был полностью изобличен и приговорен к высшей мере наказания.

В ходе следствия были получены обстоятельные сведения о «кадрах» «Зондерштаба-Р», находившихся на Украине. В частности, об ответственных сотрудниках этого штаба и штаба РОА, чиновниках гитлеровского «министерства по делам оккупированных восточных территорий» и агентах — провокаторах, внедренных в подполье и в партизанские отряды, — а также о тактике лжепартизанских отрядов. Все эти материалы были использованы органами государственной безопасности в их дальнейшей деятельности, направленной против явных и тайных врагов нашей Родины.

Не секрет, что на войне каждой крупной войсковой операции предшествует кропотливая работа разведывательных и контрразведывательных органов. Можно с уверенностью сказать, что и любое поражение на фронтах в значительной степени обусловлено отсутствием оперативной объективной информации в штабах.

Я отнюдь не пытаюсь преувеличить значение контрразведки, но ее вклад в нашу окончательную победу в Великой Отечественной войне неоспорим. В тяжелейших условиях осени 1942 г. советским военным чекистам не только удалось помочь советскому командованию сохранить в тайне концентрацию огромных сил в районе Сталинграда, но и вести активную работу по дезинформации гитлеровского командования.

Опыт Сталинграда помог военным чекистам обеспечить выполнение всех стратегических замыслов Верховного Главнокомандования в Курской битве. Конечно, сохранять в полной тайне наличие целого фронта при заброске врагом многочисленных групп шпионов и диверсантов было нелегко, тем более что события происходили в полосе главного удара гитлеровских армий.

Надо сказать, что дезинформировать разведку противника советским контрразведчикам очень облегчали такие факторы, как превосходство в огневой мощи, живой силе, техническом оснащении и господство в воздухе. Разгромив фашистов под Сталинградом, советские войска уже не выпускали инициативы из своих рук до конца войны.

Уже в послевоенные годы отставные гитлеровские разведчики разными способами пытались задним числом оправдаться за свои крупные поражения и просчеты в борьбе с советскими чекистами. В «объективности» этих господ сомневаться не приходится, но одну из причин своего краха они называли на удивление точно — вполне закономерная ненадежность гитлеровских шпионов и диверсантов. Ставка на предателей из среды советских военнопленных и гражданского населения на оккупированной территории лопнула как мыльный пузырь. Она была лишь одним звеном общей военно-политической стратегии третьего рейха, рассчитанной на то, что народ нашей страны воспримет приход гитлеровских полчищ как «избавление от большевизма».

Несомненно, что провалы всех крупных операций абвера на восточном фронте были predeterminedены. Руководство гитлеровской разведки не верило в надежность своих кадров, а большинство непосредственных исполнителей разведывательных доктрин Канариса и Гимmlера ненавидели своих хозяев. Разумеется, страх и ненависть никогда не были действенным стимулом, а тем более залогом победы в бескомпромиссном столкновении двух политических систем.

Ко времени описываемых событий в секретных службах вермахта все, как говорится, вернулось на круги своя. И спрос на кандидатов в шпионы и диверсанты из числа советских военнопленных из-за недоверия к таким кадрам был уже не тот, да и советские люди даже под страхом смерти теперь не хотели идти в услужение к оккупантам. Ассортимент абверовского резерва стал невелик: уголовники, деклассированные элементы, члены буржуазных националистических организаций. О последних следует рассказать подробнее.

С выходом наших войск на территорию западных областей Украины деятельность ОУН в значительной степени активизировалась. И мы не могли не учитывать этого фактора. В начале января 1944 г. на Правобережной Украине началось новое мощное наступление наших войск. Гитлеровское командование не ожидало этого. Оно полагало, что тяжелые бои за Днепр основательно истощили силы Красной Армии. И теперь гитлеровские разведывательные органы принимали аварийные меры к тому, чтобы установить потенциальные возможности нашего наступления.

Вновь началась массовая заброска по воздуху и суше наскоро подготовленной ими агентуры. На территорию войск 2-го Украинского фронта она забрасывалась главным образом из Умани, КирОВОГРАДА и Кривого Рога. В Умань, в «Зондеркоманду-203», гитлеровские агенты доставлялись по воздуху из Гроссраума (бывшей Варшавской школы) и из-под Берлина — Дабендорфской школы. Об этом мы были информированы нашими зафронтовыми разведчиками и своевременно принимали необходимые меры.

Утром 6 января 1944 г. оперативная группа отдела контрразведки «Смерш» 5-й гвардейской армии прочесывала местность у села Тургеневка, Александровского района, Кировоградской области. В отделе был получен сигнал, что незадолго до рассвета здесь на малой высоте

появлялся небольшой самолет и у «квадратной» рощицы совершил кратковременную посадку. Из штаба воздушной армии сообщили, что наши авиаторы такой операции не проводили.

Около девяти часов утра оперработник капитан Неклюдов со взводом бойцов прочесывал рощу. Из зарослей вышел военный в форме капитана-танкиста. Он как-то невнятно назвал свою фамилию, потом сказал Неклюдову, что хочет с ним поговорить доверительно. Неклюдов отошел на несколько шагов от своих товарищей, и танкист тихо спросил его:

— Вы, видимо, ищете человека, которого немцы высадили утром с самолета? Так это я. Моя настоящая фамилия Зимбаров. Имя — Хайрула. Нас забросили двоих. Мой напарник час назад ушел в село Новая Прага. Я же собирался явиться к вам.

Часа через три Зимбаров был доставлен в управление контрразведки фронта. Здесь с ним беседовал подполковник Рыдин. Зимбаров хорошо говорил по-русски и по-немецки. Рассказ он начал с последних событий в своей жизни.

28 декабря 1943 г. он в составе группы агентов и преподавателей бывшей Варшавской школы прилетел из Кенигсберга в Кировоград. В тот же день группа была доставлена в Умань в «Зондеркоманду-203». На Украину прибыли по личному распоряжению начальника абверовского штаба «Валли», так как здесь началось большое наступление советских войск. Резервы в рядовых агентах были уже исчерпаны, поэтому в тыл Красной Армии в качестве агентов начали направлять преподавателей разведшкол. При вылете в Кировоград ему сообщили, что «командировка» рассчитана не более как на месяц, а затем он, как хорошо знающий радиодело, будет возвращен в Гроссраум.

Находясь в Варшавской школе, он сдружился с одним из ее преподавателей — Константином Воиновым, бывшим капитаном Красной Армии. Когда в конце декабря готовился вылет группы из Гроссраума в Кировоград, предполагалось, что полетит и Воинов. Но в самый последний момент ему приказали оставаться на месте. Прощаясь, Воинов посоветовал Зимбарову явиться в «Смерш» и заявить там, что такой приказ ему дал Воинов. Зимбаров с радостью согласился.

В тыл Красной Армии с заданием абвера Зимбаров послан впервые. Забросили его и агента, которого он зна-

ет под псевдонимом Желтый, экипированного в форму лейтенанта-танкиста, на советском самолете У-2.

Зимбаров и Желтый должны были установить, в каких именно населенных пунктах в треугольнике Знаменка, Новая Прага, Александрия располагаются корпуса 5-й гвардейской танковой армии и доукомплектованы ли они танками и личным составом. Если же они ушли из указанного треугольника, то выяснить, когда и в каком направлении. На выполнение этого задания им давалось трое суток. Затем они обязаны были доложить результаты по радио в Умань и получить разрешение (в зависимости от результатов выполнения задания) на возврат. При таком варианте они должны были указать место и время прибытия за ними самолета.

Сегодня утром Желтый ушел на выполнение задания в село Червона-Каменса, а оттуда на попутной машине должен уехать в район Новой Праги. 8 января к 20 часам он обязан прибыть на станцию Александрия и здесь встретиться с Зимбаровым.

Очень ценным было для нас сообщение о складывающейся в то время обстановке в руководящих абверовских органах, его школах и зондеркомандах. Кратко его содержание сводилось к следующему.

Авторитет абвера в верхах фашистского командования падает с каждым днем. Вот и теперь в связи с «неожиданностями» на южном крыле восточного фронта к Гитлеру был срочно вызван Канарис. Но агентурные кадры у абвера на исходе. В разведшколы направляют военнопленных обманным путем или под угрозой казни. В связи с этим увеличилось количество агентов, не возвращающихся с заданий. Поэтому Воинов и не мог настаивать на своем вылете в Кировоград. Его могли заподозрить в желании явиться в органы советской контрразведки с повинной. В составе забрасываемых теперь разведывательно-диверсионных групп обязательно есть лица, которым абвер дает задание стрелять каждого, кто сделает хотя бы намек на отказ выполнять порученное задание. В «Зондеркоманде-203» ведутся разговоры, что «все сейчас против абвера», даже природные условия. Берега Днепра, особенно правого, так изрезаны оврагами, что негде выбросить агентуру с воздуха. Овраги хороши для укрытия, но не пригодны для высадки, приземления.

Из всего сказанного Зимбаровым нас особенно заинтересовало то, что руководство абверовских органов предполагает в дальнейшем пополнять агентурные кадры за

счет украинских националистов. Они учитывали, что советские войска вот-вот вступят в западные области Украины и мужчины призывного возраста будут мобилизованы в армию. Призывной контингент там большой, и поэтому гитлеровцы принимают меры к внедрению в советские части агентуры с заданиями главным образом диверсионно-террористического характера. Нам уже было известно, что с целью наиболее эффективного использования националистических банд против Советского Союза полиция безопасности и СД «дистрикта Галиция» назначили для связи с бандеровской штаб-квартирой своего представителя — гауптштурмфюрера СС Панпе.

ОУН и УПА¹ поставляли секретным гитлеровским службам шпионско-диверсионные кадры и разведывательную информацию. В свою очередь фашисты обеспечивали националистов оружием и шпионским снаряжением. В захваченном нами секретном архиве гитлеровцев мы обнаружили следующее свидетельство нацистского разведчика Э. Штольце: «Во время отхода немецких войск с Украины по линии абвера лично Канарис дал указание о создании подполья для борьбы с Советской властью, о проведении террора, диверсий и шпионажа. Специально для руководства националистическим движением оставлялись соответствующие офицеры и агентура. Было дано указание о создании складов оружия, продовольствия и т. д. Для связи с бандами засылалась агентура через линию фронта. Банды снабжались боеприпасами и оружием».

Через два дня мы снабдили Зимбарова информацией в соответствии с заданием зондеркоманды и доставили на станцию Александрия, где он встретился с Желтым. Утром 9 января из района Тургеневки они связались по радиции со своим центром и доложили о «выполнении задания». Утром следующего дня за ними прислали самолет.

Велико было наше искушение захватить Желтого и самолет. Но наш долг перед Воиновым, разведчиком, внедренным в абвер в декабре 1941 г., был еще выше. По нашему заданию в Умани Зимбаров должен был добиться возвращения в Гросраум к Воинову и сообщить ему, что на Родине его действиями довольны, благодарят за подвиг и разрешают самому принять решение о выборе времени и способа возврата.

Сведения, переданные Воиновым через Зимбарова,

¹ УПА — так называемая Украинская повстанческая армия.

уже в самое ближайшее время пригодились нам в повседневной оперативной работе.

Обстановка на южном крыле фронта изменялась с катастрофической для гитлеровцев быстротой. В январе и феврале 1944 г. советские войска освободили Ровно, Луцк, Житомир, Бердичев, Кировоград, Николаполь и Кривой Рог. Сокрушительным для фашистов было поражение в районе Корсунь-Шевченковского. Противник потерял здесь десятки тысяч солдат и офицеров убитыми, ранеными и взятыми в плен, всю боевую технику и вооружение. В результате этих потерь была не только существенно ослаблена вражеская группировка на Правобережье Украины, но и несколько деморализованы все гитлеровские войска, находившиеся на восточном фронте.

После разгрома под Корсунь-Шевченковским фашистские генералы надеялись на некоторую передышку. Гитлеру доложили, что советское командование не имеет возможностей для дальнейших активных действий. Дескать, Красной Армии нужно время для подтягивания резервов и перегруппировки войск. Но и здесь враг жестоко просчитался. Командование Красной Армии по-своему оценило обстановку в Правобережной Украине и в первых числах марта отдало приказ фронтам о наступлении. Их мощный удар потряс всю оборону врага. До сих пор история войн не знала примера более грандиозного наступления войск, с участием боевой техники, в труднейших условиях весенней распутицы.

В те дни войска 1-го Украинского фронта осуществляли Проскуровско-Черновицкую операцию, а войска 2-го Украинского фронта — Уманьско-Ботошанскую операцию. Наступление на Умань наших частей было до того стремительным, что гитлеровцы даже не успели вывести из города свои штабы. А оперативные группы отделов «Смерш» под руководством майора П. Г. Корсунова захватили 18 сотрудников «Зондеркоманды-203» и шесть находившихся при ней агентов. Из всего состава зондеркоманды удалось бежать лишь ее начальнику — капитану Рейнгардту, лейтенанту Гроссу и... нашему Оводу. Но Овод сумел оставить нам очень ценную весточку. Оказалось, что сотрудники абверовских органов пребывали в шоковом состоянии. Абвер перестал существовать как самостоятельный орган. Гитлер обвинил его в полной беспомощности на восточном фронте и передал в подчинение начальника 8-го управления главного управления имперской безопасности — бригадефюрера Шелленберга,

освободив Канариса от руководства абвером. Теперь вся агентура абвера, «Цеппелина» и СД переходила в подчинение Шелленберга и его непосредственных шефов — Кальтенбруннера и Гиммлера. Отстранили абвер и от руководства деятельностью украинских националистов и их «повстанческой армии». Это право было передано гестапо — Мюллеру.

Заслуживающими внимания были также сведения о том, что «объединенные разведорганы» должны были срочно организовать в населенных пунктах Вапнярка, Липканы и городе Кишиневе курсы по подготовке агентуры¹. В эти же места предполагалось отвести «Абверкоманду-101» и «Зондеркоманду-204», сконцентрировав при них уже готовую для заброски агентуру.

Не успели мы, что называется, прочувствовать свою победу над абвером, как 26 марта 1944 г. войска 2-го Украинского фронта вышли на 85-километровом участке на границу СССР с Румынией. 20 дней они, громя упорно сопротивлявшегося противника, не давая ему передышки ни днем, ни ночью, продвигались в распутицу вперед. И вот она, как писала в те дни «Правда», «долгожданная граница нашей Отчизны, тридцать три месяца назад попранная врагом».

Весть о выходе на государственную границу войск 2-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза И. С. Конева облетела всю Красную Армию, всю нашу страну и вызвала законную радость и гордость у воинов и тружеников тыла. Москва торжественно салютовала воинам фронта. Но и в радости не забывали военные чекисты, что враг еще недобит и что отчаявшиеся гитлеровские головорезы и их пособники способны на самые страшные преступления.

В середине апреля 1944 г. войска 2-го Украинского фронта в соответствии с приказом Верховного Главнокомандования перешли к обороне.

Каждому советскому воину было ясно, что командование сделало передышку, чтобы произвести перегруппировку, подтянуть резервы и затем снова начать наступление большой силы с расчетом вывода Румынии из войны. Такие предположения, разумеется, делали и руководители фашистской Германии. Поэтому они предпри-

¹ Названы только те населенные пункты, которые находились в полосе действия 2-го Украинского фронта.

нимали отчаянные меры к удержанию своих партнеров в «блоке».

Противника в полосе действия 2-го и 3-го Украинских фронтов особенно интересовало, когда, где и какими силами советские войска начнут наступление, чтобы со своей стороны принять своевременные контрмеры. Для получения ответов на эти вопросы гитлеровцы вновь привели в действие все средства своих разведывательных органов. В расположение и тылы наших войск началась заброска агентуры с заданиями разведывательного, диверсионного и террористического характера. А руководителям украинских националистов были даны указания привести в действие «пятую колонну» — банды УПА, сформированные в западных областях Украины, сделать территорию этих областей линией нового фронта в тылу Красной Армии.

...К часовому у штаба артиллерийской бригады, располагавшемуся в поселке Русяны¹, подошла старая, опирающаяся на клюку женщина и на странной смеси русских, украинских и молдавских слов попросила провести ее к самому большому начальнику Красной Армии. У нее болен муж. И хотя ему уже 80 лет, но он старый солдат, воевал еще с турками и его следовало бы подлечить. Живут они в усадьбе помещика Сутеску, в шести верстах отсюда.

Минут через десять старуху приняли командир бригады полковник Фролов и его заместитель по политчасти подполковник Кошевой. Им она сказала, что нужен ей не доктор, а такой начальник, которому ее муж мог бы рассказать «тайну», и обязательно сегодня. Какую «тайну» — она не знает. Может, ее старый хочет сказать что-то о военных, которые стоят с пушками в лесу возле помещицкой усадьбы? Мужа зовут Иваном, а ее — Марьяной. Фамилия их — Чабан.

Фролов и Кошевой, внимательно выслушав бабку Марьяну, пригласили начальника отдела «Смерш» бригады майора Светильникова.

Вблизи усадьбы помещика располагался 2-й дивизион бригады, но оперработника при нем не было. Он погиб месяца три назад на Днестре во время боев за город Сороки, а на его место еще никого не прислали. Поэтому на свидание с дедом решили отправить майора Светильникова.

¹ Поселок Русяны, Единецкого района, Молдавской ССР.

Примерно через час он и бабка Марьяна приехали на усадьбу. Дед Иван лежал здесь в большой каморе недалеко от летнего флигеля бежавшего помещика. Камора была разделена стеной из плетня, обмазанного глиной, на два отдельных помещения с разными ходами. В том, где лежал сейчас дед, хранилась разная домашняя утварь, а во второй был погреб, где в свое время стояли бочки с винами и соленьями. Перегородка в каморе не доходила до крыши.

Дед рассказал Светильникову, что родился в Бессарабии и всю свою жизнь, за исключением пребывания на войне с турками, прожил здесь. На войне был батареем, а дома батрачил. Сейчас неподалеку расположились артиллеристы и ему, старому солдату, есть о чем поговорить с ними. Два артиллериста особенно часто бывают, беседуют с дедом задушевно. Одного звать Николаем, а другого — Петром. Им лет по тридцать. Служат они в армии недавно. Сами с Украины. Их села находятся где-то недалеко. Сегодня в полдень знакомые артиллеристы снова пришли и направились прямо в погреб. Вскоре пришли еще двое. Эти, видимо, не знали, что дед лежит тут же, за стенкой, и поздоровались друг с другом странным образом: «Слава Иисусу». Через стенку их разговор деду был слышен, хотя они и говорили негромко. Собравшиеся ругали Советскую власть. Естественно, дед насторожился. Разговор у артиллеристов был длинным и сводился к тому, что сегодня ночью надо перебить всех офицеров в дивизионе, взять оружие и уйти к «своим». Сколько их всех — они не говорили. Но, как понял дед, беседовавшие и есть тот штаб, который будет руководить этим бандитским делом. Одного из них они называли унтер-офицером. В разговоре упоминали города Коломыю, Станислав, Стрый. Говорили, что сигнал ночью подаст этот унтер.

Дед Иван торжественно заявил, что умолчать об услышанном не мог. Не может допустить, чтобы кто-то делал вред для Красной Армии.

Светильников понял, что в погребе встречались украинские националисты. Он задал деду еще несколько уточняющих вопросов и поблагодарил его за патриотический поступок. Действовать надо было немедленно. Командира дивизиона подполковника Дашкова Светильников застал в его землянке и проинформировал о содержании сообщения деда Ивана. Дашков пригласил своего заместителя по политчасти майора Холодова и начальника штаба май-

ора Гавроша. По просьбе Светильникова писарь штаба принес список личного состава. В дивизионе в числе недавно призванных в армию оказалось 18 человек из Коломыйского района Станиславской (ныне Ивано-Франковской) области. Контрразведчик предложил немедленно, хотя бы на день-два, удалить некоторых «коломыйчан» из дивизиона, создав видимость отправки их на фронтовые курсы младших командиров, организуемых в Рыпканах. Вместе с ними «послать» туда и несколько уроженцев центральных областей страны.

Предложение было принято. Светильников и замполит дивизиона приступили к отбору «курсантов», но делали это вслепую, наугад. Предположительно отобрали и Николая Мамчура и Петра Ильчишина — знакомых деда Ивана. Младших командиров решили не трогать.

Уже вечерело, когда он и помощник начальника штаба дивизиона старший лейтенант Шаров выехали из расположения дивизиона. В кузове машины находилось 16 бойцов без оружия, призванных из Коломыйского района Украины и из разных областей РСФСР. Светильников сориентировал Шарова, за кем ему следует особо присматривать.

Сначала все было спокойно. Но, не доезжая километра два до Братушан, на полном ходу из кузова выпрыгнул Николай Мамчур и побежал к кустарникам. За ним пытался спрыгнуть Петро Ильчишин. На него навалились трое. Машина остановилась. Мамчур уже приближался к кустам и кричал: «Беги, Петро, какая-то сука предала нас!» Светильников дал очередь из автомата по ногам убежавшего...

Первые сутки разбирательства с «коломыйчанами» показали, что дед Иван опасался не зря. В ту ночь намечалось учинить зверскую расправу над офицерами дивизиона, захватить три орудия четвертой батареи и уйти к «братьям» в леса Прикарпатья. Согласие об уходе в УПА дали и некоторые другие военнослужащие дивизиона — уроженцы западных областей Украины, призванные в армию три месяца тому назад. Но сколько их, кто именно конкретно руководил этим «заговором» ясности еще не было. Предполагалось, что в круг его организаторов входили и Мамчур с Ильчишиным, но оба показаний пока не давали.

Тогда в управлении контрразведки «Смерш» фронта было принято решение направить вместе с майором Светильниковым в артбригаду оперативно-следственную груп-

пу из трех человек во главе с подполковником Яковом Андреевичем Днепровским. Выбор этот был не случаен. В течение полутора лет перед войной Днепровский работал заместителем начальника управления НКВД Черновицкой области. И уже тогда вел борьбу с украинским националистическим подпольем. На него и на Светильникова возлагалась задача внести ясность в возникшую обстановку во втором дивизионе бригады и предотвратить возможные враждебные выступления украинских националистов. Одновременно на этот дивизион назначался и оперработник — старший лейтенант Гринько.

По приезде в расположение дивизиона они не успели сделать и десяти шагов, как из леса с близкого расстояния были обстреляны из автомата. Чекисты открыли ответный огонь. Стрелявший сразу же скрылся. Часовой, стоявший у штабной землянки, рассказал, что он видел, как минут за десять до этого в направлении стоянки автомашин быстро прошел с автоматом сержант 4-й батареи Сало. В батарее его не оказалось. Днепровский организовал розыск преступника. Часа через четыре Сало был обнаружен. Он отстреливался до последнего патрона и только после этого, отбросив пустой автомат, поднял руки вверх.

В ходе следствия было установлено, что во второй половине апреля в бригаду, выведенную в тыл фронта на доукомплектование людьми и техникой, прибыло 70 человек, только что призванных из западных областей Украины. Из них 29 были направлены во 2-й дивизион, где произошли описываемые события. В числе прибывших в него был и уроженец Дрогобычской области Степан Сало. Но в штабе дивизиона он не был внесен в списки вновь призванных, потому что раньше уже призывался в Красную Армию. С 1940 г. он проходил службу в артиллерийском полку стрелковой дивизии, дислоцированной в Южно-Уральском военном округе. Летом 1942 г. эта дивизия прибыла на фронт. Воевала она на Дону, и здесь Сало сбежал к гитлеровцам. Он возвратился домой в Дрогобыч, и с ним немедленно установили контакт гитлеровский офицер СД и сотрудник оуновской СБ (службы безопасности). С тех пор он работал на гитлеровское гестапо.

В феврале 1943 г. Сало женился на уроженке Коломыйского района Станиславской области и переехал жить к жене. Близким родственником его жены был Николай Мамчура — ярый националист.

Сало вырос в семье зажиточного украинского крестьянина. В детстве и юности дружил с сыном сельского священника. С ранних лет воспитывался на идеях украинских буржуазных националистов. Еще в школе примкнул к юношеской националистической организации. Но, будучи призванным в 1940 г. в Красную Армию, он в полку оказался единственным уроженцем из Дрогобычской области. Естественно, ему пришлось затаиться.

В апреле 1944 г., когда в Коломыйский район вступили советские войска и предстоял призыв в армию, Сало, Мамчура и его друг Ильчишин дали обет держаться вместе. Они надеялись попасть на службу в одну часть, чтобы развернуть среди земляков тайную работу против Советской власти по большому счету.

К этому времени Сало получил точные инструкции. После передачи ОУН в подчинение гестапо в старое требование — бойкота призыва в Красную Армию — были внесены коррективы. Их суть состояла в том, чтобы там, где не будет возможности уклониться от призыва, идти на службу в Красную Армию и вести себя в ее частях дисциплинированно, добиваться у командования доверия, доступа к оружию. В то же время вести в частях подрывную деятельность. Организовать из призванных земляков «взводы», а возможно, и «сотни». Затем, как предписывали инструкции, выбрав удобный момент, ликвидировать командование и с оружием организованно прорываться к немцам, оголяя фронт Красной Армии, или же уходить к «братьям» в лес.

Этими указаниями гитлеровского гестапо, а также своей националистической верхушки и руководствовались Сало, Мамчура и Ильчишин, оказавшись в Красной Армии. Они и еще шесть наиболее активных их сообщников были осуждены трибуналом по всей строгости законов военного времени. Остальным, согласившимся на дезертирство и измену, суд счел возможным дать искупить свою вину перед Родиной. Это были молодые, слабо разбирающиеся в политике люди, обманутые оуновскими вожаками.

Подобные гуманные акты Советской власти приобретали широкую огласку в солдатской массе и оказывали благоприятное воздействие на тех гитлеровских агентов из числа украинских националистов, которые раньше боялись прийти к нам с повинной. В подтверждение можно привести немало фактов. Расскажу об одном из них.

...Подполковник Днепровский уже заканчивал свое

пребывание в артиллерийской бригаде по делу матерого националиста Сало. Только теперь он почувствовал, как устал. За несколько дней даже поесть нормально не удавалось. Поздно вечером Днепровский зашел на кухню 2-го дивизиона и попросил дежурного повара, которым оказался рядовой Дмитро Пичкура, чем-нибудь его накормить. Повар налил в котелок оставшиеся от обеда щи, поставил подогревать на малом огне.

— Разрешите обратиться, товарищ подполковник? — Пичкура вдруг вытянулся перед ним. Взволнованный голос, выступившие на лице солдата красные пятна сразу насторожили чекиста.

— Слушаю вас.

— Мне надо кое о чем рассказать вам, — произнес солдат, — но не здесь.

Пичкура несколько раз тревожно взглянул на темное окно кухни.

— О нашем разговоре никто не должен знать. Иначе... — Пичкура не договорил.

— Хорошо, — согласился Днепровский. — Отложим разговор до завтра.

На следующий день при соблюдении должной конспирации чекист выслушал Пичкуру и вот что узнал.

Дмитро всего девятнадцать лет. Он родился в бедной крестьянской семье в глухом селе на Тернопольщине. Рано лишился родителей. Годы фашистской оккупации прошли под страхом угона на работу в Германию. От облав прятался на лесном хуторе. Там Дмитро познакомился с лесорубами и семнадцатилетней дочерью лесника Олесей. Зимой 1943 г. они поженились, и у них родился сын Иванко.

После изгнания фашистов Пичкура получил повестку о явке в кременецкий военкомат. Его призвали в Красную Армию и назначили поваром. Кулинарному ремеслу он выучился еще когда жил у лесорубов.

В дивизионе рядовой Пичкура был на хорошем счету, к группе Сало отношения не имел. Однако Днепровский уловил в его рассказе несколько специфических слов, которые свидетельствовали о том, что он не раз общался с бандеровцами. И чекист не ошибся.

Ночью, накануне того дня, когда Пичкуре надо было явиться в военкомат, к нему в хату пришли два вооруженных бандеровца. Они приказали Дмитро и Олесе одеться, взять с собой ребенка и идти с ними. Один из

бандеровцев назвал себя «проводником» (руководитель звена националистов).

Огородами бандеровцы привели Пичкуру и Олесю на дальний край села к хате деда Петра, который в дни оккупации был связным у партизан. Теперь у него временно проживал «землемер» (так в Западной Украине тогда называли уполномоченных Советской власти по земельным вопросам). Возле хаты их поджидало еще около десяти вооруженных бандеровцев. Они вытащили всех, кто был в хате, на улицу и зверски изрубили на части. Не пожалели даже маленького внука деда Петра.

Олеся упала в обморок. Бандеровцы разрешили Дмитро взять ребенка на руки. Тот, что был у них за главаря, поднял дулом автомата его подбородок и зло приказал: «Смотри и запоминай навек!»

После этой кровавой расправы бандеровцы вернулись к хате Пичкуры, но вошли в нее только Дмитро и двое, побывавшие здесь раньше. «Проводник» достал из кармана кисет и медленно, жестко сказал: «С этого часа, Дмитро, ты служишь нашему святому делу. Если продашь, тебя и всю твою семью постигнет такая же страшная кара, которую видел. Возьми этот кисет. В его складках зашит сильный яд. Такой сильный, что его хватит убить сотню людей. И вот первое тебе задание. В армии напросись в повара. Служи исправно, угождай начальству. А накануне большого наступления брось яд в тот котел, в котором варится пища для офицеров. Сам после этого уходи в лес».

В середине своей исповеди Пичкура дал чекисту почитать письмо из дома. Жена сообщала Дмитро, что вскоре после его ухода в армию в село приехал другой «землемер» и все селяне получили хорошие наделы земли. А им, Пичкурам, как семье красноармейца, дали семена и помогли вспахать участок.

Закончив читать письмо, Днепровский вернул его Дмитро и спросил:

— Если я правильно понял, вы в благодарность за помощь вашей семье решили не травить советских офицеров?

— Да что вы, товарищ подполковник! — горячо возразил Пичкура. — Я тот кисет давно сжег. Просто хотел поделиться с вами тем, что накопилось на сердце. Тут вот какая ситуация теперь складывается. Недавно я встретил одного из тех «лесных братьев», которые были у меня в хате. Он у них не самый главный, но зверюга, каких

свет мало видел. Это он проткнул штыком внука деда Петра.

Дальше солдат рассказал, что на днях группа красноармейцев ездил на продовольственный склад. Среди них был и Пичкура. На станции Окница он лицом к лицу столкнулся со знакомым ему бандеровцем. Оказывается, тот служит в команде, которая сопровождает военные грузы по железной дороге. Бандеровец тоже узнал Пичкуру и обрадовался. Он сказал, что больше не надо ждать наступления советских войск и травить в артиллерийском соединении офицеров. Приказал бросить яд в общий котел и сразу же вернуться к нему на станцию. Потом Пичкура будет переправлен к «своим в лес». По словам бандеровца, вместе с ним в команде служат «два надежных человека».

Сведения, полученные от Пичкуры, требовали немедленных действий. Днепроровский срочно связался с управлением «Смерш» фронта и попросил прислать в помощь группу оперативных работников.

Через день Днепроровский высадил Пичкуру из машины в километре от станции Окница, и тот пошел на свидание с бандеровцем. Чекисты внимательно следили за тем, как будут развиваться события дальше.

После рукопожатия бандеровец отвел Пичкуру к одному из окон станционного здания, закурил. Говорили они минут тридцать, причем большей частью говорил бандеровец: видимо, инструктировал Пичкуру. Потом передал ему вещмешок и ушел. Пичкура прыгнул на подножку медленно проходившего эшелона. Через некоторое время он уже сидел в машине Днепроевского и рассказывал.

Как и следовало ожидать, бандеровца прежде всего интересовало, насколько точно выполнил Пичкура указание об отравлении пищи. Дмитро подтвердил, что высыпал яд в котел, но как было потом — не знает. Дескать, он поручил раздавать ужин дежурному помощнику, а сам, сославшись на головную боль, поспешил скрыться. Ушел из части, даже не заглянув в казарму. Добирался на станцию окольными путями, в основном лесом, и очень торопился, боясь, что его кинутся разыскивать.

Зная о чрезмерной набожности Пичкуры, бандеровец потребовал от него поклясться именем Иисуса Христа, что тот говорит правду. Дмитро поклялся. Можно себе представить, что он после этого испытывал!

— Теперь я верю, — повеселевшим голосом сказал

бандеровец. — А разыскивать тебя было в части некому. Тот, кто съел хоть ложку каши с ядом, через минуту отдал богу душу.

Однако бандеровец решил подстраховаться на случай, если здесь, на станции, ими вдруг заинтересуются патрули.

— Скажем, земляки. Вот, мол, встретились и заговорились. Ты идешь в свою часть из госпиталя, где три недели лечился от воспаления легких. Здесь, в вещмешке, на этот счет имеется соответствующая справка и две смены белья. Белье, кстати, насквозь пропахло каким-то лекарством. Словом, сделано все в лучшем виде.

На станции к ним никто не подошел.

— Сейчас через станцию проследует эшелон, — сказал бандеровец. — Забирайся на подножку последнего вагона. Не доезжая до Секирян, спрыгнешь, доберешься до грейдера. Там, недалеко от километрового столбика с цифрой 18, найдешь врытый в землю невысокий камень. Он тоже в виде столбика. Сядешь на него и будешь ждать. Посиди минут пять — уйди. Потом опять сядь. Делай так до тех пор, пока к тебе не подойдет мой «крестник» в красноармейской форме. Он поздоровается с тобой словами «Слава Иисусу», а ты ответишь: «Вам привет от вашего крестного дядьки Макара». Усек? «Крестник» отведет тебя в лес к командиру сотни. Теперь запоминай особенно тщательно. Скажешь сотнику: «Завтра, примерно в полдень, со станции Окницы через Бричаны на Ботошан отправляется двенадцать машин с ценным грузом. Заполучить его лучше всего на восемнадцатом километре. Пусть снарядят для этого дела тридцать подвод, а людей оденут в красноармейскую форму». Если тебя дорогой задержат, не вздумай нас продать, — продолжал «дядька Макар». — Из-под земли достанем и казним. И семью твою — тоже. Усек?

Дмитро предложил «дядьке Макару» отправиться с ним вместе. Тот обозвал его дурнем, — дескать, неужели не видит, как он ловко использует свое положение охранника военных грузов?!

Днепровскому пришлось немедленно посылать Пичкуру на выполнение задания «дядьки Макара».

— Не теряйтесь там, действуйте смело, — напутствовал его Днепровский. — За жену и сына не беспокойтесь. Скоро вы с ними встретитесь...

Ночью чекисты арестовали «дядьку». Им оказался матерый бандеровец — террорист Степан Плаксий. Чуть

позже был обезврежен и один из его помощников — Павло Толковенко. Этот, как бывший уголовник, сразу же начал давать показания.

Двенадцать грузовых машин должны были доставить в расположение 40-й армии, действовавшей под Ботошанами, оружие и боеприпасы к нему. Бандиты решили завладеть столь ценным для них грузом. Толковенко назвал и второго помощника Плаксия — Семена Кочергу. Он тоже служил в команде, сопровождающей военные грузы по железной дороге. Сам Плаксий на допросах пока отказывался отвечать.

Естественно, выход колонны машин, загруженных оружием и боеприпасами, был задержан. А вместо нее в сторону Ботошан вышло 12 грузовиков, в которых под брезентовым тентом расположились оперативные работники и бойцы. На 18-м километре близко к дороге подступал неглубокий заросший кустарником овраг. Днепровский, находившийся в кабине первой машины, сразу же заметил дозорного бандеровцев, одетого в форму красноармейца. Он быстро шел от оврага к дороге, показывая рукой, чтобы колонна остановилась. Когда передняя машина замерла на месте, а вслед за ней стали тормозить и другие, из оврага к колонне гогоча устремились вооруженные бандеровцы. Бойцы подпустили их совсем близко и открыли ураганный огонь. В течение нескольких минут с бандеровцами было покончено. В плен сдались шесть человек, среди которых был и Дмитро Пичкура.

Сало, Мамчура, Ильчишин, Плаксий, Кочерга, Толковенко и другие подобные им бандиты были всего-навсего марионетками в руках главаря гитлеровского гестапо группенфюрера Мюллера. В начале февраля 1944 г., когда советские войска уже были на подступах к границам Германии и ее сателлитов, в оккупированном фашистами Париже состоялось специальное совещание высокопоставленных лиц гитлеровской нацистской партии и главного управления имперской безопасности. Сюда же потребовали прибыть и руководителей организации украинских националистов. На этом совещании гитлеровцы предъявили им, как говорится, большой счет за якобы слабую помощь Германии в войне с Советским Союзом. Тогда же был разработан, а несколько позже в Берлине утвержден план, согласно которому руководству ОУН в категорической форме приказывалось развернуть в прифронтовом тылу советских войск широкомасштабную диверсионно-террористическую деятельность. Фактически

речь шла о создании в нашем тылу нового незримого фронта. Возглавить его Мюллер доверил Лебедю, который занимался у Бандеры разведкой и контрразведкой. Махровский националист и антисоветчик, Лебедь стремился особенно выслужиться перед гитлеровцами, так что в данном случае Мюллер знал, кому доверял незримый фронт. Он поручил лично Лебедю строго следить за настроениями не только среди украинских националистов, но и всего местного населения западных областей Украины. Кроме того, потребовал всячески добиваться, чтобы население, не сопротивляясь немецким войскам, разворачивало борьбу против Советской власти. Одновременно на этом совещании был разработан план бандеровской мобилизации в прифронтовой зоне.

Лебедь рьяно взялся за дело. В бандитские сотни так называемой украинской повстанческой армии стали силой сгоняться молодые парни. Сначала сколоченные из них бандитские формирования вместе с подразделениями «Нахтигаль» и полком «Бранденбург» использовались против советских партизан, а затем они должны были действовать как регулярные войска на определенных участках гермапо-советского фронта в период, когда Красная Армия вступит в западные области Украины.

Такие оуновские формирования хотя и являлись весной 1944 г. реально противостоящей нашим войскам силой, но даже малейших изменений в оперативно-тактическую обстановку на фронте не внесли. Их полная ликвидация была делом времени. Большую опасность таили организуемые оуновцами бандитизм, терроризм и диверсии на освобожденной от гитлеровских оккупантов территории западных областей Украины.

Однако и здесь оуновцы терпели поражение за поражением. Иначе и быть не могло: бандиты не имели никакой поддержки у населения Западной Украины. А само бандитское войско в своем большинстве держалось на страхе перед скорыми на расправу главарями. И все-таки запуганные и одурманенные националистами люди находили в себе силы порвать с бандитским отребьем, приходили в органы Советской власти с повинной. Простые люди западных областей Украины верили в Советскую власть и искали у нее защиты.

Используя националистов всех мастей, гестапо к тому времени отбросило даже видимость заигрывания с ними. Сколачивая банды или диверсионные группы, гитлеровская разведка не столько полагалась на силу националь-

ных идей, сколько на степень вины своих подручных перед Советской властью. С одной из таких групп пришлось вскоре снова столкнуться заместителю начальника управления «Смерш» фронта полковнику Белоглазову и начальнику следственного отделения майору Бражке. Двумя машинами, на одной из которых было 12 оперработников, они выехали в расположение 4-й гвардейской армии. Возле моста через реку Реут, километрах в десяти севернее Бравичены, машина Белоглазова вынуждена была остановиться. Перед въездом на мост на перилах лежали жерди. В первую минуту Белоглазов подумал, что с мостом что-то случилось. Но в это время из-под моста стали подниматься военные. Их было четверо: двое в офицерской форме и двое в красноармейской. Оба офицера были в гимнастерках с капитанскими погонами и при оружии.

— Что с мостом? — спросил Белоглазов.

— Ничего, — ответил капитан кавказской национальности. — Мы просто сделали здесь импровизированные шлагбаумы для остановки машин и проверки документов. Прошу предъявить их.

В это время к мосту подошла и полуторка с оперработниками. Из кабины вышел с автоматом старший оперуполномоченный отдела «Смерш» 4-й гвардейской армии старший лейтенант Силин, который приезжал в управление «Смерш» фронта за пополнением. Капитан-кавказец понял, что без подмоги не обойтись, и позвал кого-то с другой стороны реки. Оттуда, также из-под моста, подошли еще двое в офицерской и двое в красноармейской форме.

— Кто приказал организовать здесь КПИ? — задал вопрос Белоглазов.

— Поступил приказ свыше. Я заместитель начальника особого отдела «Смерш» 41-й гвардейской стрелковой дивизии. Мы ищем только что заброшенных в расположение наших войск немецких диверсантов, — бойко доложил капитан.

Белоглазов отметил про себя неправильное название отдела контрразведки дивизии. Но вида не подал.

— А я — заместитель начальника управления «Смерш» фронта. Следовательно, вы мой подчиненный. Предъявите ваши документы.

Белоглазов заметил, как у капитана судорожно дернулась щека. Он вынул из кармана гимнастерки книжечку в красной обложке с тисненным на ней крупным шрифтом словом «Смерш» и с апломбом подал ее полковнику.

Белоглазов раскрыл удостоверение и сразу убедился, что оно фальшивое. Там было написано, что капитан Наружбеков является заместителем начальника особого отдела «Смерш» 41-й гвардейской стрелковой дивизии. В подлинных удостоверениях наименование соединений никогда не указывалось.

Полковник был опытным чекистом. Службу в Красной Армии он начал еще в 1927 г. А через три года был рекомендован на работу в органы госбезопасности. В них Белоглазов прошел путь от помощника оперуполномоченного до заместителя начальника управления контрразведки фронта. За годы войны неоднократно принимал участие в боевых операциях войск и в задержании агентуры противника в сложнейших условиях. Ко времени встречи с диверсантами у моста он был уже награжден за образцовое выполнение заданий двумя орденами Красного Знамени и орденом Отечественной войны.

Белоглазов правильно оценил сложившуюся обстановку и решил, что брать диверсантов немедленно нельзя. Они хорошо вооружены. Так называемые рядовые держали автоматы на изготовку. А у него с автоматом был лишь старший лейтенант Силин. И Белоглазов завел с «капитаном» длинный разговор: когда, где и в каком количестве заброшены диверсанты, от кого он получил сведения о них, сколько по времени существует засада и что она дала? «Капитан» отвечал неуверенно. Майор Бражко и другие оперработники поняли, что полковник ведет игру, и насторожились. Тогда Белоглазов вежливо сказал «капитану»:

— Вы, видимо, недавно в дивизии и еще плохо ориентируетесь на этой местности. Мы тоже ищем диверсантов. Давайте вести розыск вместе. Я, как старший оперработник, возглавлю его. Здесь, на мосту, для проверки документов достаточно и четырех человек. По два на каждой стороне моста. Поставим двоих от вашей группы и двоих от моей. А из остальных товарищей создадим еще несколько групп по четыре-пять человек и прочедем овраги. Одну группу во главе с майором Бражко сейчас же направим за подмогой.

Не ожидая ответа Наружбекова, Белоглазов стал называть фамилии тех, кто войдет в эту группу. Наружбекову пришлось согласиться. Он лишь заявил, что хотел бы взять с собой еще одного своего автоматчика. Белоглазов не возражал. Остальные группы были созданы быстро. Старшие, которыми стали наши оперработники, получив

задание от полковника, начали расходиться. С перил моста сняли «шлагбаумы».

Нарузбеков собрался садиться в кузов, когда один из его автоматчиков сказал:

— Бек, хватит ломать комедию. Разве не видишь, что наша песня спета? — И бросил автомат к ногам Белоглазова. — Возьми автомат, начальник, и расстреляй нас сейчас же. Все равно не сегодня, так завтра нам один конец.

Ошеломленный происходящим Нарузбеков крикнул:

— Ты что, с ума сошел?! — И попытался было схватиться за свой маузер, но Бражко был начеку. Приемом самбо он обезоружил Нарузбекова. Видя безвыходность положения, сдались и другие диверсанты...

Следствие по этому делу установило, что все диверсанты из группы Нарузбекова имеют уголовное прошлое. А сам он — сын крупного осетинского феодала. В Красную Армию Нарузбеков призван на второй день войны. В плен гитлеровцам сдался добровольно в августе 1941 г. До весны 1942 г. он содержался на привилегированном положении в различных лагерях для военнопленных. Затем попал в поле зрения разведоргана «Цепелин» и был определен в карательный «национальный легион», готовящийся к отправке на Северный Кавказ. Но после разгрома гитлеровских войск на Кавказе Нарузбекова направили в разведшколу. Потом он дважды забрасывался в расположение советских войск на побережье Азовского моря. С создания возвращался благополучно и поэтому у фашистов считался ценным агентом.

Весной 1944 г. Нарузбеков был назначен старшим диверсионно-террористической группы. Ее готовил в окрестностях Кишинева оберштурмбанфюрер доктор Эрнст. Он же определил задание: захватить на участке Бравичены, Оргеев двух-трех генералов или полковников и доставить их в Кишинев. Нарузбекову предоставлялось право самостоятельного выбора места, времени и методов для выполнения задания. Связь группы с Кишиновом должна была регулярно поддерживаться по радио. Группа была обеспечена автомашиной, запасом горючего, продовольствием, рацией, взрывчаткой, топографическими картами, советскими деньгами и другим снаряжением.

Но, как говорится, гладко было на бумаге. Бдительность советских людей долгое время мешала диверсантам предпринять что-либо существенное. На каждом шагу их подстерегала опасность быть разоблаченными. А гитлеровские «хозяева» все радиосеансы заканчивали требо-

ванием немедленно начать действовать. Нетерпение фашистской разведки можно было понять. Победы Красной Армии день ото дня приближали крах фашистской Германии. И гитлеровское командование лихорадочно изыскивало возможности любым способом узнать направление и мощь очередных ударов советских войск...

Победное наступление Красной Армии повлекло за собой крупнейшие изменения в расстановке сил на политической арене. Активизировалось движение Сопротивления в странах Западной Европы. Неизбежность краха фашистской Германии стала ясной даже наиболее преданным ей, наиболее реакционным русским белоэмигрантским организациям, всем тем, кто благословлял Гитлера на «крестовый поход» против большевиков, а потом творил на временно оккупированной советской территории чудовищные злодеяния. Вот яркое тому подтверждение.

В середине мая 1944 г., спустя месяца полтора после изгнания оккупантов из Одессы, у села Березовки красноармейский патруль задержал трех членов контрреволюционной организации монархического толка Российский общевойсковой союз (РОВС) — бывших офицеров царской и белой армий. Это были те самые кадры, на которые руководство гитлеровских разведорганов возлагало особые надежды. Допрос задержанных напоминал, скорее, горькую исповедь людей, выступивших с оружием в руках против своего народа и потерпевших в этой борьбе полный крах.

Сразу после вступления оккупантов в Одессу сюда начали прибывать из Румынии и Болгарии белогвардейцы — члены разного рода заграничных контрреволюционных организаций. Членов РОВС к октябрю 1942 г. в Одессе насчитывалось около двухсот человек. Они занимали должности консультантов и помощников начальников в СД, гестапо, местной полиции, городском бургомистрате, военных комендатурах и других учреждениях оккупантов. Словом, всюду, где у захватчиков появлялась нужда в «знатоках» России. Одни из них приехали сюда по настоянию руководителей этой организации, другие — по добровольному желанию. Служили захватчикам не за страх, а за совесть, в расчете на получение после войны щедрого вознаграждения.

Настроение у большинства их тогда, в дни успехов гитлеровцев на восточном фронте, было приподнятым. Но вот в начале февраля 1943 г. в Одессу дошла весть о выходящейся победе Красной Армии под Сталинградом.

И сразу же куда подевались и приподнятость, и надежды. Всколыхнулась новая волна старых раздоров, несколько приутихших после прихода к власти Гитлера, когда бывший атаман Войска донского Краснов добился переориентации деятельности РОВС с Англии, Франции и США на Германию. Именно после поражения фашистов на Волге начался заметный «отлив» членов РОВС из его воинских формирований. Больше того, некоторые ровсовцы, проживавшие во Франции и Югославии, даже стали уходить в отряды движения Сопротивления.

Здесь следует заметить, что среди членов РОВС, созданного еще в 1924 г.¹ верхушкой военной белоэмиграции во главе с великим князем Н. Н. Романовым, которого тогда главари белогвардейщины прочили в новые монархи России, никогда не было единства. Организацией РОВС преследовалась цель объединения всех белогвардейских сил, и прежде всего воинских формирований, созданных за границей из остатков белых армий, чтобы продолжать борьбу с Советской властью — осуществить поход на Россию вместе с интервентами и восстановить в ней монархию.

Но предполагаемого и желаемого единства в РОВС его руководителям добиться так и не удалось. Камнем преткновения раздоров были различные мнения о целях союза, его предназначении и особенно методах борьбы с Советским государством. Было много противников «кутеповских»² методов борьбы с Советами. В 30-х годах распри дошли до того, что из РОВС выделились в отдельную антисоветскую организацию так называемые молодые эмигранты — в основном дети верхушки белогвардейщины — и назвали ее Национально-трудовым союзом нового поколения (НТСНП). Эта организация сразу стала ориентироваться на фашистскую Германию и обосновала свою штаб-квартиру во Франкфурте-на-Майне³. Но ко времени описываемых здесь событий у многих членов РОВС созрело мнение, что им следует основательно пересмотреть свои позиции и попросить у Советской власти прощения и

¹ Штаб-квартира РОВС тогда располагалась в Париже.

² Кутепов А. П. — полковник царской, генерал-лейтенант белой армии, махровый реакционер, монархист, один из руководителей РОВС в 1924—1930 гг., сторонник и организатор активных контрреволюционных выступлений внутри Советской страны: заговоров, восстаний, диверсий, террора.

³ Ныне НТСНП носит название Народно-трудового союза (НТС) и находится на службе у ЦРУ.

предоставления возможности возвратиться на Родину. Однако действовать пока никто из них не решался. Бывшие царские и белогвардейские офицеры штабс-капитан А. Н. Лисицын, капитан-лейтенант Н. Г. Хлебородов и есаул П. Д. Семеновский были, так сказать, первыми ласточками.

Мне довелось беседовать с этими бывшими членами РОВС. Все они с горечью поведали о своей жизни в эмиграции, о крушении иллюзий. Вот что сказал мне, в частности, бывший штабс-капитан Лисицын.

«Ничто в последние годы так не влияло на распад РОВС, как победы Красной Армии. Каждый ее успех вызывал у одних прилив радости, у других — прилив злобы и ненависти. Но тех, которые радовались успехам Красной Армии, было намного больше. Эмигрантскому отребью, которое навсегда запятнало себя творимыми с благоволения гитлеровцев кровавыми делами против советских соотечественников, оставалось только обливать Советский Союз и его Вооруженные Силы грязью, продолжать чинить расправы над мирным населением, совершать диверсионные акты. К их числу относятся прежде всего те, которые еще задолго до начала войны с территорий Польши и Румынии делали бандитские набеги на приграничные районы Советской России, пошли на службу в разведывательные органы некоторых империалистических государств Запада. Что же касается меня, Хлебородова и Семеновского, то мы уже давно политические мертвецы. Мы низко склоняемся перед нашей Родиной, перед ее народом и готовы нести ответственность за все содеянное против него...»

Так замыкался круг жизни людей, которые более двадцати лет назад покинули Родину и причиняли ей по воле своих хозяев вред.

Войска 2-го Украинского фронта принимали участие в Курском сражении, провели Белгородско-Харьковскую, Полтавскую и Кременчугскую операции, в конце сентября 1943 г. форсировали Днепр, на Правобережье Украины разгромили крупную группировку фашистских войск в районе Корсунь-Шевченковского. Отсюда был сделан решающий бросок, завершившийся выходом на государственную границу с Румынией. Закончили свой боевой путь войска 2-го Украинского фронта в Праге.

Вместе с воинами фронта этот боевой путь прошли и работники военной контрразведки. Они героически сражались на поле боя, в схватках с фашистскими агентами-диверсантами, террористами, бандитами и другими врагами Советского государства. Смертельные бои и тайные сражения им приходилось вести ежедневно, ежечасно.

В книге названо немного имен армейских чекистов — моих боевых товарищей. Главным образом это те, с кем автору довелось работать с первых дней войны на Юго-Западном фронте, а затем на Сталинградском, Степном и 2-м Украинском фронтах. Им, воспитанным на славных чекистских традициях Ф. Э. Дзержинского, принадлежит заметное место в разгроме гитлеровских разведывательных и контрразведывательных органов в годы войны. В суровую пору войны мои боевые соратники руководствовались в своей деятельности указаниями Центрального Комитета нашей партии, повседневно опираясь в своем тяжелом труде на помощь военных советов, командиров, политорганов, партийных организаций, воинов-патриотов, всех советских людей.

Многие из моих соратников — военных чекистов — отдали жизнь за Родину.

Годы берут свое. Сегодня нет в живых тех, кто находился в боевом строю до последнего дыхания и в мирное время. В 1951 г. умер начальник одного из отделов Министерства государственной безопасности СССР полковник Б. В. Дубровин. В 1953 г. скончался полковник А. Д. Васильченко. Нет в живых полковника В. Г. Бондаренко, подполковника Я. А. Днепровского, подполковника М. П. Ткачева, подполковника Е. Р. Яровенко, майора М. А. Кочкина. Выйдя в отставку, они продолжали трудиться. Так, Бондаренко стал кандидатом экономических наук, доцентом, преподавал в одном из ин-

ституты. Днепровский продолжительное время был председателем областного Совета ветеранов-чекистов. Яровенко более десяти лет работал в Министерстве народного просвещения УССР.

Кочкин после войны вернулся к своей любимой профессии. Он был страстно влюблен в родную природу. Будучи тяжело больным после ранения, Кочкин в 1945 г. получил направление на работу в Крым. Сначала он заведовал научной частью Крымского государственного заповедника, а в 1958 г. был назначен директором Государственного Никитского сада. На этом посту находился 19 лет. За эти годы он отдал много сил и знаний созданию материально-технической базы сада, развитию науки и подготовке научных кадров — почвоведов. Бывший контрразведчик стал доктором сельскохозяйственных наук УССР, профессором. Ему было присвоено звание заслуженного деятеля сельскохозяйственных наук. За свой труд в Крыму Кочкин награжден орденом Октябрьской Революции и двумя орденами «Знак Почета». До конца своей жизни он вел большую общественно-политическую работу, являлся членом Крымского обкома КПУ и депутатом Ялтинского горсовета. Умер этот скромнейший человек в ноябре 1980 г. И, пожалуй, вряд ли кто из его знакомых в Крыму знал, что в тяжелейшие годы Великой Отечественной войны он был военным чекистом.

Полковник П. Н. Белоглазов, подполковник А. П. Котвенко и подполковник М. Ф. Романченко находятся на пенсии. Белоглазов до ухода в 1964 г. на заслуженный отдых почти двадцать лет был начальником ряда областных управлений КГБ, избирался членом бюро обкомов партии, в 1946—1951 гг. был депутатом Верховного Совета СССР. Двое других названных моих боевых товарищей вышли в отставку в разное время, проработав в органах военной контрразведки в послевоенный период по десять—пятнадцать лет.

В книге показана лишь небольшая толика самоотверженного труда военных чекистов 2-го Украинского фронта. В целом же они практически свели на нет все усилия действовавших против фронта разведывательных и контрразведывательных органов противника. Одновременно пресекались подрывные действия враждебных элементов, проникавших в войска, а на освобождаемой территории обезвреживались разного рода изменники, каратели, предатели и пособники фашистских оккупантов.

Много было сделано военными чекистами и за линией

фронта. В фашистское логово направлялись люди исключительных личных качеств. Их труд был особо тяжел, а жизнь ежеминутно подвергалась опасности.

После выхода советских войск на государственную границу перед ними встала задача помочь народам Европы освободиться от «коричневой чумы» — добить фашистского зверя в его логове и закончить войну полной победой советского народа. Руководители гитлеровских разведок и карательных органов, понимая свою обреченность, делали теперь ставку на самые изуверские методы борьбы с Советским государством и его воинами — на террор. И это требовало от всех военных контрразведчиков высочайшей политической бдительности, зоркости и мастерства.

Советская контрразведка прошла в годы Великой Отечественной войны трудный, но славный путь. Значительны ее заслуги в победе Советских Вооруженных Сил над злейшим врагом человечества — фашизмом. Успехи в работе органов военной контрразведки всецело определялись руководством со стороны Коммунистической партии, ее Центрального Комитета. Постоянно укрепляя связи с военным командованием и солдатской массой, строго соблюдая советские законы, военные контрразведчики вели активную борьбу за обеспечение безопасности Советских Вооруженных Сил от разведывательно-подрывной деятельности гитлеровской агентуры.

Советские контрразведчики и сегодня вносят свой весомый вклад в дело защиты жизненных интересов советского народа и его Вооруженных Сил. Исторические достижения социализма, рост притягательности его идей, успехи во внутренней и внешней политике вызывают ожесточенное противодействие сил империалистической реакции. Империализм не в состоянии ликвидировать мировой социализм военной силой и вынужден делать ставку прежде всего на невоенные средства и методы. Для ведения тайной войны в империалистических государствах созданы мощные разведывательно-подрывные аппараты, различные официальные и неофициальные центры и организации. На их содержание ежегодно тратятся огромные материальные средства.

Западные разведки придают особое значение сбору сведений об обороноспособности Советского Союза, его Вооруженных Сил, пытаются использовать для получения такой информации всевозможные пути. В этих условиях от каждого советского человека требуется величайшая

бдительность, умение распознавать действительных врагов.

Советские контрразведчики глубоко сознают свой высокий долг и ответственность за порученное им партией и государством дело. Безгранично преданные Коммунистической партии, нашей великой Родине, советскому народу, они отдают все свои силы делу обеспечения безопасности Советских Вооруженных Сил, делу борьбы за коммунизм.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ТАК ОНИ НАЧИНАЛИ

В первые дни	3
Всем миром	35
Лицом к лицу с абвером	52
Ответный удар	84

В ДНИ ИЗГНАНИЯ ОККУПАНТОВ

Расчеты и просчеты	151
И числом и умением	166
Возмездие	188
Круг замкнулся	210

Белоусов М. А.

Б43 Об этом не сообщалось...: Записки армейского чекиста. — 2-е изд., доп. — М.: Воениздат, 1984. — 238 с.

60 к.

В книге рассказывается о борьбе военных чекистов с вражеской разведывательной и диверсионной агентурой на фронтах Великой Отечественной войны.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Б 1304010000-112 КБ-55-3-83
068(02)-84

ББК 63.3(2)722

9С27

БЗВ № 16-1983 г.-№ 2

Михаил Артемьевич Белоусов
ОБ ЭТОМ НЕ СООБЩАЛОСЬ...

Редактор *В. А. Хорев*
Редактор (литературный) *Т. Н. Зариковская*
Художественный редактор *В. В. Васильев*
Технический редактор *Е. В. Дмитриева*
Корректор *Т. В. Жильцова*

ИБ № 2550

Сдано в набор 20.10.83. Подписано в печать 27.01.84.
Г-73101. Формат 84×108/32. Бумага тип. № 3. Гарн. об. нов.
Печать высокая. Печ. л. 7½. Усл. печ. л. 12,6. Усл. кр.-отт. 12,81.
Уч.-изд. л. 13,61. Тираж 100 000 экз. Изд. № 1/9976. Зак. 4-784.
Цена 60 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.
Набрано в 1-й типографии Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Отпечатано с матриц на книжной
Ф-ке им. М. В. Фрунзе, 310057, Харьков-57,
ул. Донец-Захаржевского, 6/8.

604

ОБЪЕДИНЕНИЕ М.А. БЕРНКОФ